

В. Камин

**ЭХО
СТРАНСТВИЙ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Катин

ЭХО СТРАНСТВИЙ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

Е. А. ЛЕБЕДЕВ

В. К. Катин

К29 Эхо странствий. М. «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971.

168 стр. с илл.

В очерках советского журналиста, проведшего девять лет в странах Ближнего Востока и Африки, рассказывается о судьбах, традициях, обычаях, правах народов африканских стран, а также о колонии Гибралтар и княжестве Монако.

Панорама Марокко

ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сахара, снега Атласских гор, плантации жасмина, караваны верблюдов, реактивные самолеты, кремневые ружья, урановые рудники, римские развалины, залежи фосфоритов, андалузские мелодии, татуированные лица берберов, ночные казино, заклинатели змей, забастовки докеров, молитвы Корана, лабиринты базаров...

Имя этой страны на ее родном языке — Аль-Магриб. Означает оно — «Страна заходящего солнца». Взгляните на географическую карту, и вы поймете тех, кто дал государству такое название: Марокко расположено на крайнем западе арабского мира. Здесь когда-то кончались западные границы великих арабских халифатов.

Жизнь современного Марокко довольно прочно покоится на фундаменте заветов Мухаммеда — основателя ислама. В центре каждого марокканского села, а в городе почти в каждом квартале стоит страж ислама — каменная башня минарета. Есть мечети — шедевры арабского зодчества. Знаменитые Кутубия в Марракеше и Карауйинская в Фесе неподвластны времени: их возраст больше десяти веков. Об этих мечетях написаны тома научных исследований, сложены поэмы, они запечатлены на почтовых открытках, спичечных коробках и в дорожных западных изданиях.

Редкий состоятельный марокканец в возрасте за пятьдесят лет не совершил паломничества в святыне города Мекку и Медину. Правовойерный молится там, где его застал час молитвы. Я видел часового, который самозабвенно молился на своем посту. Но сказать, что молодежь глубоко религиозна, нельзя. Традиции и обряды ислама молодое поколение соблюдает скорее из

чувства уважения к старшим как ритуал необходимости. В открытых уличных кафе вы никогда не увидите марокканца за стаканом вина, запрещенного священной книгой. Однако вино пьют, но не в людных местах.

Прожив пять с лишним лет в Марокко, я не могу назвать ни одного знакомого мне мусульманина, у которого было бы несколько жен. И если вы будете об этом расспрашивать, то над вами посмеются, — нет уже такого обычая, санкционированного когда-то Кораном. Можно привести примеры, когда строжайшие запреты пророка навсегда преданы забвению. Например, ислам категорически запрещает изображать живые существа, ибо «в день страшного суда они предстанут перед автором, потребуют от него душу, а он не сможет этого сделать и посему будет гореть в вечном огне...» Наверное, я был единственным человеком, кто вспомнил этот завет ислама на выставке выпускников художественного училища города Сале...

Арабская женщина в длинной до пят джеллабе, наглухо закрытая чадрой, — обычное явление на улицах марокканских городов. Но здесь уже носят и юбки выше колен. Однако марокканку, снявшую чадру, никто не осуждает. И дело тут не в моде. Проблема — закрывать лицо или нет, носить долгополую национальную одежду или нет, перешла, на мой взгляд, из области строгих когда-то нравов в область вкусов.

Незаметно, исподволь новые веяния, понятия, взгляды проникают сквозь вековую толщу устоев и беспрекословных порядков. Вы приходите в министерство туризма и спрашиваете начальника отдела прессы. Старик привратник в бордовой цилиндрической феске с кисточкой и широченных плиссированных шароварах подводит вас к двери с табличкой «Турая Сарраж». Постучал и ждет, пока разрешат войти. Приоткрыв дверь, почтительно спрашивает, можно ли пропустить посетителя. Турая Сарраж — молодая красивая марокканка, лицо которой никогда не закрывала чадра. Беседую с ней, а сам думаю о привратнике. Во времена его молодости женщина не смела перешагнуть порог комнаты, где находятся мужчины...

На юге Марокко есть город Эрфуд, за его глиняной стеной начинается Сахара. Я бывал в гостях у главы города — каида Эрфуда Мухаммеда Наима. Обстановка

Юг Марокко. Дома-крепости, построенные в стиле древних архитектурных традиций

в доме, манера принимать и вести беседу — все исконно традиционное, стародавнее. Только жена каида не пряталась от гостей. Она сидела с нами за столом, расспрашивала меня о Москве, консерватории, Большом театре.

В арабских семьях много детей — десять-двенадцать. Примечательно, что кругозор нынешней марокканской молодежи вышел за стены древних традиционных поселений и базарных лавок, перешагнул вековые догмы. В семье моего знакомого, рекламного агента Дуккали, девять сыновей. Я слышал однажды, о чем рассказывал

малышам старший брат — докер в порту Касабланка. Он рассказывал притихшим мальчишкам, как рабочие организовали забастовку и выиграли ее...

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

На мой взгляд, контуры социально-политической структуры Марокко выглядят следующим образом: абсолютная монархия, наличие сильной армии, допущение некоторых буржуазно-демократических свобод, пристальный контроль государства над деятельностью всех организаций.

Король по своему усмотрению и на неопределенный срок может распустить парламент, изменить конституцию и так далее. Так, негодный королю парламент был распущен в 1965 году и переизбран только через пять лет.

Пятнадцать лет самостоятельности — для государства срок небольшой. Однако крупная национальная буржуазия успела за это время возникнуть, укрепиться, занять позиции в экономике. В основном это компрадорская, то есть посредническая, буржуазия, тесно сотрудничающая с французскими и испанскими капиталистами. Классовые интересы объединяют марокканских нуворишей с предпринимателями Франции, но разъединяют их со своими рабочими и батраками.

Трудно найти стопроцентное марокканское предприятие — почти в каждом будет вкраплен иностранный капитал. Марокканская буржуазия копирует методы ведения прибыльных дел, образ жизни Запада. Если, например, в прежние времена виллы с лебедями, фешенебельные лимузины и поездки на воскресенье в Париж были уделом богатых французов, то теперь к этому приобщились и местные нувориши.

В одном ряду с крупной буржуазией стоит высшая государственная администрация, включающая военную верхушку, руководящая бюрократия, особо привилегированные служащие. Эта прослойка появилась также после получения независимости, ибо в колониальный период к управлению государством марокканцы практически не допускались. Из высшей, хорошо оплачиваемой админи-

В Марокко пашут на быках

страции очень часто вырастает буржуазия, и наоборот — из среды последней формируется руководящий чиновничий аппарат.

Опора власти в сельской местности — крупные феодалы; всего их около десяти тысяч, однако основная часть хороших земель принадлежит именно им.

Большой и пестрый класс составляет средняя и мелкая буржуазия. Спецификой Востока, и Марокко в том числе, остается торговля и кустарный промысел. Коробейник, торгующий вразнос нейлоновыми носками и сигаретами, мечтает иметь лавку; обзаведясь ею, он строит новые планы. Ремесленников-кустарей в Марокко примерно триста тысяч. Чего только они не мастерят — от тончайших ювелирных изделий до кремневых ружей!

Из мелкобуржуазной среды чаще всего выходят служащие, бедная или среднего достатка интеллигенция. На селе наиболее близки к этой прослойке мелкие землевладельцы.

Классы неимущих — городской и сельский пролетариат, мелкие арендаторы, сезонные батраки. Примерно половина сельского населения не имеет земли.

В стране сформировался авангард трудового народа — трехсоттысячный пролетариат. Это докеры, заводские и фабричные рабочие, шахтеры, строители. Пролетариат объединен в монолитную, влиятельную в стране организацию — Марокканский союз труда, который энергично борется за улучшение экономического положения рабочих, выдвигает политические требования. Методы борьбы марокканского рабочего класса — забастовки, демонстрации, выступления в печати, митинги.

СТАРЫЙ РАБАТ

Столица Марокко — Рабат — была основана в те далекие времена, когда арабы, совершая свои завоевания, проникли в Африку. Древний город во всей своей первозданности сохранился и поныне. За толщей каменной зубчатой стены замкнулась медина — старый Рабат. Если прежде неприступная стена защищала от неприятеля, то ныне она отделяет мусульманский город от нового, европейского Рабата, который разросся за стеной. Оба города живут в согласии. Однако медина неизменно хранит свои вековые обычаи, традиции, нравы.

Очень редко встретишь в медине женщину, одетую по-европейски. Марокканка в старом городе, как и сто лет назад, задрапирована в джеллабу с капюшоном, а лицо закрыто черной чадрой. Из такого свертка нейлона, шерсти и шелка видны лишь мистические глаза. Здесь узнают друг друга скорее по одежде, чем по лицу. Наряд мужчины — тоже джеллаба, сшитая несколько иначе, на голове тарбуша — бордовый цилиндр без полей, но с кисточкой, на ногах остроносые бабуши — шлепанцы. Такая обувь удобна тем, что ее можно быстро снять — одним движением ноги. А снимать бабуши приходится довольно часто — ведь мусульманин не войдет в обуви ни в дом, ни тем более в мечеть.

Планировка узких улиц медины, где порой не разойтись двум встречным, в свое время была оправданна. В такую каменную траншею не могла на скаку ворваться вражеская конница, а спешившихся воинов можно было легко перебить в лабиринте незнакомого им горо-

да. Эти дома-крепости стоят в Рабате и сейчас. И массивные двери таких домов, словно старинные сундуки, окованы металлом, замкнуты на засовы.

У рабатской медины своя жизнь. Улочки здесь выложены скользкими, отполированными за века булыжниками. Они вьются между лавок, мастерских, торговых рядов, где разложены в изобилии пряности, фрукты, вывешены ткани, дешевые ковры, где кудахчут привезенные на продажу куры, где не проехать автомобилю и кладь перевозят на ослах. Чем здесь только не торгуют! Горы сушеных фиников, сандаловое дерево, горячие бублики, пластмассовая посуда, яркая керамика, кокосовые орехи, хна, серебряные украшения, овечьи шкуры, японские транзисторные приемники...

Тут же, прямо на улице, расположились портные: обмерив клиента на глазок, они за четверть часа на швейной машинке сошьют ему платье-рубашу. В укромном уголке, чтобы не мешали прохожие, обосновался парикмахер: его клиенты усаживаются прямо на землю. А вот квартал писарей — еще издали слышно, как дробно стучат их пишущие машинки. Писарь — уважаемый человек в медине. К нему обращаются не только, когда нужно послать восточку родственникам. Писарь составляет деловые письма, ходатайства, прошения, снимает копии с документов. В отдаленных районах страны еще встречаются писари с пузырьком чернил и ученической ручкой. Но в крупных городах люди этой профессии давно обзавелись пишущими машинками с арабским шрифтом.

Жизнь здесь меняется медленно, почти незаметно. Квартал столярных мастерских, квартал сапожников, ряды ткачей, которые сами и нить сучат и ткнут красивые, украшенные орнаментом покрывала. Тайны ремесла передаются из поколения в поколение, навыки приобретаются с детских лет. Есть в медине ковровые мастерские, где используется исключительно детский труд. Чтобы выткать сложный многоцветный рисунок, надо обладать очень тонкими пальцами. Вот почему ковры ткнут девочки в возрасте пяти-семи лет.

Резчики по дереву, кожевники, чеканщики по меди, ювелиры работают в распахнутых настежь помещениях, они приветливы с каждым, кто заглянет к ним. Один из моих знакомых, пожилой переплетчик Наджар, пока-

зал мне как-то три тома работ В. И. Ленина на арабском языке, переплетенных им в добротную кожу с золотым тиснением. «Это заказ студентов Рабатского университета», — пояснил мастер.

Ислам напоминает о себе повсюду. В старой и новой частях Рабата высятся башни минаретов. На заре и по вечерам голос муллы, усиленный микрофоном, разносит молитвы. В программах голубых экранов и радио преобладают религиозные передачи воспитательного характера. В школах и университетах изучение Корана обязательно. В священный месяц рамадан мусульмане строго постятся. Ни пищей, ни глотком воды, ни затяжкой сигареты нельзя нарушить пост в течение всего дня. Рабочий день в период рамадана официально укорочен. Все живут ожиданием заката солнца, когда выстрелит пушка, и только тогда можно сесть за стол.

Мой друг Брахим Наджар, зажиточный торговец, живет в медине. Как образцовый мусульманин часы своего досуга он проводит в мечети. Сидя на ковре, он слушает Коран, размышляет о своих делах. Брахим говорит, что идеально спокойная атмосфера мечети действует на него успокаивающе. Из кармана джеллабы Брахима всегда торчит свежий номер местной газеты, где на первой полосе с точностью до минуты печатается расписание пяти молитв, которые ежедневно надлежит совершать мусульманину. График молитв скользкий, меняется каждый день в зависимости от времени восхода и захода солнца. Брахим, не раздумывая, опускается на колени и молится там, где его застало время совершать очередную молитву. При этом лицо обращено в сторону Мекки — направление священного города выбирается всегда безошибочно.

Расположение арабских друзей часто проверяется в рамадан. Пригласят на вечернюю трапезу — значит, ты в чести и уважении.

Однажды, на третий день поста, Брахим прислал ко мне своего сына с запиской: «Жду на обед. Заход солнца сегодня в 17 часов 23 минуты».

Входная дверь дома Брахима окрашена в веселый голубой цвет, словно в прямоугольный кадр вставлен кусок чистого неба. На двери висит медная ладонь — амулет семейного очага. Голубая плоскость двери отодвигается, и я перешагиваю темноту. Ступенька, вторая,

поворот, и мы на круглой площадке миниатюрного дворика. В центре — фонтан, выложенный пестрыми лепестками глянцевой керамики. Ромбами и треугольниками мозаики разузорены стены. Таков типично марокканский дом: он как колодец, дно которого — двор, а четыре обступающие стены — это четыре двухэтажных помещения. Кстати, и плоские крыши — здесь тоже полезная площадь.

Хозяин проводит в одну из комнат. Вдоль стен — тахты в ситцевых чехлах и кругляки кожаных пуфов. Стульев нет. На стенах портреты марокканских королей и в золоченых рамках мудрые изречения из Корана. Мы по-восточному, пристрастно расспрашиваем друг друга о здоровье, о детях. О самочувствии жены у мусульманина осведомляться не следует, ибо такой интерес может быть истолкован по-разному...

Постепенно комната наполняется родственниками-мужчинами. Сбросив у порога обувь, они подходят к гостю, здороваются за руку, удобно располагаются на диванах. Силуэты женщин мелькают в сумерках во дворе. Они будут обедать отдельно, после мужчин.

Появляются две девочки, дочери Брахима, одетые в шелковые национальные платья, которые по-арабски называются кафтанами. Кафтаны расшиты блестящими, как елочная канитель, нитями. Девочки принесли таз, металлический кувшин с теплой водой, мыло и полотенце. Все вымыли руки, а сестры расставили круглые низкие столы, вернее, большие металлические подносы на трех коротких ножках. Где-то на другом конце города грохнула пушка. На столах-подносах появились дымящиеся миски с горячей густой харирой. Это национальное блюдо — острый суп из потрохов и овощей — едят в рамадан в каждой семье. Если в этот час дела задержали марокканца вдали от дома, он получит миску хариры в любой незнакомой семье — достаточно постучаться в дверь. Таков обычай, пронесенный через века.

Хозяин дома негромко произнес: «Во имя Аллаха!» Трапеза началась. Сдобренная шафраном, янтарная харира обожгла рот, вторую ложку ем осторожно, дуя на чечевицу и рис. После живительной хариры наступает отдых. Люди наконец пришли в себя после голодного дня, возникает разговор. Курить выходят во двор. А через полчаса снова все в сборе. На столах чередуются

Подносы с бараниной, жаренными в оливках курамы, сладким слоеным пирогом — бастиллой. Вилки и ножи нет и в помине, все ловко едят руками. Непривычно только вначале, а войдя во вкус, понимаешь, что национальные блюда есть руками гораздо удобнее, чем столовыми приборами. Пальцы чувствуют, что кусок слишком горячий, и ты медлишь, держишь его в руке, выжидая, пока остынет. Металлическая ложка этого не подскажет.

Затем пьем золотистый чай, приправленный мятой. Пьем из маленьких, по форме напоминающих медицинские банки стаканов, куда щедро кладут куски колотого сахара. Некоторые вместо чая завершают обед горячим молоком, но опять же с сахаром. Кстати, страна занимает первое место в мире по потреблению сахара на душу населения.

Спрашиваю о происхождении рамадана, и Брахим охотно рассказывает...

Пророк Мухаммед ввел месячный пост как дисциплинарную меру для богатых, никогда не знающих, что такое голод. Воздержание от пищи должно было, по замыслу пророка, приблизить богатых к бедным, заставить их понять положение обездоленных. Кроме того, в течение всего рамадана после захода солнца богатые должны были кормить бедных, делать им подарки.

За прошедшие века первоначальная суть рамадана забылась, а подарки бедным уже давным-давно никто не делает. Больше того, если по замыслу Мухаммеда тридцатидневное голодание вынуждало имущих вести аскетический образ жизни, то теперь рамадан стал праздником ночных пиршеств. С передышками едят с вечера до зари. Парадоксально, но факт — в семьях с небольшим достатком все деньги в период поста тратятся на еду, многие залезают в долги...

Брахим хлопнул в ладоши, на пороге появились его дочери, и им было велено снова нести угощения...

Для любого города или села раз в неделю по традиции закреплен базарный день. Для Рабата это четверг.

В этот день пустырь на окраине столицы превращается в огромную ярмарку. На автомобилях и ослах, верблюдах и мотоциклах, пешком и на велосипедах сюда устремляются тысячи людей. Прилавков нет, товар раз-

ложен прямо на земле. Но этот калейдоскоп разнообразных вещей и продуктов подчинен своим строгим правилам. Геометрически ровными параллелями вытянулись овощные и фруктовые ряды, мясные и галантерейные палатки, секции гончарных изделий, одежды, посуды, соли, зерновых; за оградой стреножен скот. Бродячий самоучка-дантист плоскогубцами рвет больные зубы и заговором останавливает кровь; горластый лекарь-шарлатан заманивает курить порошки от всех на свете болезней. Звенят медными плошками экзотически наряженные разносчики питьевой воды в широкополых шляпах самых отчаянных расцветок. Поодаль от торговых рядов и сутолоки разместились гастрономы. Дымят жаровни, кипит масло, булькают прокопченные чайники. Жаренные в масле бублики нанизывают на зеленую травинку, в пальмовом листе пекут рыбу... На базаре вы встретите укротителя кобр, которые по зову устало вытягиваются из цинкового ведра. Базарный день — это маленькая ярмарка, где можно поразвлечься, полечиться, узнать новости.

Таков старый Рабат, страж и хранитель традиций давно минувших лет.

ДРУЖБА С МОСКВОЙ

Когда меня спрашивают, что наиболее характерно для Марокко, я говорю — апельсиновые рощи. Войдешь в такую рощу и растеряешься: листвы на деревьях почти не видно, сплошной массой, без меры и без счету ветви обвешаны ароматными оранжевыми мячиками. И кажется, что ты в сказочных царствах Шехерезады и вокруг переливаются золотые слитки. Для Марокко апельсины и на самом деле золото. Они идут на экспорт, дают валюту. Много апельсинов продают марокканцы в Советский Союз.

Редкий день в порту Касабланки вы не увидите у причала советское судно.

Испепеляющий зной, сухая желтая земля, хилая речушка Дра еле ползет по каменистой ложбине. Это Варзаат — огромный бесплодный край на подступах к Сахаре. Кочевники, перегоняя флегматичных верблюдов;

останавливаются у палаток в пустыне, слушают незнакому русскую речь и бредут дальше... Здесь работают советские геологи. Они заглядывают в будущее Варзазата и видят плотину, электростанцию, орошенные поля. Старый, мудрый перекупщик верблюдов Фарджи говорил мне: «Пророк учил: три вещи радуют глаз. Это красивое лицо, вода и зелень... Я вижу здесь добрые лица русских. Хорошая примета—придет вода, будет зелень».

С наступлением вечера Рабат расцветает огнями. Толпы у кинотеатров, вереницы горожан не спеша прогуливаются по бульвару Мухаммеда V. Но есть в столице сто двадцать молодых людей, которые после трудового дня не отдыхают, а направляются в советский культурный центр — учить русский язык. Состоялось уже несколько выпусков слушателей этих курсов. Они и сейчас частые гости здесь, эти парни и девушки, овладевшие русским, они приходят обменять книгу, почитать свежие московские журналы.

Новинки советской литературы, изданной на иностранных языках, всегда есть в Центральной библиотеке Рабата; телетайпы АПН и ТАСС круглосуточно передают в марокканскую прессу и на радио вести из Советского Союза. Регулярные прямые линии Аэрофлота за десять часов доставляют пассажиров в Москву.

Далекое стало близким. В самом деле, два государства с диаметрально противоположным общественно-политическим строем, далекие друг от друга географически смогли наладить добрые, взаимно полезные отношения.

ПЕСТРЫЙ ТАНЖЕР

Про Танжер написано немало авантюристических романов, снята серия детективных фильмов... Про Танжер до сих пор ходят легенды — о контрабандных аферах и о сетях шпионажа, чем прославился когда-то этот небольшой портовый городок с двухсоттысячным интернациональным населением. ореол таинственности, которым все еще окружен Танжер, на самом деле не что иное, как отсвет давно погасшей славы.

В прошлом в Танжере действительно делался круп-

ный бизнес международного масштаба. Я познакомился со старожилом города, неким Геннишем—пожилым банковским служащим. Вот что он рассказал о тех временах...

В период протектората, когда Марокко было разделено на две зоны — французскую и испанскую, Танжер в течение многих лет оставался свободным городом, имея особый «международный статус». Это означало, что сюда беспошлинно и в неограниченных количествах со всего света ввозились любые товары, которые затем перепродавались в другие страны, причем зачастую контрабандным путем. От всех афер, комбинаций и тайных сделок джентльмены делового мира наживали крупные суммы. Почти все международные банки имели здесь свои филиалы. Всевозможные конторы, агентства, компании, фирмы, общества и тресты заполняли город, вели бурную деятельность по приумножению прибылей. На больших барышах рос, заново отстраивался и Танжер. Но затем разом увяла шумная жизнь города-космополита. Дело в том, что в 1957 году марокканское правительство, справедливо считая, что Танжер представляет собой брешь, через которую бесконтрольно утекают национальные богатства страны, лишило город таможенной неприкосновенности, аннулировало режим свободного иностранного предпринимательства. Многие спекулянты, контрабандисты и прочие темные дельцы покинули Танжер. Но кое-кто остался и по-прежнему занимается торговлей, подрабатывает на обмене иностранной валюты.

Танжер по праву называют перекрестком на пути из Африки в Европу, ибо город — наиболее близко расположенная к Европейскому континенту точка Африки. В хорошую погоду, прогуливаясь по набережной, видишь берега Испании, до которой всего два часа плывет рейсовый пароход.

Трудно сказать, восточный это город или европейский. Здесь есть кварталы современных зданий и катакомбы крытой арабской медины, католические храмы и традиционные мусульманские мечети, синагоги, протестантские церкви. Мимо богатых витрин бредут навьюченные крестьянским скарбом ослы. На стоянках, как на выставке, выстроились лимузины всех марок мира. Экстравагантно выглядит толпа прохожих, сплошной массой

текущая по центральному бульвару Пастера, по горбатым переулкам: самоуверенные, объехавшие весь свет моряки торговых судов, бородатые хиппи в заношенном рубище, крикливые старухи — американские путешественницы, английские туристы в клетчатых пиджаках, флегматичные индусы в чалмах, задрапированные чадрой арабки. Население города пестрое, как и толпа приезжих, — марокканцы, испанцы, французы, англичане, португальцы, итальянцы, индийцы и даже сильно поредевшая за последние годы колония старых русских эмигрантов. Ежегодно Танжер посещают сотни тысяч транзитных пассажиров, следующих из Европы в Африку и обратно. Наплыв приезжих во все времена года определил и образ жизни Танжера, занятие его граждан.

Танжерцы живут промыслом от туризма и обслуживания судов. Отелей в городе превеликое множество от пышных восточных дворцов, где привратники одеты в дорогие национальные костюмы с инкрустированными кинжалами у пояса, до грошовых ночлежек. Вывески отелей, как ярлыки на дорожном чемодане, облепили фасады зданий. Каких только названий не встретишь!

В Танжере вас повсюду окружают громкие имена: кинотеатр «Гойя», отель «Рембрандт», бульвар Льва Толстого, тупик «Делакруа», книжная лавка «Гюго», бакалея «Жанна д'Арк», кафетерий «Сервантес» и так далее. Может показаться, что здесь повышенный интерес к культуре. Однако прославленные имена используются всего лишь для рекламы. Марокканцу, приехавшему в Танжер из далеких мест, не удастся познакомиться с шедеврами мастеров кисти и пера. Знаменитые имена взяты в услужение чистогану. Зато питейных заведений в Танжере не счесть. Бары, кафе — на каждом шагу, и названия опять же непременно громкие, значительные.

«Выколачивать деньги из приезжих — это очень тонкое искусство», — доверительно говорил владелец тира, укрепляя над входом сногшибательный плакат «Попадите в зайца, и вам достанется золотой портсигар». Толпой валил народ, трещали фанерные стены тира, но в зайца никто не попадал, да и не мог попасть, так как ружья имели специальные для того устройства.

В последние годы Танжер обрел новое призвание — здесь часто стали устраивать международные и межафриканские встречи и симпозиумы по проблемам экономи-

ки, планирования, культуры, здесь проводятся кинофестивали.

Хозяин отеля «Веласкес», где я часто останавливался, говорил: «Не вставайте рано, Танжер просыпается поздно, после десяти утра». Но я все-таки поднимался чуть свет и отправлялся в порт. Однажды в акватории порта я насчитал девять грузовых судов. В этот ранний час трудовой Танжер был уже на ногах. В этот ранний час я не был одиноким на крутых, как бараний рог, улочках, сбегавших к океану. Со всего города, предместий, из приземистых лачуг и подвалов пешком или на велосипедах направлялись в порт докеры, рабочие и служащие транспортных компаний. В серых пепельных бликах наступающего ненастного дня молчаливо шли угрюмые люди, шли на изнурительный каждодневный труд. Высокий человек в бушлате остановился прикурить, и я заговорил с ним. «Да, я докер, я прожил в этом городе всю жизнь,— сказал случайный встречный.— Если высчитать, сколько грузов прошло через мои руки, то получится гора величиной с Атласский хребет. А что я заработал? Даже дома своего нет... Однако часто приходится слышать от иностранцев, что Танжер — золотое дно. Может быть оно и так, только смотря для кого. К нашим трудовым рукам это золото не пристает». Докер кивнул на прощание и скрылся в портовых воротах...

В Танжере приходилось видеть и тех, кто в мутных волнах коммерции ловко намывает золотой песок барышей. Как правило, это иностранцы, купцы всех гильдий и сословий, прижившиеся на марокканской земле. Танжерское купечество имеет свою иерархию, цепь посредников — от оптовика, который не гнушается контрабандным товаром из Гибралтара, до мелкого лавочника, изо всех сил стремящегося надуть заезжего туриста.

Однажды в воскресный день я наблюдал, как толпы танжерских торгашей чинно, с семьями гуляли по набережной. По неписаному закону к полудню дамы с детьми отправляются домой, где служанка сервирует праздничный стол, а мужчины тем временем уединяются на часок в кафе и барах, чтобы принять рюмку предобеденного аперитива. Отыскав в популярном кафе «Эскимо» свободный столик, я оказался в самой гуще торговой знати. Услышанные разговоры взял на карандаш. Вот что получилось.

— С меня причитается! Вчера я удачно сбыл норвежскому судну партию галет.

— Японские транзисторы на этой неделе шли особенно бойко.

— А вы заметили, что золото все падает в цене?

— Хе-хе! И вы говорите, что этот тип даже не понял, что вы всучили ему перегоревшую электробритву! Замечательно!

— Я получил из Гонконга непромокаемые купальники — последний шик...

Покинув шумное кафе, побывал еще в двух-трех. И всюду слышал одно и то же: обмен опытом торговли и финансовые сплетни. Таков кругозор этих респектабельных по виду купчиков и приказчиков, сошедших как будто со сцен пьес Островского. Я пробовал беседовать с соседями за столиками о событиях в мире, о книгах. Разговора не получилось.

. Как и во всяком марокканском городе, в Танжере есть своя медина — самая старая его часть, район, где живет исключительно арабское население. Медину прорезает для местных масштабов широкая, оживленная почти круглые сутки торговая улица. Все ее нижние этажи — это магазины, лавки, крохотные кафе. На верхних этажах разместились недорогие гостиницы, парикмахерские, ателье по пошиву одежды.

В узких, круто изогнутых, как трещины, улочках, ответвленных от торговой магистрали, скученно живут ремесленники, подмастерья, портовые рабочие, мелкие торговцы зеленью и земляными орехами вразнос. Попадешь в лабиринт таких улочек-траншей и не выберешься без провожатого. Но простой народ всегда приветлив — любой встречный проведет вас куда нужно, а если вы ему понравитесь, то и пригласит к себе.

В танжерской медине осталось у меня несколько друзей — сапожник Махджуб, гид по городу Брахим, веселый чистильщик обуви Мухаммед. Всякий раз, бывая в Танжере, я навещал кого-нибудь из них. Случалось, что мы собирались все вместе и долго сидели где-нибудь в уличном кафе, говорили о жизни.

У трудовых людей Танжера иные заботы и проблемы, чем у владельцев пустующих гостиниц, затоваренных импортным барахлом лавок, ставших нерентабельными дансингов. Как одеть и прокормить семью, куда при-

Улица танжерской медины

строить подрастающих детей — вот что заботит простого танжерца, не имеющего своего доходного места в городе. Трудовой Танжер — мир людей, усталых от беспросветной жизни и каждодневных лишений. Они живут за толстой каменной стеной вековой медины в извилистых полутемных улочках. А рядом, лишь выйдешь из арки мединных ворот, бурлит экстравагантный космополитический Танжер...

С КОЧЕВНИКАМИ САХАРЫ

Ландшафт юга Марокко напоминает очень яркие, но однообразные по сюжету тканые гобелены, застилающие стены лавок арабских базаров: скалы, барханы, пальмы, всадники, щетина кактусов... В поисках новых впечатлений я выбрался из зубчатых стен старинных городов

и отправился в экзотический простор Юга, влезая в самое сахарское пекло.

Скверная проселочная дорога, какие на картах обозначают пунктиром, порой терялась, сливаясь с равниной. Приходилось останавливать машину, искать зыбкие очертания проезжей части. Во время одной из таких пауз я неожиданно увидел человека. Он удобно лежал на боку, положив под голову гладкий плоский камень, похожий на ложе ружья. Высохшее от солнца и времени темно-коричневое лицо обрамляла короткая белая борода. Голова оплетена тюрбаном и прикрыта сверху капюшоном. Ясные веселые глаза с любопытством смотрели на меня.

Я поздоровался, присел рядом, спросил, далеко ли старик путь держит. Он переменял позу, усевшись на камень, служивший ему подушкой, и ответил, что идет в Загору. Я пригласил его к себе в машину; он охотно согласился, полюбопытствовав, кто я такой. Услышав, что я русский, старик на некоторое время задумался, но, так ничего и не вспомнив, пробормотал:

— Странно, что русские говорят на таком же языке, как наш...

Оазис Загора, куда мы ехали, расположен на подступах к Сахаре. Собственно говоря, у Сахары нет каких-то четких границ начала и конца. Это плоскость, загроможденная черно-фиолетовыми камнями, отсеченная от неба круглым росчерком горизонта. От какого-то места, от неведомой мне точки обугленная солнцем мертвая равнина называется Сахарой...

— Сахара там, — показал рукой вперед мой новый спутник Абу Бекр. — Началом Сахары будет последняя финиковая пальма в сторону Юга.

Свои проведенные в странствиях семьдесят лет Абу Бекр прожил необременительно для цивилизации. Налоговые квитанции, алфавит, зубная паста, формы государственного управления, кино — явления и предметы, абсолютно неведомые Абу Бекру. Вольные кочевники не признают ни государственных границ, ни таможенных формальностей. Племена скитальцев находятся в постоянном движении, они свободно передвигаются по территориям Мавритании, Алжира, Нигера, Сенегала, Чада, забредают в Марокко, Тунис, Ливию.

Абу Бекр возвращался из города Варзаат, где удач-

но продал верблюда марокканским пограничникам. В армии Марокко есть особые воинские части на верблюдах. Никакая техника в мире пока еще не может заменить в пустыне безотказно выносливого неприхотливого горбуна.

Итак, Абу Бекр удачно продал верблюда... Судя по торжественности, с которой он говорил, событие произошло важное, значительное для него. Мне хочется подробнее расспросить старика о его жизни, о выгодной сделке, вообще о верблюдах. Но не делаю этого, потому что арабы не любят прямых, навязчивых расспросов. Я обо всем узнаю потом, в более подходящее время.

Загора удивляет неожиданно фешенебельным отелем, выдержанным в стиле здешних ксаров — жилых крепостей с башнями, как шахматные ладьи. В Загоре есть библиотека, где хранятся пуды еще никем не изученных арабских рукописей. За две медные монеты свитки показывают туристам. Для полного представления о Загоре добавим, что здесь есть мечеть, развалины древних укреплений и слившиеся, как соты, в одну сплошную массу глинобитные дома. Жизнь поселку дает рыжая река Дра. Роща финиковых пальм широким массивом обступает берега.

Осенью из-под резных крыльев листвы пальм свисают пудовые грозди янтарных фиников. Аккуратно развешанные в помещении под потолком грозди сохраняются годами, плоды всегда остаются сладкими и душистыми. До сих пор у жителей пустынных районов финики иногда заменяют деньги. Ими расплачиваются, например, за привозимый из Тропической Африки маис, ячмень. Существует даже определенный весовой курс фиников; в зависимости от спроса и предложения он колеблется так же, как курс валюты на международных биржах.

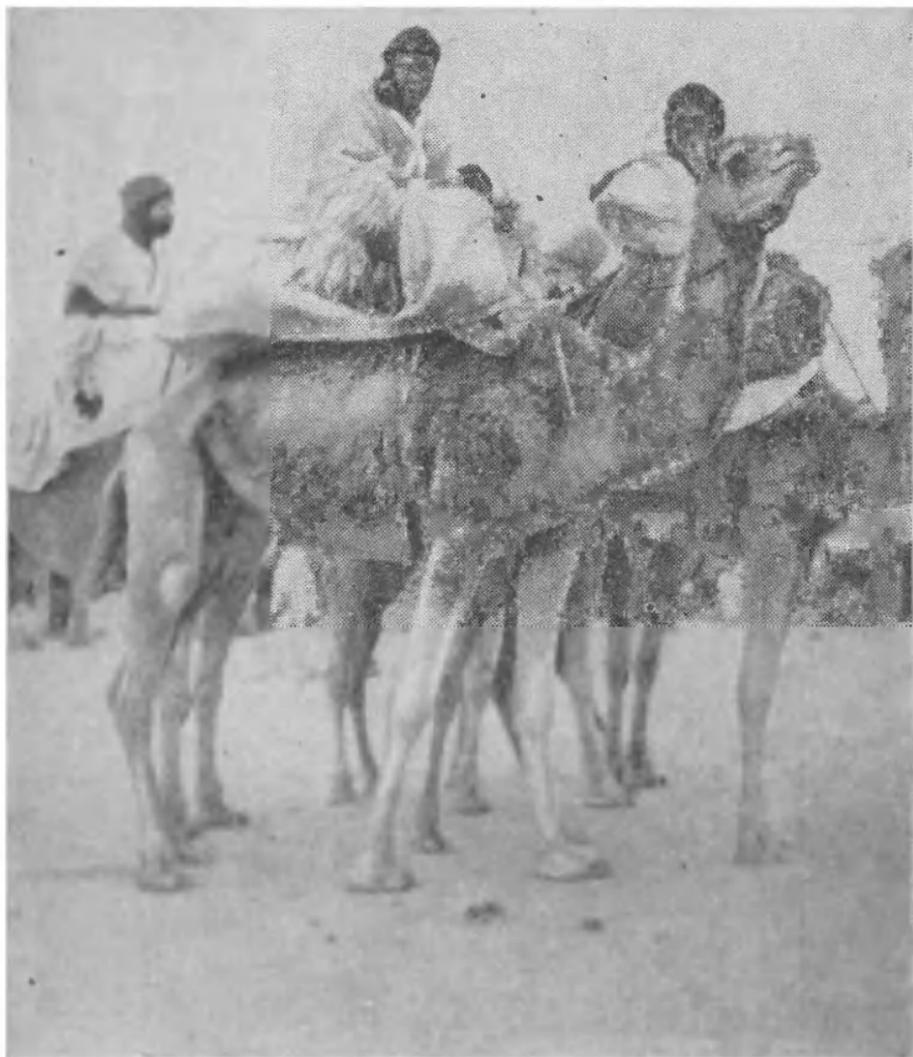
— Скажи, Абу Бекр, кто владеет пальмовой рощей?

Мы пообедали в плохонькой харчевне, обошли поселок и теперь от нечего делать сидим в тени деревьев на берегу ленивой реки. Время послеполуденное. Все спрятались от зноя, на улицах ни души, даже детворы не слышно. Так будет часов до четырех, пока солнце не передвинется на Запад.

Похоже, старик не понял моего вопроса. Я поясняю: здесь много тысяч прекрасных пальм, а жителей мало,

и по всему видно, что они бедны. Кто же владелец финиковых богатств?

Абу Бекр, прежде чем ответить, снимает с плеча ремень с кожаной сумкой, похожий на полевую военную сумку. Такая сума есть у каждого взрослого жителя южных марокканских районов. Не иметь универсальной сумы считается несолидным, даже неприличным. Чего только нет в таком саквояже! Кусок сахара, нитки с

Кочевники сахарских районов Марокко

иглой, пробка, гвоздь, щепоть табака, спички — все, что угодно, кроме денег. Деньги хранят в более надежном месте — за пазухой, ближе к телу.

Положив пухлую сумку возле себя, старик повел рассказ о финиках...

Роца финиковых пальм, как и источник воды, имеет много хозяев. Она принадлежит и кочевым племенам, бродящим по бескрайней пустыне, и оседлым жителям оазиса, и крестьянам окрестных деревень. Часто кочевники за неимением времени для ухода за пальмами сдают их в аренду местным земледельцам или батракам. В некоторых племенах поступают иначе: мужчины, забрав скот, кочуют в поисках пастбищ, а женщины и дети остаются в оазисе, ухаживают за пальмами. О, это дерево требует к себе много внимания, оно капризно, как годовалая верблюдица! В народе о пальме говорят: королева пустыни, она всегда держит голову в огне, а ноги в воде. Жар сахарского солнца и прохладная влажная почва — вот два обязательных условия, при которых финиковое дерево награждает человека золотыми плодами.

Но это еще не все! Если в период цветения пальму оставить на волю ветра, то осенью вместо фиников в кроне будет звенеть только ветер. Испокон веков служители пальм вручную переносят пыльцу с мужских цветов на женские. Крестьянин по стволу забирается на тридцати-сорокаметровую высоту, где, как люстры, полыхают гирлянды оранжевых цветов, набирает букет, затем лезет с ним на другое дерево, чтобы стряхнуть там желтую пудру пыльцы. Но прежде чем подняться на дерево, которое дает плоды, возле него на землю кладут верблюжью берцовую кость или череп. Таков традиционный ритуал: амулеты принесут удачу, пальма даст обильный урожай, и злые духи не посмеют к ней прикоснуться... Известен случай, когда один ксари, то есть житель ксара, не совершил обряда, и молния ударила в его пальму и погубила ее.

В жаркий период деревья, как и люди, испытывают сильную жажду, и долг тех, кто позаботился о них весной, напоить их летом. Наступает осень, и кочевники стекаются к оазисам на сбор урожая фиников. В марокканских оазисах Загора, Эрфуд и Рисани сотни тысяч великолепных пальм, они кормят миллионы людей юж-

ного края страны и пришлых кочевников. Но ни одно дерево не огорожено, не помечено каким-то знаком. Плантации разрослись сплошными лесными массивами, без межей и без изгородей. Как же крестьяне различают, где свое, где чужое? Нельзя этого объяснить. За свой век Абу Бекр не помнит случая, чтобы кто-то ошибся или возникла тяжба. Ведь даже в очень большом стаде всегда узнаешь своего верблюда. Даже темной ночью не ошибаешься дверью своего дома... Не так ли?

Хороших людей на свете больше, чем скверных. Но из ста честных всегда найдется нечистый на руку, недобрый в помыслах. Как избежать, чтобы твою пальму не обобрали? На это есть закон пустыни и оазиса: сбор урожая фиников начинается одновременно всеми сразу, в один день. Никто не имеет права под страхом суда сорвать горсть плодов даже на своем собственном дереве до начала всеобщего сбора. День урожая заранее назначается властями или вождями племен. Без телеграфа весть о дате быстро распространяется по стране, доходит в отдаленные кочевья. В день урожая владельцы плантаций, арендаторы, батраки со своими домочадцами приступают к срезу тяжелых золотых жгутов, затем пируют целых три дня, а то и дольше. С хорошей пальмы снимают до ста килограммов плодов.

В те страшные дни, когда раскаленный воздух подобен крутому кипятку, пальмовая роща застилает землю нежной тенью. Все живое забирается в эту пелену тени, спасается ею. Из пальмовых листьев плетут упругие, как пружины, корзины и циновки, а из волокна делают веревки и канаты. Древесина отстоявших свой век стволов идет на строительство жилищ.

О стройной пальме сложены стихи и песни. В пустынном, обездоленном краю это чудесное дерево дает человеку жизнь. Что бы стал делать кочевник без пальмы? Абу Бекр качает головой — такого не может быть...

В дверь моего гостиничного номера кто-то осторожно, как бы извиняясь стучит. Похоже, постучавший понимал, что в четыре часа утра беспокоить неудобно. Приоткрыв дверь, я увидел алые шаровары дежурного по отелю.

— Вас хочет видеть один человек. Он ждет в фойе. Абу Бекр пришел проститься.

— Куда же ты в такую рань? — полюбопытствовал я.

— Километрах в пятнадцати отсюда базарный день — торг верблюдов. Мне нужно спешить, чтобы подыскать крепкого верблюжонка.

— Постой, Абу Бекр! Поедем вместе, — я позвенел ключами от автомашины.

— О нет! На моторе в то место не проедешь. Скалы. Дюны. Дороги нет. Туда можно только пешком или на верблюде.

И тогда я решил отправиться со стариком в пустыню пешком. Из багажника машины я достал прихваченную в поездку джеллабу. Плотная хлопчатобумажная ткань защищает тело от солнца и греет в холодную в здешних местах ночь.

Пройдя слящим поселком, миновали пальмовую рощу. Абу Бекр безошибочно вышел на едва заметную тропу, и мы начали свой нелегкий переход по пустыне. Восточный край лилового, как слива, неба стал линять, появились сиреневые и розовые тона. В пути я выпрашивал о миражах, смерчах, скорпионах. Постепенно мы подошли к теме о верблюдах.

— Как понять тебя, Абу Бекр? В Варзате ты только что продал своего верблюда, а теперь хочешь купить другого? В чем смысл этих сделок?

Мой спутник рассмеялся, настолько наивным показался ему мой вопрос.

— Я всю жизнь только этим и занимаюсь! Покупаю верблюжонка, выращиваю его, учу, а продаю уже настоящего верблюда.

Подробные терпеливые объяснения старика по-новому раскрывают мне жизнь пустыни. До встречи с кочевником я всегда представлял себе пустыню куском карты, окрашенным в цвет подсолнечника, без обозначений рек и городов. Теперь я вижу ее ожившей, изрезанной вдоль и поперек караванными тропами. Благодаря верблюду не знающие покоя кочевники дали жизнь этому опаленному зноем краю. Совсем не зря столь гармонично и расчетливо сконструировала природа горбатого вездехода.

Родина африканского верблюда, по-видимому, Индия. В Сахару он попал где-то в конце прошлой эры через

Сирию и Аравию. У здешнего верблюда один горб, в научной терминологии он классифицируется как «дромадер» — слово греческого происхождения, означает «бегун». Африканцы зовут его «мехари». В отличие от своего азиатского собрата африканский более стройный, он выше ростом, светло-рыжая шерсть короткая, но густая. До года верблюжонка кормит мать. На свободе верблюды живут пятьдесят лет, в неволе, то есть постоянно работая — ровно половину.

Легенды о фантастической верблюжьей выносливости далеки от действительности. Если животные могут неделями оставаться без воды, то это лишь в тех случаях, когда они находятся на хороших пастбищах, где трава дает требуемую организму влагу. Без воды одnogорбый африканский верблюд может оставаться только четыре, максимум пять дней. Всякий раз, когда караван делает привал, в цистерны верблюжьих желудков вливается до ста литров воды. У отъезжего верблюда коричневый горб дыбится, как гора, от накопленного жира. При голодании горб уменьшается, становится похожим на пустую торбу. Обычный вес ноши, навьюченной на хребет,— сто — сто пятьдесят килограммов, с которыми за день верблюд проделывает до ста километров.

Ни память, ни записная книжка не сохранили название того местечка, где в тот день состоялся большой верблюжий базар. Я помню, что там были колодцы с солоноватой водой. Помню, что солнце опускалось совсем низко к земле, почти касаясь ее. Не знаю, почему выбрали для купли-продажи именно это место. Старик говорил, что так удобно — ровная площадка и есть колодезная вода...

И вот, наконец, базар. Несколько тысяч верблюдов — бело-мраморные, кремово-розовые, цвета халвы, охры, спелой вишни. Вытянутые дугой, как коромысла, шеи, кокетливые пушистые уши. Глубокий раструб рта с желтыми длинными, как обоймы патронов, зубами. Эти гильзы зубов беспрестанно что-то пережевывали.

Я вошел в стадо, как в лес, и затерялся среди оттопыренных боков и покачивающихся надменных голов. Ноги животных были обвиты замысловатыми путами.

Абу Бекр отыскал меня и повел показывать базар. Это была абсолютно ровная, добросовестно утопанная

площадь, в центре — колодец, вокруг — палаточный город. У многих шатров полы дверей распахнуты, отброшены вверх. Видны этажи разноцветных товаров. Попутно с торгом верблюжьих голов идет сбыт каменной соли, спичек, проса, янтарных бус, нейлоновой кисеи, перца и пороха. Своеобразный мир ценностей. Я видел, как крошки благовонного сандалового дерева меняли на козью шкуру, золотой браслет на повозку ржавой соли. На ярмарке есть и свои богатеи, дельцы, воротилы местного масштаба. Растянувшись на пестрых вытертых коврах со стаканчиком чаю в руках, дельцы обзревали публику, следя за событиями. К ним стремглав подбежали маклеры, чмокнув в руку или в плечо, что-то торопливо сообщали, театрально жестикулируя. Властелин отхлебывал чай и взглядом давал ответ.

Самый богатый шатер — в центре. Оттуда, как из ложи, выглядывает компания степенных бородатых кочевников. Один из них не спеша выходит, направляется к белой верблюдице. Погладил ей шею, где надо ощупал, пошел назад, к шатру, поманив за собой продавца. Торг может длиться часами, даже днями. Однако на этот раз купля совершилась быстро. Покупатель трижды пересчитал сумму, продавец проверил ее четыре раза.

Дальше началось настоящее цирковое представление, без которого не обходится ни одна сделка. Новый владелец должен подчинить себе купленного верблюда — поймать и продеть ему в ноздри веревку. Это не так-то просто. Верблюды вообще не проявляют ни ласки, ни привязанности к человеку, сохраняют всю жизнь непокорность. К новому хозяину отношение нескрывая враждебное, тем более, когда незнакомец пытается завладеть ноздрями. Белоснежная верблюдица металась по базарной площади, ее постепенно окружала толпа. Тем временем покупатель вооружается лассо. Однако аркан не набрасывается на шею верблюда, а расстилается петлей на земле. Животное теснят к этой петле, и вот нога попала в роковое кольцо. Толпа кидается к фыркающему строптивцу, заставляет его опуститься на колени. Хозяин изловчился, и, как шнурок в ботинок, конец веревки пролетел в одну ноздрию и вышел из другой. Теперь белая верблюдица уже не сопротивляется — побежденная, она покорно идет за новым хозяином.

Оранжевым, спелым апельсином падало солнце на запад. Может быть, это был какой-то оптический обман, но я отчетливо видел, как тяжелый солнечный шар, едва коснувшись горизонта, упруго подпрыгнул... И сразу же солнце пропало, растворилось, как будто раскололось обо что-то острое. Алые струи растекались по перламутровому небу. Стало прохладно.

Лагерь кочевников моментально затих. Слышно было, как вздыхают верблюды. Вместе с солнцем исчезли звуки, онемели люди: наступило время вечерней молитвы — «аль-магриб». Молитва в пустыне — величественное зрелище...

Тревожными кровавыми пятнами забрызгано вечернее небо. Кругом простор пустыни. Ни холмов, ни деревьев, ни строений — только равнина, густо посыпанная обугленными камнями. И на равнине распластанные люди. Они самозабвенно молятся, припав грудью к земле, простирая руки в сторону невидимой Мекки.

О чем они молятся, повторяя про себя заученные наизусть слова молитвы, слова, в смысл которых они никогда не вдаются? Прожит еще один день. Те, у кого в этот день совершились незатейливые житейские чаяния, благодарят бога за содействие; у кого надежды не сбылись, терпеливо просят у всевышнего помощи на завтра. Живя вдали от городской цивилизации, относясь к ней скептически, даже с презрением, кочевники ревностно сохраняют многовековой уклад своей духовной жизни, стержень которой — религия.

Молитва окончена. Теперь пришел час другой священной церемонии — вечерней трапезы.

О восточном гостеприимстве сложены легенды и пословицы, которые ходят по всему свету. Хорошо принять и угостить гостя — закон Востока, от которого не отступает даже очень бедная семья. В каждой стране, у каждого народа и даже у каждого племени существуют свои собственные правила и традиции гостеприимства. В южных районах Марокко, например, почетному гостю преподносят финики и молоко. Этот обряд близок русской традиции встречать хлебом-солью.

В этот вечер меня и моего спутника Абу Бекра пригласил к ужину вождь кочевого племени.

Шатер вождя выделялся среди других: он был неожиданно ярко-белого цвета. Я потрогал светлую ткань.

Это была тонкая верблюжья шерсть на пестрой хлопчатобумажной подкладке с внутренней стороны. Опорой шатру служат два высоких кола, к ним привязаны тускло горящие светильники. Дальний, самый темный угол отгорожен занавеской. Там женская половина и кухня. Женщины едят отдельно от мужчин независимо от того, присутствуют посторонние или нет.

На женщинах лежат тяжелые хозяйственные обязанности: они разбивают палатки и шатры, а также сворачивают их, когда караван снимается со стоянки. И в то же время некоторые, казалось бы сугубо женские, работы у кочевников выполняют мужчины. Только мужчинам доверяется доить верблюдицу, причем делают это всегда втроем. Исключительно мужское занятие — приготовление чая...

Наш ужин в белом шатре вождя начался с верблюжьего молока. Его разливали в деревянные бокалы из большого, тоже деревянного кувшина. Сделав первый глоток сладковатого жирного напитка, я почувствовал на себе пристальный взгляд хозяина. Выражением лица я дал ему понять, что угощение мне чрезвычайно нравится. Пока я смаковал парное молоко молодой верблюдицы, мой верный гид в этом странствии Абу Бекр вкрадчивым голосом рассказывал.

...Верблюжье молоко не раз спасало кочевников от ужасной смерти — смерти от жажды. Ведь в пустыне порою стоит такой изнуряющий зной, что сутки без воды означают для человека гибель. Во время больших переходов в раскаленном добела сахарском пекле перед глазами путников, как голубые бабочки, витают лишь миражи озер. Вода — это мираж, но глоток верблюжьего молока — спасительная реальность. В походе может случиться всякое... Могут кончиться запасы зерна и фиников, составляющих основное питание кочевников. И тогда жирное молоко верблюдицы спасет человека от голода. Есть даже пословица: «Хилый тот, кто молока не пьет». Из верблюжьего молока готовят отличное масло. Его сбивают в специальных мешках из козьих шкур, сшитых внутрь мехом. Чтобы в семье молодых было изобилие, центральную подпорку в их палатке обмазывают верблюжьим маслом.

Угостить человека молоком — не только знак гостеприимства. Поднесенный путнику сосуд с молоком озна-

чает предложение своего рода дружественного союза. В понятии кочевников молоко, выпитое гостем, скрепляет его добрыми узами с хозяином, ибо белый цвет, цвет молока,— символ чистоты и доверия.

После густого молока нам подали дашишу — ячменную похлебку, сдобренную растительным маслом.

Следующее блюдо, которое принесли с женской половины, — кускус. Это сваренная на пару и оттого рассыпчатая каша из пшеничной крупы крупного помола, куда кладется козье мясо, горох, лук, репа и стручковый перец.

Вносят глубокий, как таз, поднос с жареной саранчой, которую здесь называют «креветками пустыни». Насекомых едят, выбрасывая лишь голову и крылья. Не стану утверждать, что жареная саранча — очень вкусное блюдо, но здесь она считается деликатесом. Если для крестьян набеги саранчи — страшное бедствие, то для кочевников это настоящая манна небесная. Горожанину, который представляет себе саранчу как большого кузнечика, не понять, что такое стая саранчи. Когда она летит, то кажется, что серо-зеленая туча заволокла небо. Скрывается солнце, словно вот-вот хлынет дождь. Из тучи живым градом сыплется саранча. Она несется сплошной лавиной, уничтожая под корень все, что растет на пути. Охотятся на саранчу довольно просто: вооружившись палками, мужчины и подростки размахивают ими перед собой, сбивают насекомых, а женщины сгребают их в мешки. Саранчу варят, жарят в масле, а также сушат и в размельченном виде добавляют в пищу.

Всякая трапеза завершается чаем. Зеленый чай — любимый напиток кочевых народов. Никогда вы не увидите этих людей за стаканом вина. Вкуса его они не ведают. Не в почете у марокканских кочевников и кофе. Здесь пьют только чай, и он заменяет все другие напитки, как горячительные, так и освежающие.

Приготовление напитка — подлинное священнодействие, доверяемое наиболее уважаемым людям. Вместе с заваркой в медный округлый чайник с узким длинным носиком кладется пучок мяты и много-много сахара. В народе даже бытует выражение «выпить сахару» вместо «выпить чаю». Сахар употребляется только кусковой — в конусных, как снаряды, головах, завернутых в плотную синюю бумагу.

Вот и сейчас хозяин белого шатра раскалывает специальным медным топориком головку искрящегося сахара и угощает нас золотистым мятным чаем.

...Ночь в пустыне. Мигают крупные лучистые звезды, и кажется, что звезды шевелятся в синем рыхлом небе. Тишина. Горбы верблюдов. Горбы палаток. Лагерь спит.

На обратном пути нас застиг ураган — шарги. Когда дует юго-восточный горячий сухой шарги, все живое прячется в укрытие. Ветер приходит из самых жарких районов Сахары, несет раскаленный песок. Бывает, песчаная буря продолжается без перерыва семь-десять дней. Шарги может сорвать палатку кочевника, если вовремя не убрать внутренние подпорки. Ветер оголяет деревья, выжигает траву, наметает дюны мелкого, как пыль, песка.

Мы укрылись в глиняных стенах небольшого оазиса Бу-Санд. От нечего делать выпили по шесть стаканов чаю, гадая о том, долго ли придется пережить бурю. Абу Бекр задремал, а я вышел из тесной душевой лачуги и отправился бродить по узким улочкам поселка.

Ветер завывал на разные голоса, всхлипывал, гудел, громыхал. Порой чудилось, что ты стоишь возле огромной топки, и лицо облизывает пламя, и ты вот-вот вспыхнешь и соришься. Рыжее месиво песчаной пыли клубится, вьется, рассыпается. И когда закрученный в тугие извивающиеся жгуты горячий песок бьет по лицу и по рукам, то кажется, что с тебя наждачной бумагой сдирают кожу.

Я толкнул какую-то дверь и вместе с песчаной метелью вошел в темное прохладное помещение. Несколько минут я стоял, прислонившись спиной к двери, приходя в себя.

В доме, куда я попал, было только одно окно — в потолке. Оно тускло белело над головой, не давая света. Мне трудно было разглядеть, есть ли кто-нибудь в помещении или нет. На всякий случай я сказал «добрый день». В ответ послышалось приветствие.

Отряхнув песок и откинув капюшон джеллабы, я огляделся. В углу, в круглой жаровне тлели бордовые угли. Кто-то, пока еще невидимый мне, приставил к жаровне мехи, пустил на угли струю воздуха. Комната

осветилась. Я увидел бородача в голубом тюрбане и тяжелой коричневой джеллабе — одежде человека с достатком. Я поприветствовал его еще раз и справился о здоровье. Тот ответил, что состояние его здоровья прекрасное, и протянул мне стакан чаю.

Глаза привыкли к полумраку, и я наконец понял, что нахожусь в мастерской ювелира. Для меня остается загадкой, как в такой сумрачной комнате можно создавать тончайшие филигранные поделки, плести ажурные серебряные кружева, импровизировать безукоризненно точные узоры. Причем у кустарей нет никаких измерительных приборов, нет специальных инструментов. Есть жаровня — на ее углях плавится матовое серебро, есть навык и фантазия.

У кочевников серебро особенно в почете, даже больше, чем золото. Богатство семьи — в серебряных изделиях. После удачной продажи скота или в пору хорошего урожая фиников кочевники меняют вырученные бумажные деньги на монеты из серебра. Монеты несут к ювелиру, говорят, сколько и каких изготовить из них браслетов, колец, брошей. Ювелир переплавляет монеты в кусок серебра, берет себе за работу определенную часть и выполняет заказ. Теперь ценности будут храниться в семье до тех пор, пока не наступит черный день.

Ремесленник, к которому я попал, обдувал жаровню мехами, помешивал в сосуде жидкое серебро, рассказывал о былых днях оазиса Бу-Саид. Когда-то тут был невольничий рынок, процветала торговля серебром, золотом и солью. На прощание я купил старинный, как мне показалось, кинжал в ножнах, с рукояткой, инкрустированной янтарем. Однако Абу Бекр не оценил моего приобретения, сказав, что вещи грош цена и что делают такие кинжалы в здешних местах в большом количестве для сбыта несведущим туристам.

В Бу-Саиде много ремесленных мастерских. Изготовление ковров, выделка кож, раскраска кожаных изделий, а также ювелирные работы — все это промысел оседлого населения. Отцы и деды нынешних ремесленников скитались по просторам Сахары, но теперь все чаще вчерашние кочевники оседают в оазисах, осваивают ремесла и земледелие. Переходить на оседлость их заставляют социально-экономические перемены в Африке.

Веками традиционным занятием кочевников была торговля, в частности золотом, солью. Были такие племена, которые специализировались исключительно на транспортных операциях: имея большие стада верблюдов, они подражались перевозить товары.

Все меньше остается вольных кочевников, и песчаные бури все плотнее закрывают караванные тропы. В Сахаре бойко торгуют только солью. Большие соляные копи находятся в Мавритании, Алжире, Ливийской пустыне, на крайнем юге Сахары. А в странах Тропической Африки соли нет, и кочевники дважды в год — весной и летом — снаряжают туда караваны с кусками каменной, слегка бурой соли. Караваны из сахарских копей бредут в Сенегал, Чад, Нигер, Судан, Нигерию, где соль меняют на зерно, арахис, чай и сахар. Французским исследователям удалось установить, что ежегодно кочевники вывозят из Сахары соли на сумму до полумиллиона долларов.

К оседлости кочевники привыкают с трудом. Я видел людей, которые на ночь уходили из поселков спать под открытым небом — им тесно в глинобитных крепостях — ксарах, где нет ни звездного небосвода, ни упругих ветров. «Настоящий кочевник, — рассказывал мне Абу Бекр, — никогда не держит даже утвари из глины: ведь глина — это земля, а землю он не любит, ибо она привязывает человека к себе, удерживает его на одном месте. Просмоленные кожаные мешки и деревянные сосуды заменяют кочевникам глиняную посуду...».

Только в движении и в открывающемся перед взором просторе видит кочевник прелесть жизни. Самый приятный для него досуг — полное уединение в безмолвной пустыне. Свобода в понятии этих людей — это когда вокруг нет стен и можно беспрепятственно идти в любую сторону, куда тебе заблагорассудится.

Вдали показалась пальмовая роща Загоры. Вот и конец нашим странствиям. Абу Бекр останавливается, и мы прощаемся. Он не хочет идти в Загору, у него свой маршрут, свои заботы. Старик купил крохотного верблюжонка и рассчитывает через три дня встретиться со своим племенем и начать большой переход через белые дюны и черные скалы Сахары. Предстоящий нелегкий путь не пугает его, а, наоборот, радует, бодрит. Нет, нам не понять душу непоседы-кочевника. Я вслух сетую,

что так и не уловил чего-то важного, ключевого в психологии неисправимых скитальцев, не постиг их азартного пристрастия к пустыне и перемене мест.

Абу Бекр слушает меня, кивает головой. Он согласен, что мне многое трудно понять. И еще он говорит, что встреча с пустыней не проходит бесследно, что я почувствую ее зов...

Снова как ни в чем не бывало, я иду по улицам Загоры. Словно и не было чудесных, сказочных дней, прожитых в затерянном мире кочевников. Я иду по улицам аккуратного городка и вдруг чувствую, что со мною что-то творится — мне тесно здесь, среди этих домов, среди стен и предметов... Не зов ли это пустыни?

В ОСВОБОЖДЕННОМ ИФНИ

Однажды ранним мартовским утром мы — два советских журналиста, аккредитованные в Марокко, корреспонденты АПН и ТАСС — выехали на автомашине из тихих улочек еще не проснувшегося Рабата и взяли курс на крайний юг страны, в район Западной Сахары — в бывшую испанскую колонию Ифни, воссоединенную с марокканской территорией. Мы были первыми журналистами нашей страны, прибывшими в Ифни, куда до недавнего времени практически было невозможно попасть не только из-за отсутствия дорог, но и по причине строгой изоляции этого района, проводимой франкистской военщиной.

Проехав ровно тысячу километров, отделяющих столицу Марокко от Ифни, мы убедились, что жители здешних мест не зря дали своей родине прозвище «Каменистая пустыня»: едешь час, едешь два, и кругом только черно-пепельная плоскость, усыпанная камнями, ссколками скал. Уступами спускаются к океану отроги Антиатласа. Черное безмолвие местности, словно обугленной гигантским пожаром, произвольно наводит на мысль — чем же привлек этот обездоленный природой край внимание испанских колонизаторов?

В 1435 году Испания, захватив Канарские острова, стала присматриваться и к Марокко. Уже с 1449 года испанские фрегаты начали наведываться к марокканским берегам, расположенным неподалеку от Канарских

островов. Район Ифни привлек завоевателей выгодным географическим расположением, удобной для подхода судов конфигурацией береговой линии, наличием пресной воды. В 1476 году губернатор Канарских островов Диего де Херрера направил сюда военную экспедицию и соорудил крепость. Однако уже в 1517 году марокканцы овладели крепостью колонизаторов, полностью разрушив ее, сровняв стены с землей. Испанцы, в свою очередь, вновь высадились в приглянувшемся им районе Африканского континента и снова создали военное укрепление; его постигла та же участь. И все началось сначала... Последний раз крепость была уничтожена в 1530 году. Так вничью закончился первый тайм в пятивековой борьбе за Ифни между его подлинными хозяевами и чужеземными захватчиками.

На протяжении всех последующих столетий Ифни продолжало оставаться предметом постоянного арабо-испанского спора. Испанцы пытались выманить эту область дипломатической хитростью, старались заполучить ее угрозами и шантажом. Наконец, в 1860 году в марокканском городе Тетуане был заключен договор о предоставлении Испании на территории Ифни базы для рыбного промысла. Так значилось в документе. Однако на самом деле испанцы снова принялись за свое — за строительство в Ифни военного городка и укрепленного пункта...

По франко-марокканским соглашениям 1904 и 1912 годов, заключенным без ведома Марокко, Ифни отошло к Испании. Однако полностью захватить район испанцам удалось лишь в 1934 году. С апреля этого года в истории Ифни начался наиболее тяжелый период колониального ига. Испанская администрация произвольно создала искусственные границы, замкнув в них полторы тысячи квадратных километров марокканской территории с населением шестьдесят тысяч человек. Район официально стал именоваться африканской провинцией Испании, однако, по существу, являлся ее колонией.

Взгляните на географическую карту Африки, и вы поймете, чем объясняется столь фанатичное упорство испанского милитаризма в овладении Ифни: отсюда рукой подать до огромной колонии — так называемой Испанской Сахары, близко расположены и Канарские

острова. В планах Мадрида Ифни всегда отводилась важная роль военно-стратегического опорного пункта по охране колониальных интересов Испании на Африканском континенте. Вот почему пустынный край был предметом вожделения испанских королей и некоронованного диктатора.

Скверная проселочная дорога петляла вдоль берега Ифни, огибая его замысловатые крутые очертания. Иногда дорога взбиралась на холм и перед нами расстиралась равнина, поросшая чахлой сахарской растительностью. Кое-где, картинно выгнув рога, на скалах появлялись дикие козы. Порой едва обозначенная дорога совсем растворялась среди мелко накрошенных горных пород, приходилось выходить из машины и под жгучим солнцем африканского юга разыскивать ее след. Из-под ног выскакивали лупоглазые вараны и сразу же застывали, как изваяния, на полусогнутых лапах.

Первое селение, которое встретилось на пути, была деревня Эль-Арба. Удивило то, что здесь царила такая же тишина, как и в безлюдной пустыне: ни крика петуха, ни гортанных возгласов, так характерных для каждого арабского или берберского поселения. Обойдя деревушку, поняли, что она давно покинута... Словно высушенный скелет растерзанной горным орлом газели, который подчас видишь у обочины дороги, выглядело это заброшенное селение. И жутко было бродить по ровным улочкам, мимо мертвых домиков, неизвестно почему опустевших. Может быть, стихийное бедствие или эпидемия погубили Эль-Арбу?

Случилось так, что в это время мимо на мотоцикле ехал почтальон. В пустынных районах встреча даже незнакомых путников не ограничивается взаимными приветствиями на расстоянии. Долгая дорога, гнетущее чувство одиночества, затерянности в далеком суровом краю создают у случайных встречных настроение обоюдной симпатии, располагают к общению. Почтальон заметил нас, бродящих среди кладбища домов, подъехал на своем густо запыленном мотоцикле, волочащим облако желтой пыли.

— В этом селе давно уже нет адресатов, и я всегда проезжаю мимо, не останавливаясь: колодцы и те высохли, омертвели,— рассказывал Улями, так звали почтальона.

Мы сидели под навесом какого-то строения, служившего, видимо, торговой лавкой. Наш перекур в Эль-Арбе и случайная встреча со знатоком здешних мест оказались полезными. Улями рассказал о трагической судьбе Эль-Арбы, характерной для многих поселений Ифни в те черные, колониальные времена...

За последнее столетие, а может быть, и с еще более давних времен, в Ифни образовалось три группы населения: скотоводы, земледельцы и рыбаки. Скотоводы — это в основном кочевники; земледельцы расселились в единственной плодородной долине Теграгра; рыбаки промышляют по всему побережью. Берберы и арабы, жители Ифни, исповедуют ислам, имеют немало общих традиций, ритуалов, им чужда национальная рознь, каждая этническая группа говорит на своем языке.

В 1956 году население Ифни единодушно, с большой радостью встретило весть о провозглашении Марокко самостоятельным государством. Скотоводы, земледельцы и рыбаки ждали и надеялись, что вслед за освобождением Марокко от французского и испанского колониализма будет ликвидирован ненавистный режим и в Ифни, что эта узурпированная территория будет возвращена матери-родине. Местное население энергично требовало восстановления справедливости и передачи Ифни марокканскому государству. Однако испанские власти отказались освободить незаконно отторгнутую область. Когда испанская военщина запретила населению праздновать провозглашение независимости в Марокко, предел народному терпению лопнул — в Ифни вспыхнуло восстание. Длившееся пятнадцать дней восстание было жестоко подавлено. Можно себе представить соотношение сил, если учесть, что восставшие были вооружены кремневыми ружьями, саблями и кинжалами. На подавление восстания были брошены парашютные части. У Ифни патрулировал испанский крейсер, обстрелявший из дальнобойных артиллерийских орудий несколько поселков и деревень.

В те тяжелые для Ифни дни суровых испытаний, лишений и жертв жители ряда районов решили покинуть родные места и уйти в соседние области уже освобожденного от чужеземцев Марокко. Так поступили и люди деревни Эль-Арбы. «Нет, не всегда тут царила сонная, безмятежная тишина, — говорит Улями. — Люди

этого поселка были воинственны, честны, горды. Они предпочли добровольное изгнание жизни в рабстве... Они покинули дома и поля, угнали скот, ушли в сахарские области, проклиная тех, кто посягнул на их мирную жизнь».

Трагедия Эль-Арбы—яркая иллюстрация официальной государственной политики франкистского режима в те колониальные времена, когда беззаконие было законом.

Сиди-Ифни — столица и единственный город во всей бывшей колонии. Он компактно застроен невысокими белыми домами и выглядит издали живописным курортным городком, примостившимся на каменной площадке мыса. Планировка Сиди-Ифни типично испанская — в центре круглая площадь, окаймленная пальмами, заставленная каменными скамейками, выложенными ярко-красными изразцами. От площади, как лучи, расходятся улицы, ведущие к базару, пляжу, кинотеатру, больнице. Здесь же, на центральной площади, вокруг круглой клумбы по испанским традициям сгруппированы все главные учреждения: резиденция губернатора, полиция, почта, католическая церковь, гостиница и еще какие-то массивные здания, замкнутые наглухо, оттого и назначение их осталось неизвестным.

В гостинице все номера были свободны, в ресторане все столики пустовали и коридорные играли с официантами в домино, неистово стуча костяшками по мраморной стойке бара. Нацедив по кружке светлого пива, бармен положил перед нами на тарелках по вареному очень соленому океанскому крабу, после которых жажда удвоилась...

— Да, с уходом испанцев город опустел. Позакрывались магазины и кафе. Ведь из пятнадцати тысяч жителей около пяти тысяч были испанцы.

На наш вопрос, чем занималась испанская часть населения, бармен ответил: «Приглядитесь к облику города, и вам самим все станет ясно!»

О, далеко не мирным приморским курортом выглядит Сиди-Ифни при ближайшем рассмотрении. За чертой жилых кварталов, где скученно живет трудовой люд, выстроились мрачные корпуса стандартно одинаковых казарм. Сотни солдатских казарм. На участке

Перед штаб-квартирой находится основательно утрамбованный солдатскими сапогами огромный плац. Штаб-квартира и плац обнесены зубчатой стеной, по углам наблюдательные вышки... Неподалеку — полигон и стрельбище. Затем опять сторожевые вышки — на холмах, на профиле хребта гор.

Чтобы читатель имел полное представление о том, каким был Сиди-Ифни до ухода испанцев, добавлю: к городу примыкает оцепленный колючей проволокой военный аэродром и рядом находится порт, предназначенный для обслуживания военных судов. Так выглядит опустевшая военно-морская и военно-воздушная база Испании, навечно отныне ликвидированная марокканским народом. Она уже не опасна, эта бывшая цитадель Франко на побережье Атлантики. Пройдет еще какое-то время, и будут переоборудованы казармы; порт и аэродром приспособят для мирных целей, и вместо резких военных команд здесь зазвучат голоса туристов, которым гид, как о чем-то далеком, расскажет о печальном прошлом Ифни...

На территорию порта в Сиди-Ифни сейчас можно проехать свободно — ворота распахнуты настежь, часовых нет. Причала в порту нет, разгрузка и погрузка кораблей происходит в открытом океане, куда проведена подвесная канатная дорога, снабженная специальными вагонетками. Дорога подвешена на мощных железобетонных столбах-опорах, установленных на дне и возвышающихся над океаном. В настоящее время подвесная дорога бездействует — обнаружены повреждения. В машинном отделении несколько марокканских специалистов ремонтировали остановившееся сердце порта.

Осматривая порт и складские помещения, я обратил внимание на отсутствие многих портовых установок. То же самое бросилось в глаза и в столярно-слесарных мастерских Сиди-Ифни, в городском политехническом училище. Старожилы объяснили, что, уходя, испанцы забирали с собой буквально все — до последнего гвоздя. «Переманили в Испанию и кое-кого из марокканцев, овладевших дефицитными специальностями, — говорил каменщик Лиазид. — Но большинство людей осталось, чтобы перестраивать город и жизнь.»

Неодинаково складываются судьбы народов и стран. Нелегко сложилась судьба Ифни, народ которого

позже многих других народов Африки обрел право на независимость. Но необратимый процесс деколонизации продолжается, он неумолим и неизбежно коснется других, еще существующих испанских колоний на чужих территориях.

В государственном бюджете Марокко уже предусмотрены ассигнования на прокладку дорог в Ифни, на подъем народного хозяйства этой области. Чтобы оживить отдаленный обездоленный природой край, очень многое предстоит сделать. Совершенно неизведанны в Ифни полезные ископаемые, неизвестно, есть ли здесь подпочвенные воды для эффективного орошения сельскохозяйственных районов.

В Марокко и соседних странах «голубыми людьми» называют сахарские племена, имеющие давнюю привычку одеваться в просторные синие рубахи — бубу и закутывать голову в такую же синюю чалму. Окрашенная в яркое индиго хлопчатобумажная ткань постепенно линяет, придавая смуглой коже голубоватый оттенок. С годами голубизна кожи человека становится прочной, к тому же у людей этого племени не принято употреблять воду для умывания, а омовение совершается песком... Однажды ночь застала меня в пути. Повстречав лагерь «голубых людей», я решил остаться с ними и дожждаться утра. И вот что я узнал. После многолетних скитаний по Сахаре «голубые люди» возвращались в родное Ифни, откуда ушли когда-то с боями, спасаясь от карательных экспедиций испанских колонизаторов. В этом факте много символического, значительного для сегодняшнего Ифни, сбросившего, наконец, иго поработителей.

В плодородной долине Теграгра после весенних дождей сеют пшеницу, ячмень, кукурузу. Пашут деревянной сохой, в которую впряжен верблюд. Здесь этот знаменитый корабль пустыни используют и как тяговую силу. «На верблюдах мы пашем,— рассказывал крестьянин,— возим на рынок собранный урожай. Верблюжье молоко и шерсть — наше спасение, ведь в здешних пустынных районах негде взять продукты, да и не на что их купить, если бы даже были». Так неприхотливое, выносливое животное стало для многих жителей

Ифни главным или одним из главных источников существования оно и кормит и одевает. Мне рассказывали, как в свое время испанское командование в Ифни пыталось сформировать из кочевников специальные части на верблюдах для охраны границ. Однако этому замыслу не суждено было сбыться — не нашлось ни

Женщины из племени «голубых людей»,
обитающих в Сахаре

одного погонщика верблюдов, который бы пошел служить франкистскому режиму.

Когда мы приехали в долину плодородия, там буйно цвел миндаль и деревья в цвету казались невестами, закутанными в розовые и белые покрывала. С холма спускался верблюд, в седле которого ловко устроились ребяташки, возвращавшиеся из школы. Раньше школ не было, да и теперь их еще очень мало — по одной на большую округу, где разбросаны микроскопические поселения, хутора. Но начало положено, и земледelec, отрывая верблюда от пахоты, возит на нем своих детей в национальную школу, где учат на родном, арабском языке.

Алжир наших дней

ГОРОД АЛЖИР

Столица Алжира — город на горах, город крутых улиц. Есть улицы-спирали, есть улицы-лестницы, ступеньки которых похожи на белые клавиши рояля, есть улицы-полки, плотно заставленные коробками многоэтажных зданий. По проезжей части алжирских улиц с бешеной скоростью мчатся пестрые потоки машин различных марок; между ними лавируют ярко окрашенные мотоциклы. Здесь не знают тихой езды. В автобусах таблички: «Внимание! Мощные тормоза: крепче держитесь за поручни!»

Конечная автобусная остановка — в самой верхней части города. Далеко внизу расстилается светло-зеленое, словно огромное футбольное поле, море. Отсюда хорошо виден ровный, как будто очерченный циркулем, полукруг залива. В архитектурный ансамбль города там и сям вписаны большие белые корпуса новых зданий. Это преимущественно жилые дома. Здесь живут рабочие и служащие государственных предприятий. После победы революции тысячи семей алжирцев переселились в благоустроенные квартиры, о которых прежде не могли и мечтать. Где-то в прошлом, как кошмарный сон, остались времена, когда город делился на арабскую и европейскую части, когда в период вооруженной борьбы за независимость появление араба в европейских кварталах было сопряжено с риском для жизни...

Панорама Алжира с птичьего полета, вероятно, была такой же и пять и десять лет назад. Иной облик у города вблизи. Он вобрал в себя много новых черт, которых не было, да и не могло быть у него раньше.

На фасадах зданий читаешь названия фирм, предприятий, учреждений, где есть слова «национальный», «государственный». Дело, конечно, не в словах. За ними кроются глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в стране. Внутренняя контрреволюция, реакционно настроенные буржуазные элементы хотели, чтобы Алжир пошел по капиталистическому пути развития. Но революция не остановилась на полдороге. Сотни промышленных предприятий, сельскохозяйственных ферм, банковская система, внешняя торговля, отели, рестораны, кинотеатры, магазины национализированы или поставлены под строгий контроль государства.

С улиц столицы, как, впрочем, и других городов Алжира, исчезли беспризорные дети, оравы мальчишек — газетчиков и чистильщиков ботинок. Они теперь обрели будущее: для них созданы интернаты и школы.

Свежевыбеленные корпуса школ и колледжей, таблички с лаконичной надписью «самоуправление» в витринах магазинов и кафе, плакаты «Добровольный труд — школа социализма» — все это признаки радикальных перемен в жизни страны.

ВОЙНА ТРУЩОБАМ

По широким проспектам города Аннабы гуляет морской ветер, взлохмачивая зеленые кроны деревьев, раскачивая резные пальмовые ветви. На площадях рядом с вереницей такси дремлют извозчицы лошади, запряженные в черные фаэтоны.

Самое оживленное место в Аннабе в дневное время — порт. У причалов выстроилась шеренга разнонажных судов. Одни разгружаются, трюмы других заполняются рудой, бочками с вином, пробковой корой. Так же, как и эти корабли, в июле 1964 года в спокойные воды порта зашло египетское судно «Звезда Александрии» с грузом для Алжира, но вдруг страшный взрыв потряс порт — враги алжирской революции взорвали корабль. Погибло сто человек, около двухсот получили тяжелые ранения.

Мы, группа советских журналистов, молча стоим на набережной. Издали доносится протяжный гудок, затем

еще один, и в порт входит пароход «Аль-Газа» под флагом Объединенной Арабской Республики. Судно, сбавляя ход, мягко пришвартовывается к причалу. Вся команда выстраивается возле останков «Звезды Александрии». Капитан опускает на землю большой венок цветов.

Внутренняя и внешняя реакция совершила не одно тяжкое преступление против молодой Алжирской республики. Но ничего не может свернуть народ с избранного им курса, ибо правительство Алжира действует в интересах широких народных масс. Вот, например, что я видел на одной из окраин Аннабы, в местечке Сиди-Салем.

...Стальное лезвие бульдозера врезалось в фанерную стену хибарки, крытой пальмовым листом. Большие рыжие крысы выскакивали из-под обломков, метались по полю. А бульдозеры шли дальше, легко сметая ветхие самодельные лачуги, где годами ютилась беднота. Солдаты народной армии оцепили весь подлежащий сносу район, облили развороченный хлам бензином, и Сиди-Салем запылал. Черные густые клубы дыма заволочили небо. Толпа народа, собравшаяся поглядеть на это зрелище, стала отступать, отодвигаясь подальше от пламени.

Так была проведена операция по уничтожению бидонвилей в Сиди-Салеме. Целые районы убогих хижин были снесены в столице и в других городах Алжира.

Примечательна история возникновения бидонвилей. Во время колониальной войны в Алжире французские войска стирали с лица земли сотни деревень, карая их жителей за помощь партизанам. Крестьяне с семьями разбредались по городам в надежде как-то там устроиться, найти работу. Редко кому это удавалось, но так или иначе надо было где-то жить. И люди из чего попало строили себе на окраинах жилье. Так города обрастали бидонвиллями. Теперь алжирская революция сметает трущобы, порожденные колониализмом.

Огонь доделывал свое дело, когда мы покидали Сиди-Салем. Команда санитаров опрыскивала дезинфицирующими средствами территорию вокруг пожарища.

— Где же теперь бывшие обитатели этих лачуг? — спросил я.

— Поезжайте в Бельведер и увидите.

Бельведер — район новостроек — расположен на возвышенности. Отсюда виден весь город, расстилающийся на прибрежной равнине. Пять белых семнадцатизэтажных жилых домов упираются плоскими крышами в ярко-синее небо. В них-то и живут отныне те, чьи хибарки снесли бульдозеры. На балконах, как ласточки, щебечет детвора. Здесь в прямом смысле слова начинается новая жизнь скитальцев...

Председатель комитета по заселению этого района показал нам, как устроились новоселы. Многодетные семьи получают трех-четырёхкомнатные квартиры. Есть квартиры на одного-двух человек. Архитектура и планировка домов отличаются простотой; предусмотрены все бытовые удобства. Правда, хорошую обстановку встретишь пока еще далеко не в каждой квартире, но, как говорили нам новоселы, это дело наживное.

НА ФЕРМЕ «ГАРБИ АЙСА»

Приезжий человек может узнать о наступлении осени в Алжире лишь по календарю да глядя на чисто убранные поля. Солнце, медленно переползая с одного края неба на другой, нещадно печет целый день. Салатного цвета волны Средиземного моря манят к себе, и до первых зимних дождей по всему побережью видишь купающихся.

В горах и равнинах царит чуткая тишина. Осенью она чувствуется особенно.

Петляет дорога, врезаясь в ущелье, извиваясь среди ферм и виноградников. Мы едем по территории бывшего поместья, принадлежавшего французу Бертаньяну. Теперь всем этим хозяйством руководит комитет самоуправления департамента Аннабы.

При въезде на территорию фермы на высокой арке ворот я прочел: «Гарри Айса». Откуда это название?

Вот что рассказали алжирские друзья.

...1960 год. По всему Алжиру идут кровопролитные бои за освобождение страны от колониального гнета. Силы народной армии крепнут, в нее вливаются все новые и новые пополнения. О мужестве борцов за свобо-

ду в народе слагают легенды. Гарби Айса был одним из таких героев. Ему было тридцать лет, из них десять он батрачил на ферме Бертаньяна, а четыре с половиной года сражался против французов. Однажды отряд Гарби Айсы попал в засаду, и в неравном бою погибли все его товарищи. Спасаясь от преследования, раненый командир добрался до знакомой с детства фермы и укрылся в каменном сарае. Окруженный французами, он долго отстреливался, пока автоматная очередь не сразила храброго бойца...

Входим в большое каменное строение. Терпкий кислотавый запах ударяет в нос — здесь делают вино. В огромных открытых чанах бродит бордовое виноградное месиво. Кажется, что это увеличенные в тысячу раз банки с вареньем. Отсюда отданный ягодами сок поступает в соседнее помещение, где его выдерживают в гигантских закрытых чанах до полного превращения в вино.

— Вот здесь был убит Гарби Айса, — директор фирмы показывает на небольшую, похожую на вагонетку, машину для обработки винограда.

Толстые стенки железного ящика хранят вмятины и царапины от пуль. Отчетливо представляешь себе, как все было. Свинцовый град обрушивается на машину, служившую Гарби щитом...

Гарби погиб, но он выиграл бой: в Алжире нет больше бертаньянов и чужеземных солдат.

Живые свято чтут память павших героев. Их именами называют города, фермы, предприятия, улицы и пароходы.

Директор фермы Хаммаль Абдель Азиз ведет нас дальше — из одного помещения в другое, не без гордости показывая свое обширное хозяйство. На ферме делают вино двух широко известных в стране марок — «Гебар» и «Даруса», а также выращивают овощи, фрукты, разводят скот. На этом многоотраслевом сельскохозяйственном предприятии трудится большой коллектив. И пожалуй, один из самых молодых его членов — руководитель Хаммаль.

Ему двадцать два года. С шестнадцати лет он включился в революционную борьбу, стал активным членом Фронта национального освобождения. После изгнания французов двадцатилетнему Хаммалу доверили боль-

шое дело — ферму «Гарби АЙса», где он, кстати, родился и вырос. Молодому директору, как и многим сейчас в Алжире, не хватает образования, но практическую сторону ведения хозяйства он знает превосходно. Ферма постоянно увеличивает выпуск и улучшает качество продукции.

Внешне Хаммаль мало похож на директора. Невысокий худой юноша в рубашке с засученными рукавами, в поношенных брюках. Его видят то в садах, то на плантациях, то в винодельческих цехах. Он внимательно беседует с людьми, на ходу подписывает счета и бумаги, дает распоряжения...

Административное руководство фермой осуществляет совет из пятнадцати членов во главе с председателем-директором. Совет избирается на общем собрании всех работников. Директор входит в состав совета данного района. Все председатели районных советов образуют комитет самоуправления департамента.

Ферма «Гарби АЙса», как и другие предприятия государственного сектора Алжира, продает свою продукцию оптом соответствующим организациям или фермам.

...Близится конец жаркого дня, а вместе с ним конец нашего пребывания на ферме. Хаммаль угощает молодым розовым вином «Гебар». Я пью за его здоровье, за процветание фермы, за тех, кто строит будущее Алжира...

На земле Туниса

О ТОМ, КАК ПЕРЕСТАЛИ ПОДМЕТАТЬ ПУСТЫНЮ

В Тунисе много развалил, относящихся к финикийской, римской и византийской эпохам, много памятников периода арабских завоеваний. На фоне этих древних руин бросаются в глаза новые дома, мосты, плотины, дороги. Иногда даже шофер-тунисец, с которым я ездил по стране, качал головой, сворачивая на новую дорогу, — в прошлом году ее еще не было!

В окрестностях города Меденин растет поселок белокаменных народных домов. Бригадир Бен Лахмар охотно водит по стройке, рассказывает о себе, о товарищах, о том, как была создана бригада.

...1958 год — второй год независимости. А в стране по-прежнему нищета, безработица, голод... Нужно обеспечить себя продовольствием, жильем. Необходимо срочно ликвидировать четырехсоттысячную армию безработных — ужасное наследие французского колониализма. При колониальном режиме почти треть трудоспособного населения не могла найти себе работы. Безработные получали смехотворно мизерное пособие, за которое были обязаны... «подметать пустыню», рыть и тут же закапывать ямы.

В стране развернулась кампания за создание «бригад по борьбе с отсталостью». Вместо бесполезного «подметания пустыни» безработным предложили объединиться в бригады производительного труда. В бригадах была установлена невысокая, но твердая заработная плата, налажен медицинский контроль. Люди взялись за работу. Они строили дома для себя и своих детей. В перерывах, сидя на земле перед импровизированной классной доской, рабочие учили буквы родного арабского языка.

Идем вдоль длинной шеренги домов, сложенных из прессованного агломерата. Дома еще не заселены. Удобная планировка комнат, открытые веранды, дворик. Возле каждого дома — небольшой приусадебный участок.

Сколько времени и сил было отдано бессмысленной работе по прихоти колонизаторов, — с горечью говорит Бен Лахмар. — Сколько таких домов мы могли бы построить. Я сам восемь лет был безработным...

Бен Лахмар протягивает нам коричневую заскорузлую руку, прощается.

— Слышите гонг? Сейчас начнется урок, — говорит он. — Мне пора. — И, улыбаясь, добавляет:

— Надо заглянуть в учебник. Я не успел сегодня подготовить домашнее задание.

Осматривая кварталы новостроек в предместье Меденина, я встретил болгарского инженера, который обрадовался мне как родному. Он руководит здесь работами по строительству жилых домов. «Все работы ведутся вручную, — говорит болгарский товарищ. — Техники никакой. Поэтому темпы строительства, конечно, не те, что у нас...»

Но даже и при таких темпах окраины Меденина заметно обрастают маленькими белыми домиками. Сам город, имеющий многовековую историю, кажется только что выстроенным: чистые улицы, аккуратные одноэтажные дома, строгие башни минаретов. Тишина и спокойствие. Время здесь словно остановилось. Но вот неожиданно на одной улице послышались звонкие детские голоса. За оградой школьного двора весело резвилась детвора. И сразу тишина и безлюдность улиц города стали понятными — здесь не бездельничают, а работают и учатся.

Своими впечатлениями о городе делюсь с губернатором Меденина. В его просторном кабинете пьем крепкий арабский кофе и ведем беседу о судьбах молодой республики.

— Старое и новое еще долго будет встречаться повсюду, — говорит губернатор. — Вам понравились наши новостройки — и нам они тоже нравятся. Но неподалеку от Меденина есть деревушка Уммат-Тамар, где люди еще живут в каменных трехэтажных амбарах, похожих на пещеры. Эти амбары, напоминающие пчелиные соты,

были построены земледельцами-берберами лет двести назад для хранения зерна и продуктов. Сейчас там ютятся те, кому негде жить. Если раньше, при колонизаторах, человек фактически за милостыню рыл в день одну яму, которую назавтра закапывал, то теперь его труд обрел смысл: теперь за полдня он стал вырывать пять таких ям для посадки фруктовых деревьев. Бывшие безработные стали созидателями, сознающими свою роль в построении нового Туниса. Примечательно, что не деньги зажигают массы энтузиазмом. Ведь та зарплата, которую получают эти рабочие, очень и очень небольшая сумма. Ну что на нее может приобрести семья? Только хлеб, не больше. Билет в кинотеатр, например, стоит дороже дневного заработка...

Есть нерешенные проблемы в школьном обучении. Обращает на себя внимание, что большинство учащихся — мальчики. Еще живут старые традиции: многие родители не отпускают девочек на учебу. Но и это скоро уйдет в прошлое.

Наступил вечер, пора прощаться с губернатором Меденина. Пять охранников в красных высоких тарбушах отдают по-военному честь. На небе уже рассыпались первые блески звезд. Я уезжал из города с мыслью о том, что, вероятно, никогда больше его не увижу, но и никогда не забуду...

РАВНИННЫЙ И ГОРНЫЙ ТУНИС

Даже в такой небольшой стране, как Тунис, природа Юга и Севера резко отличаются между собой. Мы едем по шоссе, пересекающему южную часть страны. По обе стороны дороги расстилаются белые, словно заснеженные, солончаковые степи, уходящие к горизонту фарфоровой гладью. Неожиданно, как из-под земли, на пути встает группа взлохмаченных, как будто чем-то недовольных кактусов. Они обступают шоссе, протягивая к проезжающим колючие ладони своих ветвей. Но вот кактусы остаются позади, и машина мчится среди медно-красных песчаных барханов пустыни Большой Восточной Эрг. Если смотреть на пустыню с возвышенности, она кажется детской песочницей: повсюду ровные,

словно вылепленные формочкой, дюны и холмы. Это подступы к Сахаре...

Желтая песчаная поземка кружит по асфальту, бросается под колеса машины, бьет в ветровое стекло, залетает в открытое окно. На зубах песок... Песок смерчей Сахары. Тысячелетиями кочуют песчаные волны по великому океану пустыни. Они то застывают стадом рыжих дюн и, притаившись, поджидают жертву, то вдруг взвиваются бешеным сирокко и, застилая небо, сметая все на своем пути, носятся по африканским просторам.

Выхожу из машины... Ноги погружаются в горячий, мелкий, как тончайшего помола мука, песок. Шаг, другой. Одна дюна, вторая...

— Осторожней! — кричит шофер. — Пустыня, даже когда она кроткая и лежит рядом, у дороги, опасна и коварна. Вы и не заметите, как заблудитесь.

Действительно! Следы, только что отпечатанные на зыбком песке, исчезли, словно их засыпала чья-то невидимая рука. Я разворошил ногой гребень дюны, он осыпался и скоро снова принял прежнюю форму. Беру пригорошню песка. Мелкие крупинки, перемолотые веками...

Безмолвная пустыня живет своей жизнью, своими тайнами и загадками. На гребне песчаной волны вдруг появляется юркая ящерица. Она замирает, будто к чему-то прислушиваясь. Затем так же неслышно, как и появилась, исчезает. Кругом — ни живой души, только бесконечные дюны да огненное солнце.

Вдруг впереди что-то заблестело, заискрилось. Устремляюсь туда и вижу... каменную розу, выросшую на голом песке. Желто-розовые, переходящие в красно-бурые и коричневые тона кристаллы крепко сплавлены в замысловатый цветок величиной с большую тарелку — розу пустыни.

Шоссе не углубляется в пустыню, а теснится ближе к оазисам и населенным пунктам. И как только кончается царство золотистого сыпучего песка, к обочине снова сбегаются взъерошенные кактусы и голубые ага-вы. Иногда заросли кактусов покрывают всю окрестность — и холмы и уходящие к горизонту равнины. Кактус — одно из самых распространенных в Тунисе растений. Он встречается повсюду. В городе растет в

парках, за оградами вилл. В сельской местности крестьяне обсаживают кактусами свои участки и таким образом создают надежную изгородь, защищающую сады и огороды от скота. Кактусы дают вкусные плоды, которые считаются деликатесом. Плод кактуса величиной с грушу имеет специфический сладковатый вкус, чем-то напоминающий вкус дыни. Сезон созревания плодов — август — сентябрь. В это время кактусы расцвечены пурпурно-оранжевыми поспевающими плодами. Однако добраться до них без хорошего ножа или топора невозможно. Яркие шишки плодов облепляют усеянную колючками ладонь кактуса. Крестьяне, прорубая в зарослях проходы, осторожно срывают нежные плоды, собирают их в корзины и везут в город. Здесь плоды продают со льда — холодные, они особенно приятны на вкус. В Тунисе есть специальные плантации, где кактусы посажены ровными рядами, что позволяет сборщикам плодов легко собирать урожай.

Сажают кактусы необычно. Продолговатую зеленую лепешку режут пополам и каждую половину втыкают в землю. Колючие краяхи быстро принимаются, пускают корни, и кактусы начинают расти.

Много в стране дикорастущих агав. У этого растения острые, похожие на мечи листья, достигающие человеческого роста. Агавы не находят здесь полезного применения, хотя в некоторых странах из них получают сырье для изготовления веревок и канатов. Агавы истощают почву, поэтому в Тунисе их вырубают, но они вырастают снова, топорща обрубленные ветви и не желая сдаваться.

ОХОТА НА КАБАНОВ

В один из субботних дней тунисские друзья пригласили меня на охоту...

Выезжаем рано утром. Сначала дорога идет по равнине. Зеленым бархатом расстилаются поля. На одном участке пыхтит трактор, на другом тащится бык, впряженный в деревянную соху. За окном автомашины проплывают щеголеватые фермы и усадьбы, а вокруг них бедные, невзрачные лачуги. Над хижинами, сделанными

из соломы и земли, которые называют здесь «киби», возвышается минарет мечети.

Несколько раз переезжаем через реку Меджерд. Река плутает и колесит по равнине, как будто подшучивая над путниками — только через нее переедешь, а она уже опять переливается впереди коричневой, как олифа, водой. Берега крутые, высокие, и кажется, что река течет по дну ущелья. Пейзаж оживляют белые узкие мостки да тонконогие аисты.

Одно за другим мелькают названия деревень, написанные на дорожных столбах по-арабски и по-французски; в переводе они означают: Базар в среду, Базар в четверг, Базар в пятницу...

Такие названия говорят сами за себя, и желающим поехать на базар в тот или иной поселок не надо спрашивать о том, в какой день он там бывает.

Взобравшись на холм, дорога круто спускается в ложбину. Справа и слева тянутся виноградники. Но вот машина въезжает в маленький городок Бежа. Вокруг ни одной арабской постройки, как будто мы не в Тунисе, а в Швейцарии: костел, коньки черепичных крыш, зеленые факелы кипарисов. Здесь живут французы-виноделы.

Минуем городок и въезжаем в золотисто-изумрудный осенний лес. Дорога поднимается все выше, становится прохладно. Машина останавливается неподалеку от большого дома, крытого розовой черепицей. Подходим к дому. Тишина. В лучах солнца радужно переливается осенняя паутина. Отель называется «Дубки». Все охотничьи тропы ведут к этому уютному пристанищу, притаившемуся, как большущий гриб, в лесной чаще. Здесь мы располагаемся и готовимся к встрече с четвероногими обитателями леса...

Егеря и несколько охотников с собаками отправляются в густую чащобу. Они будут гнать зверя к широкой просеке, где на расстоянии тридцати шагов друг от друга выстроились стрелки, готовые крупной картечью или пулей встретить кабанов. Отойдя к условленному месту, загонщики начнут шуметь, стрелять в воздух, науськивать собак на еще невидимого зверя. Их задача — выгнать кабана из зарослей на открытую, вырубленную площадку.

От спутников узнаю много интересного об особен-

ностях охоты на кабана. Оказывается, у кабана свои «железные» привычки, которым он ни за что не изменит. Поэтому очень важно знать их. Во-первых, кабан никогда не будет бежать под гору. Он всегда бежит вверх. Соответственно нужно строить и операцию охоты: загонщики должны стоять у подножия холма, встречающие зверя стрелки — на возвышенности. Во-вторых, кабаны никогда не мчатся напролом, не разбирая дороги, как это принято считать. Наоборот, они отлично знают свои кабаньи тропки, которыми испещрен весь лес. И кабан бежит только по такой протоптанной дорожке. Он верит ей...

Мы вошли в рощу и побрели среди дубовых стволов, внимательно рассматривая валежник, засыпанный недавно опавшими желудями. Каждому из нас хотелось первому отыскать еле заметную тропу кабанов. И вот, когда мы были увлечены поисками следов зверя, появился сам зверь. Черно-бурый клыкастый кабан несся прямо на нас. Он-то отлично знал свою тропинку. Низко опустив морду, вероятно, чутьем определяя дорогу, он бежал быстро и легко, не задевая веток. Мы одновременно вскинули ружья, одновременно нажали курки... В тишине дремлющего леса грянули два выстрела, и сизый, словно махорочный, дым пополз по листве деревьев. Снова стало тихо. Ощерив длинную с нежно-розовыми деснами морду, у наших ног лежал большой косматый зверь...

Где-то вдали послышались торопливые выстрелы, потом еще и еще.

Близился вечер. Охота закончена.

Через несколько часов мы направлялись в Табарку — небольшой портовый городок на Средиземноморском побережье страны. Табарка была основана еще финикийцами и играла далеко не последнюю роль в их торговых операциях с внешним миром. Сейчас здесь проживает около полутора тысяч жителей, которые занимаются рыболовством, работают на предприятиях по первичной обработке пробковой коры. Леса пробкового дуба подступают к самому городу. На окраине города я вышел из машины и отправился побродить среди пепельных стволов пробкового дуба.

На первый взгляд такая роща не представляет собой ничего экзотического. Обыкновенные развесистые

деревья с плотной, словно вырезанной из жести, листвою. Грифельного цвета корявые стволы изрезаны глубокими морщинами, что делает их похожими на растрескавшуюся от зноя землю.

Но вдруг странное, почти фантастическое зрелище предстало перед моими глазами. Меня окружал фиолетово-бордовый лес, словно выращенный каким-то лесником-абстракционистом. Кругом толпились хороводы лиловых, бурых, рыжих стволов. В алых лучах заходящего солнца эти диковинные деревья были похожи на живые кривляющиеся существа... Они тянули ко мне щупальца ветвей, обступая все тесней и тесней. И шелест их жестких листьев напоминал зловещий, недобрый шепот...

Я потрогал рукой один такой чернильный ствол. Он был прохладный, влажный, какой-то неживой. Тогда я понял, в чем дело. Просто этот участок пробкового дуба недавно отдал свою кору людям.

Пробковую кору в Тунисе срезают один раз в девять лет. За этот срок дерево успевает снова одеться, обрасти корой нужной для человека толщины. Поэтому все пробковые леса страны разделены на девять районов с таким расчетом, чтобы каждый год в одном из них производить очередной срез коры.

Срезают кору так. У самого основания ствола и на высоте полутора-двух метров делают кольцеобразные надрезы. Затем ствол как бы раздевают, легко снимая с него два равных куска коры, похожих на корытца. Оголенный бело-розовый ствол начинает менять пигментацию, становясь бурым, лиловым, густо-фиолетовым...

Вот в такой «раздетый» лес, по которому недавно прошли ножи заготовителей пробки, я и попал, бродя по окрестностям Табарки.

Около леса я видел целые горы, настоящие пирамиды, сложенные из пластов пробковой коры. Доставленную из лесов кору час-другой кипятят в объемистых чанах, чтобы уничтожить древесных жуков и личинок; затем кору сортируют по качеству, упаковывают в кипы и отправляют за границу. Такой путь проходит обыкновенная пробка, прежде чем ее извлекут из бутылки...

В центре города я зашел в ресторан, в котором условился встретиться с друзьями. Шум, хохот, звон посуды.

Ресторан стилизован под сельскую таверну: по стенам развешаны колеса телег, старинные кремневые ружья. Впрочем, оружия здесь было достаточно и так — возле каждого столика стояло по несколько охотничьих ружей. На стульях и скамьях валялись патронташи, кожаные куртки, ягдташи, бинокли.

— По субботним и воскресным дням здесь всегда так, — говорил владелец заведения Бен Салах. — А в будни — ни души...

В ожидании заказанных блюд мы подсели к большому камину в углу зала. Хозяин принес нам по рюмке крепкой национальной водки — бухи. Буха имеет прозрачный цвет и еле уловимый ароматический привкус. Ее готовят из ягод инжира.

Камин пылал. Было уютно, располагало к беседе. Хотелось, как это водится, поговорить о недавней охоте. Но разговор зашел о другом...

— Чем это вы топите камин? — спросил кто-то из нас хозяина.

Действительно, дрова, которые лежали возле камина, были похожи на клубни какого-то неизвестного растения. Округлой формы деревяшки имели золотисто-вишневый цвет и были тяжелыми.

— Это вереск, — ответил Бен Салах, — вернее, корень вереска. Вы видели его в лесу, на любой поляне. Невысокий кустарник с мелкой листвой и светло-желтыми невзрачными цветами в изобилии растет в наших краях. Однако заполучить такое корневище не так-то просто. Корневая система веток в отличие от его хилой надземной части напоминает крупную мускулистую руку, вцепившуюся в землю... Семейство вересковых насчитывает около тысячи пятисот видов. У нас в стране растет один из самых ценных его представителей.

Бен Салах поднял с пола массивный корень.

— Вот здесь надрез. Посмотрите, какая плотная структура древесины. Прочнее дуба! И в то же время вереск обладает какой-то вязкостью, что ли... Он не крошится, очень удобен для обработки. С большой предосторожностью, чтобы не повредить естественную форму, мы выкорчевываем его, обрезаем все лишнее и продаем в Европу. Англичане, например, делают из вереска курительные трубки... Кстати, я и сам мастерю их на досуге.

Хозяин вышел из зала и вскоре вернулся с десятком ровеньких, еще не обкуренных трубок. Они были различной формы. Очевидно, прежде чем начать работу, мастер внимательно изучал каждый корень, чтобы наилучшим образом использовать его форму для своего изделия.

Вместе с трубками Бен Салах случайно принес одну необработанную заготовку — тяжелый деревянный брусок, в котором только по общим контурам можно было угадать будущую трубку.

— Хотите я подарю вам эту заготовку? — обратился он ко мне и протянул бурый кусок дерева. — Но при одном условии: вы должны будете сами сделать из нее трубку... Самодельная, она вам будет неизмеримо дороже любой приобретенной или подаренной.

Я согласился и взял заготовку.

С тех пор прошли годы. Моя трубка еще не готова. Когда выдается свободное время или когда хочется что-то обдумать наедине, я достаю этот красноватый кусок дерева и не спеша начинаю его строгать и обтачивать, следуя основным линиям, намеченным Бен Салахом. Работа подвигается медленно, вероятно оттого, что я новичок в этом деле. А может быть, и потому, что часто откладываю трубку в сторону и погружаюсь в воспоминания о том замечательном дне, который довелось провести в Табарке и ее окрестностях...

В Ливане

У КРЕСТЬЯН

По узкой прибрежной полосе тянется оранжево-зеленая лента апельсиновых и оливковых рощ. Аккуратными ступенями взбираются к вершинам гор террасы возделанных полей. За горными перевалами, где бродят туманы и снег не тает семь месяцев в году, лежат плодородные долины. Они надежно защищены от ветров стеной гор.

Это Ливан — маленькая арабская страна, где на территории в десять тысяч квадратных километров сочетается несколько различных климатических зон — от субтропической до умеренной. Благоприятные природные условия позволяют выращивать разнообразные культуры. Однако, несмотря на мягкий климат и ласковое солнце, крестьяне постоянно терпят нужду. Этим-то и объясняется массовая эмиграция ливанцев, которых за границей живет не меньше, чем на родине.

Если ехать вдоль северного побережья Ливана, то слева — Средиземное море, справа — сады и горы. Апельсиновые, лимонные и мандариновые плантации расположены вдоль всего побережья на высоте нескольких десятков метров над уровнем моря. Однако главным районом производства цитрусовых считаются окрестности города Триполи — северной столицы Ливана. Сады примыкают к городу, обступая его плотными, возвышающимися одно над другим кольцами. Весной, в пору цветения, город кажется закутанным в легкую фату, надушенную ароматом померанцевых цветов.

Машина сворачивает, море исчезает, и теперь деревья сплошной чащей тянутся по обеим сторонам доро-

ги. Отсутствие каких бы то ни было изгородей создает впечатление, что едешь по апельсиновому лесу. Но вот показались домики с цветными ставнями и плоскими крышами. Издали кажется, будто кто-то рассыпал ворох детских кубиков. Это деревня Медждалая. Тишина. Ни души. Только старый-престарый крестьянин в красной национальной тарбуше, сидя на пороге, задумчиво перебирает желтые бусины четок.

— Все на плантациях,— сообщает он.— Собирают апельсины. Все, все. Вся деревня.

Мимо проезжает машина, груженная доверху свежавыструганными сосновыми ящиками. На ящиках черные трафаретные надписи: «СССР. Продинторг». Эта советская внешнеторговая организация хорошо известна ливанским садоводам: много лет Советский Союз является одним из основных покупателей их апельсинов и лимонов, а в последнее время и яблок.

Иду в глубь плантации. Объявляется перекур, и крестьяне обступают меня, угощают сочными «буртукалами» — так по-арабские называются апельсины.

— Кому принадлежит этот сад?

Высокий пожилой крестьянин ловко очищает большущий, размером с нашу украинскую дыньку апельсин и протягивает мне.

— Здесь, должно быть, столько же владельцев, сколько деревьев,— говорит он, поднимая на нас усталые глаза.— Я стою на своем участке, вы — на участке моего соседа. Судите сами: почти все участки имеют площадь от полгектара до трех га. Бывает и меньше.

В разговор включаются другие крестьяне. Да, теплый климат — это еще не все. В тяжелом труде, в заботах и лишениях проводит ливанский крестьянин несколько лет, ожидая плодов первого урожая. Однако цены на мировом капиталистическом рынке складываются порой таким образом, что ливанские садоводы при сбыте урожая едва покрывают издержки. Большую помощь садоводам Ливана оказывает СССР и другие социалистические страны, на долю которых приходится около трети всего экспорта ливанских апельсинов и лимонов. Социалистические страны — надежный рынок сбыта, и ливанцы начинают разбивать новые плантации, совершенствовать методы сортировки и перевозки плодов.

Подошла грузовая машина, и погрузка апельсинов возобновилась. Высокий крестьянин, пронося мимо настяжелый ящик, останавливается, достает красный карандаш и рисует на ящичке серп и молот. Подумав, он улыбается и приписывает: «Привет товарищу Продинторгу!»

...Продолжая путешествие с севера на юг, попадешь в долину Бекаа. Это плодороднейший край. Здесь выращивают зерновые, бобовые, бахчевые культуры, овощи, виноград, сахарный тростник. Если смотреть на долину с гор, она кажется замысловатой мозаикой. Тысячи тысяч мелких клочков земли; на одном из них пашут, на другом сеют, на третьем собирают урожай — в зависимости от культуры. Крупное землевладение и мелкое землепользование — такова основная черта сельского хозяйства в тех районах, где мне довелось побывать. Земли мало, и цены на нее высоки. Большинство сельского населения Ливана — безземельные крестьяне, арендующие крохотные участки, на которых, естественно, они не имеют возможности применить современную технику. Архаичная деревянная соха — по-прежнему главное орудие феллаха. О том, какую культуру сажать или сеять в данном сезоне, землевладелец и арендатор договариваются заранее в зависимости от спроса на рынке и особенностей участка.

Бекаа остается позади. По крутой, как бараний рог, дороге автомобиль взбирается в горы. Склоны гор напоминают этажерку: они покрыты бесчисленными уступами террас, на которых курчавятся пышные яблоневые сады. Всего в стране насчитывается около трех миллионов яблонь, из которых миллион плодоносящих.

Дорога — то вниз, то вверх. Яблоневые сады на склонах гор сменяются банановыми плантациями у подножья. Ярко-зеленые листья, словно причудливые перья, торчащие прямо из земли, прикрывают пудовые гроздья плодов. Бананы могли бы стать одной из перспективных культур Ливана — единственной страны на Арабском Востоке, климатические условия которой способствуют их вызреванию. Однако отсутствие ухода за почвой, которая под бананами очень быстро истощается, тормозит распространение этой ценной культуры.

Наконец мы минуем еще один горный перевал, и дорога идет под уклон. Внизу расстилается зеленая и ровная, как лужайка, долина. В центре ее — деревня

Набатия. Почти вся земля в этом районе принадлежит семье помещика Юсуфа Зейна, и крестьяне либо арендуют мелкие участки, либо батрачат у него. Основная культура здесь — табак.

Полдень. Солнце печет немилосердно, и люди работают в закрытых помещениях. Мы тоже входим в круглый шалаш, похожий на шатер, и горло перехватывает от приторного, дурманящего запаха вяленого табачного листа. Несколько женщин, сидя на земле, быстрыми, автоматическими движениями нанизывают табачные листья на длинную, как спица, иглу, в которую ведет шпагат. Получаются трех-четырёхметровые гирлянды, которые потом сушатся на солнце. В других шалашах и сараях работают также исключительно женщины. Представитель табачной компании поясняет нам: на сборе и обработке табака заняты, как правило, палестинские беженки — они берутся за любую работу. Сбор листьев на полях начинается «по холодку» — в полночь при свете керосиновых фонарей; с восходом солнца и дотемна идет сортировка и обработка листа. Мы спрашиваем, когда же поденщицы спят. Представитель компании пожимает плечами и ведет нас дальше.

В стране выращивают высокосортный табак. Однако крестьяне, руками которых он создается, зажаты в железные тиски компанией «Режи дю таба», имеющей концессию на монопольное ведение всего табачного бизнеса в Ливане. Только она может скупать у крестьян урожай табака, запрещать или разрешать разбивку новых плантаций, а также экспортировать и импортировать табак и табачные изделия.

Мне довелось объездить весь Ливан. Север — наиболее бедная часть страны. Но и на Юге дело обстоит не лучше. Сельский учитель, который попросил однажды довезти его до ближайшей деревни, рассказывал, что в селе, где он работает, населения две тысячи человек, а в школе только два класса.

— Власти полагают, что крестьянским детям и этого достаточно, — с горечью говорит наш собеседник. — Ну а медицинское обслуживание — понятие абстрактное!

Учитель умолкает. Слышно, как отчетливо шуршат шины о синий асфальт.

— Есть у нас пословица, — снова заговаривает он, глядя прямо перед собой на убегающую вдаль дорогу. —

Она звучит так: «Когда крестьянин живет в достатке — он сам себе султан». Я вон из той деревни, Бинт-Джубейль, что начинается за поворотом. Я не знаю в ней ни одного «султана».

Да, теплое солнце и средиземноморский климат — это еще не все...

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В Ливане широко развиты ремесла. Собственно, любой крестьянин умеет сделать все, что ему необходимо в обиходе: мебель, сундук, пару сандалий, соху, упряжь, игрушки детям. Существуют и целые поселки кустарей, которые из поколения в поколение занимаются изготовлением поделок из дерева, инкрустированной мебели, бронзовой и медной посуды, ножей, сабель и кинжалов, кожаных кошельков и поясов, четок и так далее. Во всем этом многообразии кустарного промысла обособленное и, можно сказать, привилегированное положение занимает гончарное производство.

Ливанские глиняные кувшины, расписанные ярким самобытным орнаментом, получили добрую славу и ценятся на всем Востоке. Узкогорлый ливанский кувшин, напоминающий по форме тыкву с носиком, как у чайника, способен сохранять воду свежей и прохладной в жаркую погоду. Этим свойством кувшин обладает лишь определенное время, а когда утрачивает его, то кувшин держат как украшение в доме. В базарные дни в деревнях Марджайон и Хасбая можно увидеть настоящие коллекции гончарных изделий ливанских умельцев. Горшки и кувшины, разрисованные веселыми цветными узорами по белому гляцевому фону, похожи на фарфоровые. На многих кувшинах изображены кедры и цветы, апельсины и замысловатая канва восточного орнамента — реальность переплетается с фантазией.

Ранним сентябрьским утром я отправился в деревню Рашея, которая слывет колыбелью гончарного ремесла в Ливане. Кружевной узор гор резко очерчивается на фоне светло-зеленого неба — солнце еще не взошло. Последние светляки звезд гасли в вышине. Но когда

въехал в Рашею, расположенную в небольшой горной долине, в утреннем небе вдруг снова засверкали блестящие ночных светил. Обман зрения, мираж? Мой спутник — бейрутский журналист и собиратель фольклора Риф Тавиль загадочно улыбнулся и ответил:

— В народе говорят, что аллах так расположил звезды на небе, чтобы они всегда светили жителям Рашеи...

Я думал, что мы приехали слишком рано и нам придется ждать, пока деревня пробудится ото сна. Но ошибся. Жизнь здесь уже шла своим чередом. На окраине деревни под оливой сгорбленная женщина пекла хлеб. Трудно было понять, молода она или стара, усталость или бремя годов согнули ее. Женщина тонко раскатала на доске тесто. Затем ловким движением прилепила его на выгнутый кусок железа, под которым пылал огонь. Присев перед своей примитивной печью, крестьянка стала подбрасывать в огонь сосновые шишки. По ее освещенному красным пламенем лицу стекал пот. Казалось, что лицо светится изнутри каким-то странным торжественным светом. Женщина негромко напевала песню:

День ото дня говорит со мной,
Он говорит со мной с закрытыми глазами...

А лепешка — таннура на раскаленном железном листе начинала золотиться, издавать вкусный, дразнящий аромат. Это походило на священнодействие. Да, именно таким мне запомнилось приготовление хлеба в ливанской деревне. Не дешево он достается, и крестьяне относятся к нему с благоговением.

Нас обогнал караван ослов, навьюченных корзинами с глиной. Мужчины уже успели съездить за сырьем. Позавтракав, они начнут работу. Глину трех различных цветов и трех сортов берут из близлежащих холмов. Затем ее промывают, очищают от примесей. После первичной обработки глину долго и тщательно месят всей семьей. Приготовив все необходимое для работы, семья гончара садится завтракать. Тонкую до прозрачности таннуру посыпают тмином либо намазывают творогом, приправленным оливковым маслом. Сложенный вчетверо тоненький блин да кувшин родниковой воды — вот и весь завтрак прославленных гончаров Рашеи. Уложив в

нагрудный карман рубахи дюжину самодельных сигарет, гончар отправляется в мастерскую.

Солнце показывается из-за гор, и гончарная мастерская наполняется светом — можно работать. В центре каменного помещения, напоминающего сарай, два больших гладких круга. Это и есть гончарные станки. Устройство станка простое: каменный вращающийся круглый стол приводится в движение педалью при помощи приводного ремня. Гончар надевает кожаный фартук, берет приготовленный ком влажной глины, устанавливает его в центре круга и, нажимая ногой на педаль, приводит станок в действие. Глина, будто живая, начинает извиваться, вытягиваться вверх. Опытными проворными движениями гончар намечает основные контуры задуманного им сосуда. Сначала получается продолговатая ваза с отвислыми краями, затем она на глазах превращается в стройный тонкостенный кувшин. К нему прилепляют ручку и оставляют в темном помещении высохнуть и затвердеть. На следующий день кувшин попадает в руки художника, и тот дает полную свободу своей фантазии. Колоритную гамму, орнамент, формы цветов и растений художникам подсказывает окружающая природа. Разрисовщики работают на улицах этой необычной деревни, напоминающей по своей специализации наш Палех. Они рисуют молча и со стороны кажутся глухонемыми. Длинные кисточки молниями мелькают в их руках, рождая на стенах сосудов яркие букеты цветов, изящные узоры, жанровые сцены.

Риф Тавиль указал мне на маленькую босоногую девочку лет шести. Она сосредоточенно разрисовывала краской полуразбитый горшок.

— Будущая мастерица, — сказал Риф. — Здесь так повелось: как только заметят у ребенка способности к рисованию, дают ему пережженный горшок, старую кисть и оставляют одного — упражняйся сколько угодно. И ребенок фантазирует, вырабатывая собственную манеру росписи. Ведь у каждого здешнего художника свой почерк.

Разрисованный кувшин несколько дней держат на солнце, затем обжигают в конусной печи. После этого он готов служить людям — сохранять воду свежей и прохладной, украшать их дом.

Возвращаясь из Рашеи с двумя отличными кувшинами, мы заехали в деревушку Бейт Шабаб. Здесь также процветает гончарное производство: на плоских полочках крыш выставлены целые сервизы глиняной посуды. Риф повел меня к одному из своих знакомых. Мы расположились на каменной веранде, окруженной гранатовыми деревьями. Бордовые тугие плоды лоснились на солнце. Казалось, что это настоящие гранаты, которые вот-вот разорвутся, и розовая карточка зерен брызнет во все стороны. Хозяин дома подал гостям традиционную чашечку кофе и поставил на стол корзину гранатов. Я хотел было разрезать тяжелый переспелый плод, но заметил, что здесь с гранатами обращаются иначе. Риф принялся катать гранат по столу, постукивая по нему, тщательно разминая с боков. Затем, когда плод сделался совсем мягким и из него стало раздаваться бульканье, как из жбана с вином, Риф проделал в кожуре отверстие и залпом выпил содержимое. Я последовал его примеру, и несколько глотков терпкого гранатового сока моментально утолили жажду.

Хозяин оказался столяром и резчиком по дереву, и в его доме мы увидели множество еще пахнущих смолой фигурок феллахов, верблюдов, деревянные маски, мундштуки, подносы, пеналы. На стенах были развешаны писанные маслом дощечки миниатюр: пейзажи гор и моря, танцующие крестьянки, портреты односельчан в национальных одеждах, цветы. Миниатюры немного грешили рисунком, но чувствовалось, что в них вложено желание передать увиденное.

— Ты уже не занимаешься этим? — спросил Риф у хозяина, указывая на пестрые дощечки на стене.

— Нет, — ответил тот. — С живописью покончено. Трудно стало сбывать эти сувениры... Туристы охотнее покупают дешевую цветную открытку. Не один день затратишь на такую миниатюру, а цену дают за нее грошовую. Стоит ли зажигать свечку для дьявола!

Когда хозяин на минуту отлучился из комнаты, Риф сказал мне, что этот столяр и одновременно художник-самоучка ни за что не станет работать «тыльной стороной руки» — во все, что делает, он вкладывает душу. Поэтому ему пришлось отказаться от художественных миниатюр — халтурить не хочет, а созданные кропотливым трудом произведения ценят не дороже фотографий.

Мне понравилось выражение «работать тыльной стороной руки» (кое-как), и я его тут же записал. Риф заметил это.

— Вам придется завести толстую тетрадь,— сказал он.— У ливанцев множество отличных пословиц и поговорок. Одной хорошей пословицей иногда можно высмеять, сокрушить длинную речь противника.

Риф был прав. У ливанского народа пословицы отличаются краткостью, выразительностью и глубоким смыслом. Ливанцы религиозны, но мне не один раз приходилось слышать выражение: «Час справедливости стоит тысячи месяцев молитвы». В древние времена была сложена пословица, актуально звучащая и поныне: «Если бы бедность была человеком, то я бы убил ее».

После завоевания Ливаном независимости в страну устремилась масса иностранных предпринимателей, экономических экспертов, подозрительных дельцов. И демократическая печать республики, предостерегая правительство от наплыва иностранцев, которым чужды национальные интересы Ливана, напомнила образную арабскую пословицу: «От множества матросов затонул корабль».

Мы распростились с талантливым столяром-живописцем, чью мебель можно найти в любом доме Бейт Шабаба, но чьи картины украшают стены лишь его собственного дома. Провожая нас, ремесленник вывел старенький дребезжащий велосипед — он отправлялся за очередным заказом в соседний поселок.

— А время-то здорово поело и попило на твоём велосипеде,— заметил Риф.— Пора бы купить и новый.

— Пора бы... Да не на что. Глаз не может очутиться над бровью.

Риф кивнул в мою сторону — записывай. И я записал, а рядом поставил русский синоним — «выше головы не прыгнешь».

Уже на исходе дня возвращались в Бейрут. В какой-то маленькой деревушке мы неожиданно попали на праздник сбора урожая. Ливанские крестьяне ежегодно празднуют завершение осенних полевых работ, сбор урожая (даже если урожай и не очень богатый). Целый год, проведенный в труде, надеждах и ожидании того, чем отблагодарит земля, завершается массовым гуляньем, танцами, свадьбами.

В центре деревни, окруженные односельчанами, шестеро парней под звуки свирели плясали народный танец дабка. Сначала все шестеро берутся за руки и, потихоньку притопывая, шеренгой движутся то в одну, то в другую сторону. Затем один из них, самый гибкий и ловкий, становится вожаком. Он хороводит, учащает ритм и взмахивает платком, как бы дирижируя остальными, приглашая их к бурному танцу. Вот он переходит к новому па: шаг вперед, шаг в сторону. Все слаженно повторяют это движение, а ритм все ускоряется и ускоряется. И когда танец достигает наивысшего накала, вожак падает на колени, выкрикивая страстные гортанные возгласы. Публика вторит ему, а пастушья свирель заливается высокими, пронзительными нотами.

Характер каждого народа отражен в его творчестве. Характер и душа ливанского народа во всей своей полноте проявляются в тягучих мелодичных песнях, в лихих жизнерадостных танцах, в ярких орнаментах прикладного искусства, в фольклоре. Невзгоды и радости, любовь и страдания, надежды на лучшее будущее звучат в этих песнях, стихах, народной музыке.

В некоторых районах выбирают королев урожая. С особенным торжеством этот обычай отмечается в Горном Ливане и в долине Бекаа. Избрание королевы Бекаа обычно проводится в местечке Захла, в популярном открытом кафе «Вади». Кафе расположено в узкой ложбине, зажатой между зубчатыми отрогами гор. По ложбине протекает пузыристый ручей, а по обе стороны ручья расставлены разноцветные зонтики. В ветвях деревьев, обступающих ручей, рассыпаны красные и синие электрические огни. Со стороны, при въезде в ложбину, все это напоминает какую-то волшебную декорацию с настоящей рекой, горами, деревьями. И кажется, что вот-вот польется прозрачная, медленная музыка. И действительно, начинается музыка, и на цементную эстраду выходят претендентки на титул королевы — крестьянские девушки из окрестных сел. Одеты они по-разному — здесь и яркие национальные платья, чем-то напоминающие гуцульские наряды, и модные, с каркасами, как абажуры, юбки. Одни из них нарумянены, лиц других не касалась никакая косметика, кроме естественного солнечного загара. За отдельным столом восседает жюри; в его составе местные виноделы, ремесленники,

ценители искусства. В отличие от Запада здесь не измеряют талию и длину ног. Девушки свободно танцуют, им предлагают что-нибудь спеть, ответить на вопрос. Родители подбадривают своих дочерей, придиричиво оглядывая конкуренток. А кругом — веселье, шутки, смех. Между тем жюри советуется и выносит решение. Счастливую обладательницу звания королевы, которая еще вчера собирала в садах последние гроздья винограда, выводят на импровизированный помост. Ей вручают корону и памятный подарок — часы или браслет, а иногда туристскую путевку в Каир, Грецию или Швейцарию. Тех, кто занял вторые и третьи места в этом веселом конкурсе красоты и грации, также награждают подарками.

После избрания королевы шумная, возбужденная публика рассаживается за столами и начинается праздничный ужин. «Мезе! Мезе!..» — слышится со всех сторон. Что такое «мезе»? Ни одна торжественная трапеза не начнется у ливанца без «мезе». В переводе на русский «мезе» означает примерно «закуска». Но ее особенность в том, что состоит она из тридцати разных разновидностей. Весь стол заставляется небольшими, как блюда, тарелками. На каждой тарелке различные кушанья: рыба, маринады, овощи, фисташки, творог, масло, колбаса, сушеный картофель, маслины и так далее и тому подобное. И обязательно на каждом столе хоммус и табули. Хоммус готовят из особого сорта крупного гороха; горох отваривают и тщательно мнут, добавляя острые специи, пока он не превратится в тестообразную массу. Подают хоммус к столу в глиняном расписном горшочке, полив предварительно оливковым маслом, а едят куском лепешки. Табули — это пшеничная мука крупного помола, в которую добавляют мяту, помидоры, перец и соль. Получается острая и сочная закуска.

Поселок Захла славится на весь Ливан своим араком — национальной виноградной водкой. Арак вырабатывается на десятках небольших винокуренных предприятий, каждое предприятие имеет свою марку, эмблему и пеструю этикетку на плоских, как ладонь, бутылках. В арак добавляют анис, и напиток имеет характерный запах и вкус анисовых капель. Пьют арак на две трети разбавленным водой, отчего напиток приобретает цвет молока. За вечер выпивается не больше пол-

стакана этой анисово-молочной жидкости. Коран запрещает мусульманам употреблять вино. Но в праздничный день ливанский мусульманин не откажет себе в порции арака. На этот счет у него своя теория. «Коран не велит пить вино, но там ничего не сказано про арак»,— хитро улыбаясь, скажет он, заказывая рюмку крепкой национальной водки.

В Париже на улице Варенн за железными спицами садовой ограды находится всемирно известный музей Родена. Несколько скульптур великого мастера установлено в саду, и от этого они во многом выигрывают, лучше смотрятся во всех ракурсах. В Ливане же есть целая деревня Рашана, обставленная скульптурами из белого известкового камня. Деревня расположена на горном плато неподалеку от Тараблуса. Здесь живет и работает известный ливанский скульптор Мишель Басбус.

— Еще ребенком,— рассказывает Басбус,— я мечтал о том, чтобы Рашана стала одним из красивейших мест Ливана... Мои земляки превратили голые камни в цветущие сады, а мне хотелось из этих камней создать им памятник — памятник труду и упорству человека.

Белые изваяния расставлены вдоль дороги при въезде в Рашану, на уступах террас, в садах, на улицах деревни. В жаркий полдень, когда на улицах ни души, деревня напоминает обитель язычников-идолопоклонников. Кругом лишь одни застывшие фигуры. В основном это символы. Вот схематичная, в резких контурах скульптура сидящей женщины: запрокинутая назад голова, воздетая рука. Она символизирует желание... На квадратном пьедестале среди яблоневых деревьев возвышается статуя стройной обнаженной девушки. По замыслу автора, она олицетворяет молодую Ливанскую Республику. На фоне горного ландшафта, окруженная террасами садов, юная сильная ливанка прекрасно воплощает идею Басбуса. В честь первых поселенцев, основателей деревни Рашана, художник вырезал из цельной каменной глыбы групповую скульптуру семьи. Мужественные лица крестьянина и крестьянки с ребенком на руках обращены к соседним горам. Кажется, что они пристально во что-то всматриваются... Невольно оборачиваешься и видишь, как на крутом склоне горы напротив копошатся люди, возделывая каменистую почву для новых посадок...

По воскресным дням Рашану посещает множество экскурсантов. Возле каждой скульптуры собираются толпы народа. Возникает обмен мнениями, дискуссии. Фотографы-любители беспрестанно щелкают аппаратами, художники делают наброски, иностранцы разыскивают Мишеля Басбуса, чтобы получить у него автограф. Для жителей деревни паломничество туристов в этот «музей каменных фигур» открыло новый источник дохода — им сбывают местные кустарные изделия, овощи, фрукты, а предприниматели уже строят отели и рестораны.

В БЕЙРУТЕ

Летним днем в Бейруте жарко, душно. Асфальт становится вязким, море — теплым, солнце — невыносимым. А ночью, когда смотришь с гор на искрящийся электричеством город, он кажется огромной грудой добела раскаленных углей, от которых пышет жаром... Зимой в Бейруте идут дожди, и мокрые лимонные и лавровые деревья блестят, словно завернуты в целлофан. Но дождливая зима быстро проходит, и горячее солнце снова старательно утешит отсыревший город. Подсчитано, что на ливанском побережье Средиземного моря выдается до трехсот солнечных дней в году.

В ливанскую столицу можно прилететь самолетом — больше тридцати авиакомпаний имеют отделения в бейрутском аэропорту, который по своим размерам, технической оснащенности и грузообороту считается самым крупным на Ближнем Востоке. Ежегодно аэропорт принимает свыше сорока тысяч самолетов и приносит ливанской казне доход более чем в миллион долларов. Почти каждые пятнадцать минут взлетает или приземляется самолет, и пестрая толпа пассажиров растекается по залам аэропорта.

До Бейрута можно добраться и морским путем. Свыше двух тысяч судов посещают этот порт в течение года. Стройные белоснежные лайнеры, осторожные танкеры, юркие яхты под флагами всех стран мира круглосуточно бороздят прибрежные воды. Миллионы тонн всевозможных товаров доставляются в бейрутский порт и затем

переправляются в Сирию, Ирак, Иорданию, Турцию, Иран и другие страны Ближнего и Среднего Востока.

Развитию транзитной торговли во многом способствовало выгодное географическое положение Ливана, находящегося на стыке трех континентов — Европы, Азии и Африки. Бейрут, кроме того, является свободной гаванью. Это значит, что на территорию порта разрешается беспошлинно ввозить любые иностранные товары, хранить их в портовых складах, переупаковывать.

В Бейрут, наконец, можно приехать в автомобиле или по железной дороге. И уже сам факт, что здесь скрещиваются воздушные, морские и сухопутные трассы, определяет пульс городской жизни. Это беспокойный город. Он весь в движении, пестрый, шумливый, суетливый, как восточный базар. Его и называют иногда «большим базаром». Основное занятие бейрутцев — торговля. Тысячи местных и иностранных фирм, агентств, транспортных и посреднических контор, тысячи магазинов и лавок, десятки тысяч людей, прямо или косвенно связанных с коммерческо-финансовой деятельностью, определяют облик этого полумиллионного города. С утра до вечера Бейрут оглушен гудками автомашин, звоном трамваев, криками газетчиков. Но эта какофония не мешает финансовым тузам неторопливо совершать свои сделки, а босоногим мальчишкам бойко торговать жевательной резинкой.

Отсутствие ограничений на ввоз и вывоз различных товаров, золота, иностранной валюты тоже способствовало превращению Бейрута в важный торговый центр Ближнего Востока. Более чем со ста государствами торгуют предприимчивые ливанские купцы. При этом импорт страны намного — в пять раз — превышает ее экспорт. Чего только нет в бейрутских магазинах! Американские лимузины и индонезийские расчески, французские вина и немецкие телевизоры, английские бритвы и китайская посуда, португальский цемент и венгерский ситец. Бейрутцы — ловкие и опытные коммерсанты, умеющие обворовать покупателя. Стоит перешагнуть порог лавки, как вас начинают расспрашивать о здоровье, угощать сигаретами, кофе, прохладительными напитками. Но когда речь заходит о деле, то надо быть настороже, иначе вам могут сбыть негодный товар и взять за него вдвое дороже.

Мавритания на подъеме

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Самолет снижался над коричневой пустыней. Пассажиры озабоченно поглядывали в окна — внизу не было видно ни строений, ни аэродромного поля. Но летчик все-таки отыскал затерянную в дюнах черточку взлетно-посадочной площадки. «Вы прибыли в Мавританию, самолет совершил посадку в Порт-Этьенн», — объявили по радио. Пассажиров, следующих дальше — в столицу Нуакшот, попросили оформить билеты через местную авиакомпанию.

Едва я сошел на землю, как кто-то, будто только и ждал моего появления здесь, с силой швырнул в лицо горсть горячего песка и тут же еще и еще... По медно-бурой плоскости пустыни, воспетой Сент-Экзюпери, волнами неслась колкая песчаная метель. Вихри раскаленных частиц, как мельчайшая дробь, залпами били в лицо.

Транзитные пассажиры, и я в том числе, укрылись в одноэтажном помещении, состоящем из трех небольших комнат — таможни, бара и зала ожидания. Здесь уже было много народу, ожидавшего рейсовый самолет на Нуакшот. Мужчины в голубых до пят рубашках — бубу, женщины, как в простыни, закутаны в синюю ткань. Люди настолько громко и экспансивно разговаривали, почти кричали, что создавалось впечатление, будто они ссорятся. Но ничего подобного, это всего лишь манера говорить в повышенной тональности; привычка, вероятно, выработалась от жизни в кочевых условиях, где сильные ветры и песчаные бури заглушают голос.

Двухчасовой перелет до Нуакшота. Аэродром здесь оснащен по-современному, выглядит элегантно, а пустыня — спокойнее. Легкой поземкой кружит розоватая пыль... Недостатка в услугах не было: моим чемоданом хотели завладеть сразу четверо водителей такси, но достался он наиболее энергичному. Когда я влез в машину, там уже находился какой-то человек, он вежливо поздоровался со мной. Едва мы тронулись с места, как я понял расстановку сил: за рулем сидел новичок, а рядом учитель по вождению, инструктор по-нашему. Этот предприимчивый автонаставник охотно объяснил мне, в чем дело: чтобы зря не расходовать время и горючее, часы практических занятий он решил использовать для перевозки пассажиров.

Наша машина неторопливо катилась по узкой асфальтированной дорожке, инструктор командовал, будущий водитель неумело резко переключал скорость. Но это меня несколько не смущало: я никуда не спешил, а при спокойной езде можно было лучше рассмотреть незнакомый город.

Белые домики, маленькие и аккуратные, как макеты. Выше трех этажей зданий не видно. Тротуаров нет. Заасфальтирована лишь проезжая часть. Там, где должен быть тротуар, — зыбкий волнистый песок. Тростинки тоненьких деревцев огорожены корзинами из железных прутьев. Не видно ни рекламных панно, ни ярких витрин. Во всем облике города ощущалась скромность, сдержанность.

Вот, собственно, и все, что удалось увидеть из окна медленнодвигающегося такси. Многих атрибутов современного стандартного города, которые веками изобретались, совершенствовались и накапливались, не досчитаться в Нуакшоте. Но когда вы узнаете, что первый камень Нуакшота был заложен всего лишь в декабре 1959 года, то хочется аплодировать людям, создавшим в пустыне этот город строгих геометрических линий.

Исторический факт, что первое заседание Совета министров Мавритании состоялось в полотняной палатке на том самом месте, где сегодня выросла столица. Впрочем, и по сей день палатки и шатры встречаются в Мавритании повсюду, ибо это край исконных кочевников. Судьба страны сложилась нелегко...

Историю Мавритании еще предстоит написать. В народе ходят витиеватые, как восточный узор, легенды о воинственных и мудрых эмирах, некогда правивших этим районом Африки. Мне довелось слышать такие легенды. Их рассказывают местные «баяны» на базарных площадях и во время остановок караванов в пути. Собравшаяся в кружок молодежь зачарованно слушает сказителя, переживая события далекой старины, щедро разукрашенные живым мудрым фольклором. Может быть, кто-то займется и соберет, запишет самобытные мавританские сказания. И я убежден, что тогда человечество получит еще один великолепный памятник устного народного творчества.

Известно, что в обширных сахарских районах, относящихся к территории современной Мавритании, в VIII веке нашей эры жили негритянские племена — выходцы из Черной Африки и берберы — пришельцы из Северной Африки. В ту пору здесь не было государственных границ и свободные кочевники неумоимо бороздили своими караванами пески Сахары. В XI веке в Мавританию начинает проникать ислам, который утверждается как официальное вероисповедание. Проникает сюда и мусульманская прогрессивная для того времени культура. Исламизация сахарских племен завершается в период правления Альморавидов. Эта берберская феодальная династия правила в XI—XII веках в Марокко, части Алжира, Испании. Арабизация берберского населения проходила постепенно. Начало ей положило арабское племя хасаб, которое в XIII веке переселилось из Марокко.

Европейцы на пустынных берегах Западной Африки появились впервые в XV веке. В 1645 году французы основали в устье реки Сенегал французскую факторию (с 1659 года — Сен-Луи). На протяжении двух столетий Франция соперничала с англичанами и голландцами, чтобы единовластно утвердиться в плодородной долине реки Сенегал. В конце концов французские колонизаторы одержали верх. Это была эпоха, когда империалистические хищники делили между собой карту многострадальной Африки иногда при помощи линейки и циркуля. Наглядный пример тому — резко прямолиней-

ные контуры территории Мавритании, которая отошла к Франции. Хотя по документам территория стала французской, однако в действительности до этого было далеко. Для утверждения своего господства в африканских странах, в том числе и Мавритании, колониальные державы пускали в ход, как известно, и кнут и пряник. Один ловкий офицер французской армии, войдя в доверие к духовенству южных племен, пытался хитростью подчинить мавританских вождей, заставить их служить завоевателям. Когда уловка не удалась, против непокорных двинули карательные войска. Экспедиционный корпус полковника Гуро оккупировал пальмовый оазис в районе Адрар, откуда долгие годы систематически совершались «усмирительные операции». В 1903 году Франция объявила Мавританию своим протекторатом, в 1920 году — колонией. Внутренняя автономия предоставлена стране в 1956 году; независимое государство родилось 28 ноября 1960 года.

Такова вкратце история страны. Все молодые государства испытывают, как правило, множество трудностей, имеют массу накопившихся за века проблем, требующих скорейшего решения. У мавританцев трудностей на первых порах было не перечесать, да немало их осталось и сейчас. Дело в том, что эта страна традиционных кочевников-скотоводов, в силу своего географического положения отрезанная от внешнего мира Сахарой и Атлантическим океаном, была к тому же искусственно изолирована французскими колонизаторами от всякого общения с другими народами. Кочевники, заключенные в огромную сахарскую резервацию, были лишены права и возможности создать свое государство, для них был закрыт доступ к цивилизации и прогрессу. Страна жила вне времени, вне эпохи пара и электричества. В день обретения долгожданной самостоятельности Мавритания не имела даже своей столицы — ее пришлось строить среди песков, в том месте, где издавна сходились караванные пути.

ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Территория Мавритании — свыше миллиона квадратных километров, то есть в два раза больше Франции. Крупных населенных пунктов можно насчитать в пределах

десяти. Основное население — кочевники, всю жизнь скитающиеся по просторам Сахары. При таком образе жизни этих людей провести перепись практически невозможно. Согласно оценочным данным, в государстве около миллиона граждан. Помимо первоочередных забот о строительстве столицы и создании государства, как такового, перед мавританскими руководителями стояла неотложная проблема — сementировать нацию, идейно объединить миллион разбросанных в песках и оазисах людей, веками предоставленных самим себе... Эта задача оказалась гораздо сложнее, чем возвести стены новой столицы.

Положение осложнялось еще и тем, что в стране тогда действовало несколько партий. Бесконечные межпартийные дискуссии не давали возможности по-деловому взяться за разрешение острых жизненно важных вопросов. В конечном счете было принято единственно рациональное в подобной ситуации решение — объединить конкурирующие друг с другом партии в одну монолитную организацию с обязательной для всех железной дисциплиной. Вначале не все обстояло гладко. Организационный период становления Партии мавританского народа длился больше двух лет. В партии боролись совершенно разные, порой резко противоположные тенденции. Сказывалась и специфика страны — ее общая отсталость, племенной строй, вековые косные обычаи, не поддающиеся быстрой безболезненной перестройке в интересах всего государства. В отдаленных районах существовало даже рабство, умышленно сохраненное колонизаторами во время своего господства. Однако ядро партии, пройдя через все трудности, сумело сплотить ряды организации. Партия мавританского народа насчитывает около двухсот тысяч членов, или почти пятую часть всего населения.

Партия имеет четкую организационную структуру. Высшим органом является съезд, созываемый раз в четыре года. На съезде избирается Национальное политбюро из тринадцати членов. По всей стране действует сеть областных, районных и первичных организаций.

Меня интересовал вопрос — как ведется работа среди кочевников? Оказалось, что вступившие в партию кочевники приписываются к партийному комитету

того населенного пункта, который расположен ближе других к зоне, где совершает свои переходы данное племя.

Членом Партии мавританского народа может стать любой полноправный гражданин страны, достигший восемнадцати лет и получивший рекомендацию от компетентной партийной организации. Каждый член партии обязан выполнять устав, подчиняться партийным нормам и директивам. В уставе есть специальный пункт, придающий членству в партии особое значение: «Членство в партии должно ежегодно подтверждаться путем прохождения такой же процедуры, как и при первичном вступлении в ряды». Мне рассказывали, что жесткая требовательность к партийным кадрам помогает отсеять случайные элементы, людей, вступивших в партию не по глубокому убеждению и не проявляющих себя в труде и общественной деятельности.

Программа партии предельно проста и доходчива для всех слоев населения: мобилизация и организация масс на борьбу за экономическое, социальное и культурное процветание страны. Усилия партийных активистов направлены на претворение этого положения в жизнь. В стране, где еще мало школ, где пока нет университета и всего лишь одна двухнедельная газета,— в такой стране устная разъяснительная работа стала главным рычагом по изменению векового сознания людей с тем, чтобы сдвинуть его с мертвой точки отсталых понятий и косных представлений. Партийным активистам приходится делать многодневные поездки по просторам республики и объяснять, объяснять, объяснять... Люди в кочевьях спрашивают о том, как устроено их государство, что такое конституция, что вообще существует на свете, кроме Мавритании и Сахары.

Велика у народа тяга к познанию мира и жизни. Уйма вопросов обсуждается под пологом палаток. Чтобы избежать перегибов — не дать превалировать диспутам над делами,— было принято постановление о строгом ограничении продолжительности собраний — до полутора часов. Кстати, активисты действуют не только словом, но и живым, личным примером. Добровольно, на общественных началах члены партии в разных районах построили десятки объектов, проложили дороги, вырыли колодцы и так далее. Подобные уроки также

формируют новое сознание у людей, зажигают энтузиазмом молодое поколение. Специальные параграфы в уставе партии определяют роль и задачи молодежного и профсоюзного объединений.

ЧЕСТНОСТЬ — ЗАКОН ПУСТЫНИ

Многое из того, что есть в сегодняшней Мавритании, создано впервые. И конституция страны тоже принята в первый раз. «Если смотреть на вещи реалистично,— рассуждал в беседе со мной один из партийных руководителей,— то для написания конституции достаточно иметь одного грамотного юриста. Главное — сделать конституционные статьи конкретными делами. Имелю этим и поглощена наша партия, государственная администрация...»

Мавритания по своему устройству — президентская исламская республика. Арабский и французский языки имеют равные права. Законодательная власть принадлежит Национальной ассамблее, исполнительная — президенту. Депутаты и глава государства (одновременно главнокомандующий вооруженными силами) избираются сроком на пять лет. Вся страна поделена на округа, во главе которых стоят коменданты. В свою очередь, округа делятся на районы и коммуны. Государственный аппарат в Мавритании по своей численности один из самых скромных в Африке: на миллион жителей приходится всего четыре тысячи служащих. На мой взгляд, наиболее характерная черта мавританской администрации — безукоризненная честность.

В этой стране практически нет коррупции, взяточничества, расхищения средств. Я бы даже сказал, что повсеместная высокая честность — черта всей нации, не имевшей соприкосновения с пороками современного буржуазного общества. Мужественные кочевники Сахары, открыто и прямо смотрящие вам в глаза, не знают в своей среде случаев воровства. Их палатки и шатры из верблюжьей шерсти без дверей, без засовов и замков. В пустыне, где вся жизнь кочевого племени проходит как в семье, на виду друг у друга, честность возведена в степень закона.

В столичной гостинице «Мархаба», принадлежащей правительству, управляющий говорил мне, что у них ни разу не было недостачи. В кинотеатре «Аль-Муна» нет билетеров — всем кинохозяйством руководит один кассир. Распродав билеты, он закрывает перед началом сеанса окошечко и уходит домой. И никому даже в голову не придет мысль проникнуть в зал без входного билета...

В некоторых районах страны на три года была запрещена охота на дичь. Мне рассказывали, что за этот срок не произошло ни одного нарушения. В Мавритании не приходится наблюдать даже такой традиционной для Востока привычки, как торговаться при купле-продаже на базарах. Здесь слова понимают прямолинейно — так, как они произносятся, а поступки соответствуют словам.

СВОИМИ СИЛАМИ

Из суммы личных наблюдений анализа социально-экономической политики правительства у меня сложилось впечатление о намерении правящих кругов вывести страну на некапиталистический путь развития. Приведу свои соображения и доводы.

В экономической программе Партии мавританского народа говорится: «Мы убеждены, что без экономической независимости политическая независимость немыслима. Поэтому наша партия отвергает всякий путь наименьшего сопротивления и стремится мобилизовать мавританский народ на достижение экономической самостоятельности, опираясь прежде всего на собственные силы».

Скотоводство, небольшие плантации зерновых по берегам реки Сенегал, незначительный рыбный промысел — такова была структура мавританского хозяйства в колониальные времена. За годы независимости картина изменилась: построены первые шоссейные дороги, аэродромы, порты, школы, диспансеры, кинотеатры, электростанции, холодильные камеры, ветеринарные центры, радиостанция, созданы сельскохозяйственные кооперативы, ковровые предприятия, налажена почтово-телеграфная и транспортная связь, сеть торговых факторий, централизован импорт потребительских товаров.

В первый период становления государства казна имела поступления из двух источников: налоги и внешние займы. Но уже в 1963 году бюджет был составлен без участия иностранной помощи, о чем вам с гордостью расскажет теперь любой босоногий школьник. Жесткая политика экономии народных средств, личная аскетическая скромность руководителей являются не последними факторами в достижении нынешних хозяйственных и социальных успехов. Основная статья доходов — прямые налоги, они взимаются с поголовья скота. В стране свыше десяти миллионов голов крупного и мелкого рогатого скота.

Значительные поступления в народную казну (в виде налогов) идут от международной компании МИФЕРМА — общества по эксплуатации железной руды. Мавритания является сейчас вторым в Африке (после Либерии) производителем железной руды — до семи миллионов тонн в год. Огромные залежи железной руды и меди совместно эксплуатируют английский, французский, немецкий, итальянский и государственный мавританский капитал. Специальное законодательство об иностранных капиталовложениях требует от иностранных компаний неукоснительного уважения законов страны и ручательства, что их деятельность не будет наносить ущерба развитию Мавритании.

Подобное продуманное допущение иностранного капитала не противоречит выполнению главной задачи, стоящей перед нацией, не задевает достоинства страны. Больше того, когда политика другого государства противоречит принципам Мавритании, последняя, не церемонясь, идет на разрыв отношений с таким государством, будь то даже великая держава. Я видел в Нуакшоте заколоченное досками крест-накрест здание посольства США. Мавритания разорвала с Соединенными Штатами всякие отношения сразу же после израильской агрессии против арабских стран в июне 1967 года, справедливо считая Вашингтон главным вдохновителем этой военной авантюры. Правительство Мавритании выдворило из страны пресловутый «Корпус мира», отказалось от предложенного американцами денежного займа. Так молодая республика на деле показала всему миру, как она понимает суверенитет и национальное достоинство.

В стране существуют два сектора экономики: традиционное скотоводство, где занято девяносто процентов населения, и современные промышленные отрасли, создаваемые государственным капиталом с участием иностранного. Крупной национальной буржуазии в стране нет. Что касается возможностей и предпосылок ее возникновения, то они минимальны, так как ключевые позиции в хозяйстве полностью оказались в руках государства или под его прямым контролем. Планы и программы предусматривают развитие не частных предприятий и заведений, а опять-таки государственных, общенародных. Это относится также к скотоводческим фермам, земледельческим кооперативам, рыболовецким артелям.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Один из праздников Первомая я встречал в Нуакшоте. В тот день в тени было плюс пятьдесят один градус... Однако жара не пугала. Толпы радостных, празднично одетых демонстрантов с детьми и плакатами шли и шли к зданию Национального политбюро. Перед фасадом партийной резиденции — асфальтированная площадь, трибуны. На столбах, как скворечники, — репродукторы. Я стоял в плотной толпе ярко, по-восточному одетых мужчин и женщин, стоял под палящим не нашим солнцем, но совсем не чувствовал себя чужим. Потому что над площадью, над белесыми от зноя песками, над всей Африкой и планетой гремел «Интернационал»...

На трибуну поднялся невысокий худощавый человек в темном, наглухо застегнутом кителе. Генеральный секретарь Союза трудящихся Мавритании товарищ Фалл Малик — вдохновенный, увлекающий аудиторию оратор. Он энергично, с подъемом произнес речь, подробно остановился на международных связях мавританских профсоюзов, рассказал о Советском Союзе, где сам недавно побывал. А когда Малик, напрягая голос, выкрикнул: «Мы требуем: американские агрессоры — вон из Вьетнама!» — бурей оваций ответили собравшиеся.

Я протискивался сквозь толпу, фотографируя в упор крупным планом людей с тяжелыми широкими ладонями и добрым, спокойным взглядом. Очутился возле несколько странной на вид группы мужчин: на голове у каждого вместо густо-лиловой, как здесь принято, чалмы, были венки из моркови, баклажанов, репы. Им было жарко и тяжело, этим людям. По блестящим черным лицам струился пот, а из-под пестрых пучков овощей глядели сияющие глаза. Они с удовольствием объяснили мне, что пришли на праздник с настоящими плодами своего труда. Члены земледельческого кооператива, а в недавнем прошлом кочевники, эти люди впервые в истории Мавритании вырастили в засушливых местах лиловые баклажаны и алые помидоры. И я понял, оценил и разделил их радость, радость созидателей, покоряющих неуютную природу, превративших призрачные миражи Сахары в реальность. Обыкновенная морковь с хвостиком, выросшая по воле человека в краю дюн, смерчей и скорпионов, становится символом новых перспективных явлений в Мавритании.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Одно из самых древних поселений на территории республики — город Каэди. Это оазис. Здесь скрещиваются пути верблюжьих караванов. Племена скотоводов гонят сюда на продажу стада овец, чтобы купить затем соль, спички, ткани, а если выручка позволит, то и транзитный приемник. Тесно слепившиеся строения делают город похожим на большой одноэтажный дом со множеством дверей и окон. Недавно в старинном архитектурном ансамбле появился новый, скроенный по-современному корпус хладобойного комбината. В этом сахарском пекле, в стране с миллионным поголовьем скота такое предприятие в интересах народных масс: решены проблемы сбыта пригнанного издалека скота и хранения мяса. Оснащенный по последнему слову техники холодильник — законная гордость мавританцев.

Мавританские женщины не знают, что такое чадра, никогда ее не носили. Волосы обязательно уложены в высокий шиньон, голова покрыта тонким покрывалом —

Горожанка и...

кочевница Мавритании

голубым или черным, а лицо всегда открыто. Мавританские женщины никогда не имели права интересоваться чем-то другим, кроме своей семьи. Весь их мир был ограничен горизонтами пустыни и стенами палатки. Так шло из века в век. Но в новой Мавритании я видел женщин, работающих в администрации, на почте, в авиакомпаниях, в редакции газеты «Аш-Шааб». Я видел маленьких девочек в васильковых школьных формах: держа большие портфели в обеих руках, они шли по утреннему Нуакшоту в классы. Для молодых женщин создана сеть кружков шитья, ухода за младенцами и так далее. В этих, казалось бы, простых явлениях, без прочного укоренения которых невозможно уйти от невежества и отсталости, как раз и проявляется поступь молодой республики. Без громких слов, без лишнего шума страна наверстывает упущенный срок.

На ковровой государственной фабрике, где работают веселые, ловкие девушки, я обратил внимание на красочный жанровый плакат с призывом «Руки мой перед едой!». Сам я заядлый собиратель афиш и плакатов, и в моей коллекции есть плакат, очень похожий на мавританский, только издан он у нас — в Советской России двадцатых годов...

Люди этой страны умеют добросовестно взяться за дело, умеют созидать. Пример тому — новенькая, как в сказке, выросшая столица. Пример тому — горнорудный комбинат, где работают три тысячи вчерашних кочевников, а ныне они — костяк мавританского пролетариата.

Советский Союз и Мавритания уже не первый год имеют дипломатические отношения, занимают сходные позиции в ООН по главным, принципиальным вопросам современности. В глухих районах этой страны, где люди никогда не знали медицинских услуг, впервые появились советские врачи. В женском столичном клубе я видел объявление — «Сегодня советский фильм». Даже не уточнялось, какой именно фильм, достаточно, что советский, чтобы зал был полон. В Мавритании побывала делегация КПСС. Прямые партийные связи между СССР и Мавританией укрепят и еще больше разовьют отношения между нашими дружественными странами.

ЧЕРНЫЙ ШАТЕР

В кругу друзей я рассказал случай, который произошел со мной в Мавритании. Мне посоветовали записать эту историю, что я и сделал...

С наступлением вечера в атмосфере Нуакшота появляется что-то похожее на свежесть. Вечером хочется пройтись, подышать ветром. Однако отсутствие уличных фонарей и тротуаров ограничивает прогулку топтанием возле отеля. Здесь-то я и познакомился с горным инженером, англичанином Крайсом.

После прогулки мы вместе ужинали в гостиничном ресторане. Крайсу, вероятно, за пятьдесят. Может, и больше. Худой, остролицый. Внимательные серые глаза в оправе выцветших бровей. Кожа на руках и щеках воспаленно-розовая, в мелких, как трещины, морщинах. Крайс заметил, что я его рассматриваю.

— Морозы Аляски, — говорит он, вытягивая большие красные руки. — Я долго работал на рудниках в Аляске. Дикий холод и острье, как бритва, ветры. Ветры режут, секут кожу. На морозе обветренная кожа трескается, потом слезает. Как от ожога. Остается тонкая, очень нежная кожа, она ужасно болит на ветру. На всю жизнь становится красная.

Крайс потер руки, как бы согреваясь, вспомнив стужу Аляски.

— Но я тепло вспоминаю этот промерзлый край! Там хорошо платили.

Крайс говорит о Перу, Индии и еще каких-то странах, где работал по контрактам с международным горнорудным концерном. Оказывается, есть такой всемогущий концерн, его создали очень важные капиталисты Европы и Америки. Чувствуя мою неосведомленность в этом вопросе, инженер охотно просвещает. За десертом я узнал, что концерн занимается разведкой полезных ископаемых, строительством шахт и эксплуатацией залежей. Крайс — строитель шахт и рудников. Закончив объект и передав его в эксплуатацию, Крайс подписывает с концерном новый договор, перебирается в другую страну.

Дня через два мы встретились на пляже. Крайс лежал под полосатым зонтом и читал письмо. На конвер-

те издали была видна стандартная английская марка с профилем королевы.

— У меня событие! Дочь выходит замуж! Слава богу, теперь они все пристроены...

Неопределенного возраста поджарый Крайс оказался отцом троих взрослых детей.

— Теперь все пристроены. Кроме нас с Нэнси... Ей уже тяжело бродить со мной по свету. А вот своего угла у нас так и нет... Есть мечта.

И Крайс делится своей мечтой — купить дом на острове Ямайка и дожить там свой век.

— Почему именно Ямайка? — спрашиваю я.

— О, сказочный остров! Я работал там на бокситах.

Из океана вылез большущий краб. Мы припустились за ним, и разговор о Ямайке на этом оборвался.

Однажды мы возвращались после лихого ковбойского фильма, и Крайс, посмеиваясь над героем, заметил:

— Завтра у меня начнется не менее романтическое путешествие, чем у этого молодца. Я отправляюсь в пустыню, но не на конях, а на «лендровере»...

Крайс объяснил, что хочет проехать до медных месторождений Акжужта по маршруту будущей трассы. Дорога еще не проложена, поэтому поездка предстоит нелегкая.

— Если вам как журналисту это интересно, то место в кабине найдется. Я еду один.

Не помню сейчас, в какой форме он это предложил — то ли в шутку, то ли всерьез, но я согласился. Дела в Нуакшоте я закончил; очередной рейс на Париж ожидался через неделю. Путешествие в глубь Сахары было заманчивым.

Утром, выпив по чашке кофе с булочкой, отправляемся в путь. Вездеход «лендровер» выглядит импозантно: вместительная кабина на мощных узорчатых шинах, сверху торчат антенны.

Выехали за город, и сразу же кончилась дорога. Плотный настил песка, колючая трава... Километров через пятьдесят песок исчез. Плоскость пустыни была густо усыпана небольшими черными камнями. На ярком солнце камни блестят антрацитовым блеском. Если черный камень перевернуть, то с обратной стороны он светлый. Так «загорают», обугливаются за века осколки скал под сахарским солнцем...

Ориентируясь по компасу и подробной топографической карте, мы без приключений проехали целый день. Не встретили жилья, не заметили ничего интересного в однообразном ландшафте. Стало смеркаться, и мы решили дальше не ехать, заночевать в дороге.

— Остановимся у того черного холма, что справа. До него километра полтора, — сказал Крайс, беря правее.

Я пригляделся и увидел, что это не холм, а черный шатер.

— В самом деле — шатер! — удивился Крайс. — Странно. Лагерь кочевников из одного шатра не бывает...

Подъехали к шатру. Тихо. Услышали вздох и чавканье. Мы обошли шатер и увидели лежащего в тени верблюда. Он жевал пучок колючей травы.

— Мир добрым людям, — сказал я по-арабски, раздвигая зашторенный вход.

— Мир и вам, — отозвался слабый голос.

Я пролез внутрь шатра, Крайс остался у входа. На потертом ковре, обложенный пестрыми подушками, лежал старик. Не нужно было ни о чем спрашивать, чтобы понять, что старик при смерти. Лицо безжизненное, взгляд тусклый, отрешенный. Синяя чалма сползла с головы, обнажился незагорелый безволосый череп, что придавало старику жалкий вид. У кочевников считается неприличным показаться гостю в таком виде, с непокрытой головой. Старик из последних сил пытался пристроить чалму на темени, но не мог. Руки не слушались. Я плотно обернул ему голову синей тканью, заправил концы.

— Храни тебя аллах, — прошептал старик.

В шатре появился Крайс с саквояжем и походным холодильником, где хранились наши продукты и пиво. Мы разложили холодный ужин, предлагая старику то одно, то другое. Он отказался от всего, но захотел чаю.

— Здесь, — он показал в угол, — есть дрова.

Дров оказалось достаточно, чтобы развести хороший костер у входа в шатер. В безветренной ночи пламя горело медленно, ровно, как декоративный огонь на сцене.

Старик выпил стакан сладкого зеленого чая, немного ожил, заговорил.

— Мой караван ушел, а я остался. Я не мог больше идти с караваном. И они не могут ждать неизвестно сколько времени, пока я умру.

— Неправда, — возразил я, — ты остался не умирать, а переждать болезнь. Думал, отпустит. На это ты и рассчитывал, когда остался. Иначе зачем бы тебе верблюду?

— Ты прав, — ответил кочевник из темноты. — Пожалуй, я так хотел... Думал переждать, пока пройдет болезнь, и догнать своих. Но этому не быть...

Вдруг он попросил спалить все дрова, какие были. Я попробовал его отговорить; чай приготовлен, и нет нужды попусту жечь ценные дрова. Но старик настаивал. Я побросал все поленья и хворост в огонь, и костер запылал, вскидывая золотую гриву пламени. Старик тем временем чем-то шуршал в своем углу. Потом позвал меня. Я подсел рядом. Он протянул газетный сверток.

— Здесь мои деньги, положи их в огонь. Я хочу так... Пусть сгорят.

Я высунулся из шатра и бросил пакет в огонь. Пламя стало ярче, и я увидел, как старик ожившим цепким взглядом следит за мной. Крайс в это время находился в машине и ничего не заметил.

Кочевник снова позвал меня. Он стал многословнее.

— В пакете не было никаких денег. Так — бумажки, мусор. Я хотел испытать тебя... Теперь доверяю. Слушай!

И старый араб поведал о своей жизни. Когда-то, в давние времена, Абу Дада, так звали кочевника, был разбойником на больших караванных путях. Еще полвека назад через Мавританию шла великая африканская торговля золотом, серебром, солью, краской индиго. Банков тогда и в помине не было, ценности купцы возили с собой. Торговые караваны грабили, а самих купцов убивали либо продавали в рабство. Этим делом и занимался в молодости правоверный Абу Дада. Был он, по его словам, грозой торговцев, отчаянным атаманом... С тех пор многое переменилось. Разбойничьи набеги отошли в предания. Абу Дада с годами сделался скотоводом, мирным кочевником. И вот теперь, когда настало время умирать, он доверяет мне тайну: в горах возле Акжужта есть пещера, где хранятся награблен-

ные в былые дни сокровища... Старый разбойник завещает сокровища мавританскому государству. Он сообщает мне местонахождение клада, просит повторить — запомнил ли я.

К утру старик умер. Мы завернули его в шатер, схоронили в неглубокой яме. На могиле торчком поставили плоский камень, как это принято в сахарских племенах.

— Крайс, мне выпала почетная миссия обогатить мавританскую казну, — сказал я своему спутнику, когда мы двинулись дальше. И я рассказал о завещании старика.

Крайс остановил машину, уставился на меня, разгадывая, дурачу я его или нет. Убедившись, что не шучу, забеспокоился.

— Вы хорошо запомнили место?

— Отлично, это совсем просто.

— Тогда полный вперед! Может быть, мы засветло доберемся до Акжужта — и сразу же в пещеру.

Полагая, что Крайс чего-то не понял, я снова объяснил ему, что старик завещал клад государству, а не нам.

— Э, да бросьте вы, в самом деле! Клад наш! Черт поberi, а? Если старик не наврал, то... О, я ни минуты не останусь в этом пекле! Наплевать на концерн, на контракты. Сразу же махну на Ямайку, а? Сказка! А вы, что вы сделаете с этими... ну с сокровищами?

Я снова повторил, что клад не наш и что я открою его только официальным властям.

Крайс не обращал на мои слова внимания. Он балагурил, смеялся, прибавлял газу, мечтал вслух. Я замолчал и перестал его переубеждать. Это его как-то настожило. Он тоже приумолк. О чем-то сосредоточенно думал.

— Надеюсь, делить будем поровну? Хотя вам полагается чуть-чуть больше — за знание арабского языка. Иначе мы не узнали бы тайны...

— Крайс, ничего делить не будем. Я уже сказал.

Ехали молча.

— Вы, может быть, не хотите со мной делиться?

— О Крайс! Если бы я хотел все взять себе, то вообще вам ничего не сказал бы.

— Верно. Тогда не понимаю.

Он затормозил.

— Вы действительно намерены поступить так, как завещал полоумный араб?

— Да, Крайс, да, да!..

— Послушайте, вам не нужны деньги?

— Нет, Крайс, эти не нужны.

— Тогда отдайте все мне, а? Мне очень нужны деньги. Мне надоели жара и холод, скитания и неудобства. Вы же знаете, я старый... Вы жалели вчера разбойника, ну почему вам не жаль меня? Прошу, упрашиваю вас...

— Крайс, я поступлю так, как хотел старик.

— Но его нет, старика, ему все равно! А я есть! Я не хочу больше здесь, мне надоело. Отдайте мне клад! Отдайте!

— Не отдам, Крайс. Поехали.

— Глупо. И некрасиво с вашей стороны. Что ж, поехали...

Молча ехали целый час. Я задремал. Проснулся от того, что машина встала.

— Долго нам еще, Крайс?

Он сделал неопределенную гримасу.

— Кажется, спускает заднее правое колесо. Взгляните, пожалуйста.

Я выпрыгнул из машины, отошел назад, ткнул ногой в гулкое колесо.

— Все в порядке!

«Лендровер» рванулся, из-под колес пальнули мелкие камни, и я не успел опомниться, как машина была уже далеко. Я не побежал, не позвал Крайса. Я моментально понял, в чем дело, понял, что догонять и звать бесполезно.

Машина быстро удалялась, волоча шлейф коричневой пыли. Потом и пыль рассеялась. Не осталось даже следов колес.

«Кепку забыл в кабине!» Почему-то эта мысль меня особенно огорчила.

Можно было ориентироваться по солнцу, но как это делается, я не знал. Куда идти — на запад, на восток? Для меня было все равно. Я шел наобум, примерно в ту сторону, куда ушла машина. Шел и думал, что скоро меня начнет мучить жажда, что настанет ночь, что в пустыне ночи холодные... Потом... Я не знал, что станет со мной потом.

Я шел долго. Меня удивляло, что не хотелось ни есть, ни пить. Идти было легко. Ровная пустыня, посыпанная мелкими черными камнями, оказалась очень удобной для ходьбы. Голову я обвязал майкой. Сильно обожженными сделались только губы. Но боль была терпимой.

С наступлением сумерек под ногами исчезла твердая почва. Начались пески. Идти стало тяжело. Зыбкие крутые скаты дюн осыпались при каждом шаге, и сколько ни взбирайся, все остаешься на том же месте, глубже увязая в песок... Я попытался обойти одну дюну, но вокруг громоздились одинаковые песчаные холмы, и я запутался, не зная, какой же из них мне надо обходить. Хотел вернуться назад, туда, где Сахара каменная, но не смог: песок не оставляет следов.

Ночь я провел в глубокой воронке. Никогда не думал, что мягкий песок ночью может быть таким жестким и холодным, словно цементный пол. Кажется, я спал. Или впадал в забытие. С первыми лучами солнца снова принялся карабкаться по оползающим дюнам, стараясь забраться на высокие гребни, чтобы увидеть местность. К полудню добрался до скалы, торчавшей среди дюн. Я решил остаться на этом утесе. Обшарил расщелины, но ничего не нашел, что можно было бы употребить в пищу. Даже ящериц не было. Забрался на самый верх скалы, откуда проглядывались просторы Сахары. Величественным спокойствием веяло от пустыни. Ни звуков, ни ветра. И так века...

На скале я провел весь день и следующую ночь. Утром третьего дня мимо проходил караван кочевников, перебивавшихся на новые пастбища. Они заметили меня и спасли. Акжужт оказался недалеко от моей скалы, и в тот же день я был в поселке. Префект выслушал мой пересказ исповеди Абу Дады, и в сопровождении должностных лиц мы отправились на розыски пещеры. Названную стариком гору нашли без труда. На горе вовсю шли работы: строились шахты для добычи медной руды. Пещеры не было. Ее взорвали во время строительных работ всего несколько дней назад...

Крайса я больше не встречал.

Берег Слоновой Кости с натуры

Об африканском гостеприимстве ходят легенды. Но в жизни гостеприимство африканцев щедрее фольклорной фантазии. Для обычаев народов Берега Слоновой Кости в порядке вещей, например, явление, когда гость, приехав на неделю, зажился и живет в семье целый год. И никому в голову не придет его попрекнуть: наоборот, такого гостя хозяева будут всячески ублажать, в душе радуясь, что ему у них понравилось.

На Берег Слоновой Кости я прибыл не как гость, а как любопытный журналист. Однако традиционное гостеприимство окружало меня всюду, где приходилось бывать. А поездить довелось немало... Я встречался с министрами и вождями племен, побывал у лесорубов и охотников на антилоп, жил среди сборщиков какао и заготовителей каучука, участвовал в ритуальных похоронах и смотрел виртуозные танцы при свете костров. И везде находил искреннюю приветливость. Люди обстоятельно рассказывали мне о своей родине, что о ней знали, объясняли происходящие события и явления так, как их понимали сами, показывали все, что только могли. Поэтому и мой очерк как этюд, который написан с натуры...

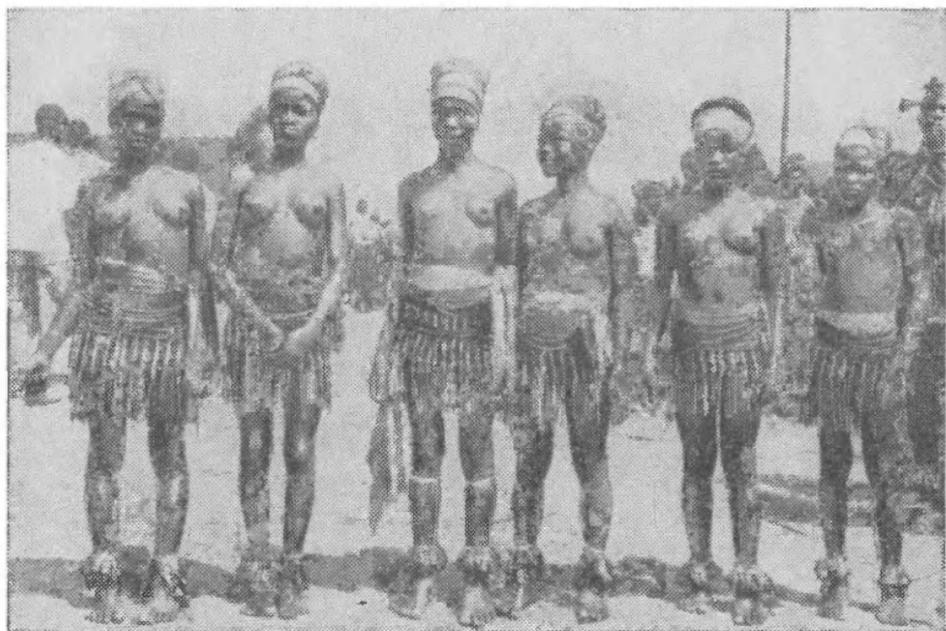
ГОРОД НА ЛАГУНАХ

Додо — высокий сорокалетний человек с интеллигентным лицом, неперменной трубкой в зубах. Додо — шеф государственной фотохроники по должности и писатель по призванию. Я попросил его показать столицу. Он отложил в сторону свои служебные дела, незакон-

ченную рукопись книги, и мы отправились изучать Абиджан. Мы начали нашу экскурсию в полдень, а расстались под утро. Да, уже наступало утро, когда мы медленно проезжали по окраине Трешвиля.

В этом портовом районе столицы живет беднота, здесь же сгрудились ночные кабаре, увеселительные заведения, подозрительные бары, где из-под полы сбывают наркотики. Я был подготовлен к встрече со столицей Берега Слоновой Кости. Еще в Париже накопил популярных брошюр и за долгий перелет прочитал их в самолете. Вблизи, при рассмотрении в упор, Абиджан оказался не таким выложенным, как на цветных глянцевых иллюстрациях. Тем более, что о Трешвиле в проспектах почти ничего не сказано.

Мы вышли из машины и осторожно двинулись вдоль тротуара, стараясь не наступить на спящих людей. Так вповалку спят на вокзалах, когда не ходят поезда. Додо объяснил, что поезда здесь ходят регулярно и все эти люди приехали в столицу на заработки, а жить негде. Дымили костры. Я продвинулся между спящими ближе

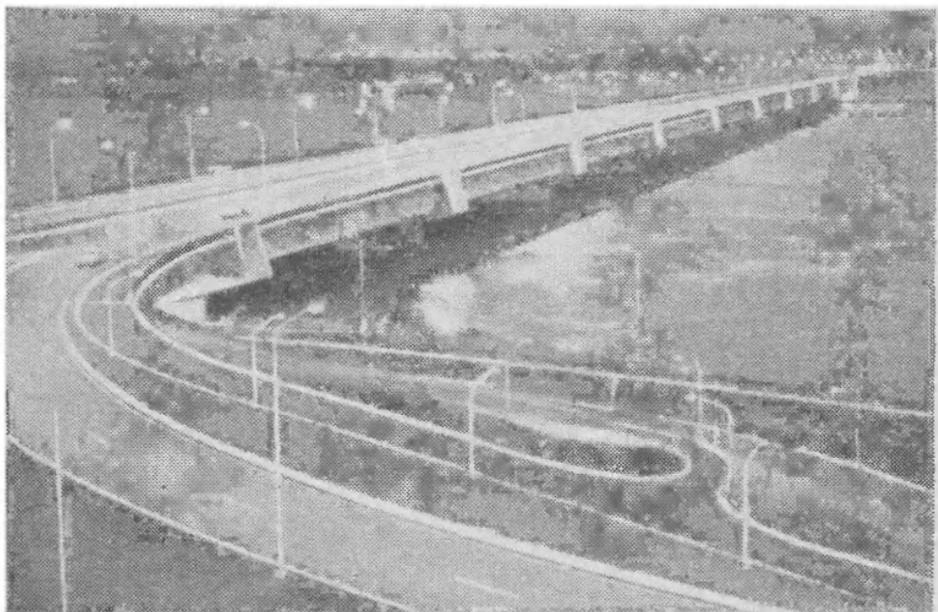

Смотрины сельских невест на юге
Берега Слоновой Кости

к кострам и стал наблюдать, как жарят очищенные бананы. Додо заговорил с женщиной, сидевшей у огня, но она не поняла его, улыбнулась и протянула сковороду, угощая нас.

— Пойдем в порт,— сказал мой спутник.— Оттуда видна панорама всего города...

По дороге Додо комментирует инцидент у костра, когда он не смог объясниться со своей соотечественни-

Столица Берега Слоновой Кости — Абиджан.
Мост через лагуну

цей. Оказывается, в этой небольшой стране с четырехмиллионным населением больше шестидесяти языков. Практически у каждого племени свой собственный язык, но письменности нет. Поэтому формирование монолитной нации во многом зависит от решения языковой проблемы. Официально государственным языком утвержден французский, но распространение его пока ограничено городской чертой. Племена саванн и джунглей, как и сто лет назад, говорят на языках, недоступных посторонним. Наряду с французским, на который возложена миссия объединить разноязыкие народы, радио ведет

передачи также на двенадцати наиболее распространенных местных языках. При всем языковом и религиозном различии живущих здесь людей объединяют черный цвет кожи, сходные традиции, уклад жизни и одинаково сложившаяся судьба.

Мы вошли в порт. Отсюда открывается вид на расчлененный лагунами и соединенный эстакадами мостов город, взявший имя рыбацкого племени абиджи. Больше всего для столицы характерны лагуны, мосты, небоскребы. Сравнительно небольшой по численности населения город (менее полумиллиона жителей) раскинулся широко, просторно. Дома расставлены с большими интервалами, кварталы идут ровно, как разлинованная тетрадь. Ощущение размашистого простора создает также близость океана. Голубые извилистые лагуны глубоко врезались в сушу, словно морской солью разъело берега. Разъединенные водой районы Абиджана крепко связаны автострадными полукилометровыми мостами. Ночью мосты иллюминированы белым дневным светом и кажутся светящимися тоннелями. Центр застроен небоскребами, издали они похожи на этажерки, где много полок. На полках-этажах разместились филиалы всемирно известных компаний, банков, трестов, картелей. Несколько на отшибе, в аристократическом районе Кокоди, обособленно возвышается белая глыба знаменитого на всю Африку отеля «Ивуар» с постоянным прохладным климатом. Здания коммерческих и финансовых предприятий монументальны. Оконные стекла в них не пропускают солнечного тепла, чтобы в помещении не было жарко. Витрины выглядят богато, рестораны и бары — на каждом шагу, афиши предлагают услуги квалифицированных хиромантов, массажистов, учителей танцев...

Над зданием Национальной ассамблеи, построенном по последнему крику архитектурной моды, развевается трехцветный национальный флаг. Оранжевая полоса — жаркие саванны, зеленая — тропические леса, а белая, соединяющая, символизирует мир и согласие этих двух районов страны. Территория Берега Слоновой Кости имеет форму почти правильного четырехугольника. Наиболее жаркая и влажная зона — побережье. Здесь за два сезона проливных дождей — зимой и летом — выпадает до трех метров осадков.

СЛОНЫ, НЕ ПРИНЕСШИЕ СЧАСТЬЯ

Последняя четверть XIX века — стремительно завершается империалистический раздел Африки. В Западной Африке рвут друг у друга добычу английские, германские, французские захватчики.

Когда французы проникли в глубь территории, расположенной между Ганой и Либерией, их поразило множество слонов, стадами привольно разгуливающих в саваннах и лесах. И они назвали страну Берегом Слоновой Кости. В 1893 году она была объявлена колонией. Энергичный отпор пришельцам смогло дать наиболее сильное и хорошо организованное мусульманское государство короля Самори. Поставив перед собой цель изгнать колонизаторов, Самори пошел на них войной и одержал ряд блестящих побед над французской регулярной армией и подкупленными местными племенами. Силы оказались, однако, неравными. В 1898 году в районе города Ман войско Самори было разбито, а сам он захвачен в плен.

Волнения и бунты продолжались в течение всего колониального периода. Население восставало против бесправия, чуждых ему порядков, против обязательного принудительного труда, введенного французами. Колонизаторы сначала насильно заставляли африканцев добывать золото, сок каучуконосных лиан, слоновую кость. Затем стали приказывать выращивать дефицитное тогда в Европе кофе и какао, позже ананасы, бананы, тропические фрукты. Тяжелый труд на плантациях оплачивался символически, урожаи доставались колонизаторам даром. Сохранились любопытные записи в конторских книгах тех времен. Я видел эти пожелтевшие скрижали полувековой давности, им впору стать музейными экспонатами. За месяц работы на плантации черный человек получал от белого набедренную повязку... Такая же такса — за добычу пятнадцати килограммов каучука, за пудовый бивень слона. Жестокая статистика.

Так проходили годы. Закованная в кандалы, без вины виноватая Африка отбывала по прихоти иностранцев долгий срок каторжных работ. Недовольство и непокорность строго наказывались. А между тем расфранченный капиталистический Запад вкусно и элегантно жил в своем комфортабельном двадцатом веке.

Дикие светло-серые слоны, которым страна обязана своим именем, пока еще водятся в здешних местах. Правда, за последние полвека слонов сильно поубавилось, их отстрел разрешается в исключительных случаях, а в огромном национальном заповеднике Буна охота запрещена вовсе. Изображение симпатичного слоника стабильно сохранилось на государственном гербе республики, на эмблемах торговых марок. Существует поверье, что слоны приносят счастье. Однако с народом страны, где их оказалось так много, этого не произошло.

КАЖДАЯ ТРЕТЬЯ ЧАШКА КОФЕ...

Бивни слонов в наш век годятся только для антикварных магазинов. Сейчас никто всерьез этим промыслом в Береге Слоновой Кости уже не занимается. Респектабельные представители делового западного мира провоцируют здесь более солидные операции.

Берег Слоновой Кости стал первым в Африке экспортером ценных пород тропического дерева. Берег Слоновой Кости занимает второе место в мире по выращиванию ананасов, третье место по производству кофе и четвертое — по производству какао. Здесь добываются каучук, золото, алмазы, марганец... В министерстве планирования ответственные работники, в чьих паспортах, кстати, значится французское гражданство, охотно показывали мне огромные, как киноэкраны, диаграммы, где жирные кривые роста продукции неуклонно ползут вверх.

И в самом деле, деловая жизнь в стране резво бьет ключом. Авиалинии на Абиджан всегда перегружены, в столичных отелях трудно найти свободный номер, в порту — постоянная вереница судов, в городах растут новостройки. Прибывают и отбывают грузы, коммерческие делегации, отдаются финансовые распоряжения, — одним словом, сплошная карусель бизнеса.

На дорогах Берега Слоновой Кости я часто видел лесовозы, транспортирующие гигантские бревна красного и черного дерева. Бывал в рощах, где растут эти деревья высотой в пятьдесят метров. Такие стволы весят

десятки тонн. Больше двухсот дефицитных древесных пород насчитали исследователи на территории страны. Владельцы лесопильного предприятия в городе Абоисо рассказывали, что вынуждены прекратить прием заявок на поставку пиломатериалов — заказов набрано на год вперед... Твердый, как кремь, лес рубят старинными топорами-секирами, режут дисками электропил — рубят и режут до двухсот тысяч кубометров в год. С 1900 года вырублено около девяти миллионов гектаров леса, что дало свыше пятнадцати миллионов кубических метров дорогой древесины. Трудно сказать, надолго ли хватит лесных богатств. Это будет зависеть от дальнейшего роста вверх кривых по истреблению лесов, которых осталось всего тридцать миллионов кубических метров.

Каждая третья чашка кофе, выпитая на нашей планете, и каждая четвертая плитка шоколада происходят из страны, о которой идет речь. Типичная сцена из сельской жизни: крестьяне вручную сортируют темно-вишневые, еще не очищенные кофейные зерна, рассыпанные на солнцепекѐ. Кофе как напиток здесь не в почете: пьют в основном пальмовый сок, перебродивший в легкое вино. Кофе продают иностранным компаниям — свыше четверти миллиона тонн каждый год. В производстве этой культуры занято около полутора миллионов человек, то есть каждый третий гражданин Берега Слоновой Кости. Сейчас во всем мире большим спросом пользуется быстрорастворимый порошок кофе «нестле». Миллионы банок такого кофе выпускает принадлежащая французам фабрика в Абиджане.

Благодатные климатические и почвенные условия позволяют успешно и без больших затрат выращивать ценные тропические культуры. Благодатны условия и для иностранных концессий, которых становится все больше и больше. Я видел новенькие вывески компаний по разведению каучуконосов, хлопка, арахиса, видел, как бульдозеры расчищают территории для будущих плантаций. В западных столицах на Берег Слоновой Кости сделали крупную ставку, в нем увидели африканское Эльдorado и возлагают массу надежд на извлечение крупных барышей.

О Береге Слоновой Кости много говорят и пишут на Западе. Эту страну назидательно ставят в пример другим африканским государствам, как порой в классе ставят в пример успевающего послушного ученика. И постепенно сложилось довольно распространенное мнение, что Берег Слоновой Кости переживает экономический подъем и даже процветает. Попробуем объективно разобраться в характере происходящих в стране явлений и выяснить главный вопрос — процветает ли здесь народ.

Суть хозяйственной деятельности правительства, возглавляемого с 1960 года Ф. Уфуэ-Буаньи, состоит в следующем: неограниченное допущение любых капиталовложений из любых иностранных государств. Не стану загружать читателя цифрами с шеренгами нулей — показателями инвестиций, хлынувших из Старого и Нового Света в Берег Слоновой Кости. Кстати, за такими данными даже не уследить, так как вложения множатся с каждым днем. Показательны сведения о самих иностранцах, обосновавшихся в стране: за последние восемь лет их число увеличилось втрое и продолжает расти. Французов, например, проживает 35 тысяч. Едут сюда частные предприниматели также из США, ФРГ, Израиля, Португалии, Пакистана, Японии, словом, отовсюду.

Результаты такой политики сказались быстро: за короткий срок в стране аккумулировались большие суммы частных капиталов, стянутых со всего мира. Иначе говоря, Берег Слоновой Кости взял курс на создание капиталистического хозяйства, дирижируемого извне. От местной интеллигенции мне приходилось слышать суждения, в которых звучит беспокойство по поводу чрезмерного увлечения космополитическим капиталом. Некоторые утешают себя и других тем, что государство, приняв большую дозу иностранных вложений, начнет постепенно участвовать в наиболее прибыльных компаниях, приобретая их акции, становясь пайщиком. Эта весьма сомнительная скользкая тропинка должна якобы вывести нацию на дорогу государственного капитализма.

Продавец шкур диких животных в Абиджане

Земля, богатства недр и лесов отданы на откуп заграничным бизнесменам. Льготный налоговый режим позволяет им получать огромные прибыли от своих предприятий. Споры нет, увеличиваются в стране урожаи кофе, сбор орехов кола, каучука, добыча алмазов. Споры нет, в Береге Слоновой Кости один из самых высоких в Африке национальных доходов на душу населения. А простой народ продолжает жить в нищете. Вспоминается такой эпизод.

...Это был ничем не примечательный абиджанский переулок. Навстречу мне шли трое детей — две европейские девочки и черный африканский мальчик. О нет, не было никакого проявления расовых субординаций! Дети шли вместе, гурьбой, о чем-то увлеченно беседуя. Мальчик нес в обеих руках по ученическому портфелю, а девочки ничего не несли. Компания дошла до порога школы, девочки забрали свои портфели и направились в класс. Парень побрел назад. Позже я узнал, что в европейских семьях, живущих в Береге Слоновой

Кости, распространен обычай нанимать в услужение своим детям чернокожих подростков.

Менее половины подрастающего поколения собирается по утрам в школу. Удел остальных — в лучшем случае прогулка с чужим ранцем до чужой школы, а в перспективе — невежество на всю жизнь.

Я бывал в деревнях, расположенных неподалеку от столицы, куда еще не дошла наша эпоха, там — затерянный мир. В этих селениях неведомы такие понятия, как медицина, газета, кино, электричество...

Итак, есть ли подъем, процветание, возрождение нации? Не призрачно ли оно, благополучие народа? Несмотря на мировые рекорды по производству некоторых товаров, экономика Берега Слоновой Кости носит колониальный, зависимый характер. Хронически нерешенными остаются проблемы образования, здравоохранения, подъема общего жизненного уровня. Жизнь мало изменилась за чертой столицы с тех пор, как у Берега Слоновой Кости появились собственные герб и гимн. Рост экономики происходит здесь без прогресса общества, без его всестороннего развития.

В Африке есть страны, которые пошли по некапиталистическому пути развития. Некоторые из них переживают сейчас временные трудности становления, роста, перестройки векового уклада. Но у этих стран есть отчетливое представление о своем будущем, они верят в свои цели, видят горизонты, а народы знают, во имя чего напрягают мускулы. В Республике Берег Слоновой Кости такой перспективной ориентации нет. Я не делаю открытий — в Абиджане об этом знают и говорят вслух.

ДВОРЦЫ И ХИЖИНЫ

Абиджанский климат, когда нет дождей, напоминает умеренную парилку. Не очень жарко, но влажно. Кажется, что вместо воздуха глотаешь теплый остывший чай, а тело облепил компресс. Но представьте себе, что из душной парилки вы вдруг окунулись в сугроб. Для этого достаточно толкнуть дверь французского бара или кафе, и вы окажетесь в прохладном или даже холодном помещении. Но речь не об этом. Помимо иностранцев в Береге Сло-

новой Кости есть и местные граждане, позволяющие себе роскошь, дорогие удовольствия. В Абиджане сформировалась тоненькая, но уже заметная прослойка привилегированных. Это каста людей, которые вкусили плод «сладкой жизни». На одном из торжественных приемов в гостинице «Ивуар» я видел парад абиджанского светского общества, это был парад ультрамодных платьев и драгоценностей. Слышал, как перешептывались иностранцы, оценивая наряды и бриллианты абиджанской знати.

Знать родилась с рождением республики. Быстро выделилась группа высокопоставленных чиновников, административная верхушка общества. В основном это люди с сорбоннским образованием и хорошими парижскими манерами, многие женаты на француженках. В отсталой, колониальной стране каждый образованный человек на счету. Такие люди быстро получают руководящие посты, молниеносно делают карьеру. Но многие из них успели отколоться от своей среды, живут иными интересами, эгоистическими заботами, помыслами. Я встречал подобных людей в Абиджане и в других африканских столицах. Они понимают, что их сознание деформировано под влиянием жизни на Западе, где проведены студенческие годы. Они все понимают, разводят руками и зачастую ничего не могут поделать.

Во время беседы на такую тему директор одного из департаментов прямо сказал: «Мы впитали в себя западный образ жизни. Пять-шесть лет, проведенных в Латинском квартале, что-нибудь да значат...»

Подобные рассуждения приходилось слышать на Мадагаскаре, в Сенегале, Камеруне... Компетентные государственные лица ставят даже вопрос о том, чтобы национальные кадры в обязательном порядке создавались в Африке без отрыва от местных условий.

Местные условия... Рассматривая большую желто-зеленую карту Берега Слоновой Кости, за каждым топографическим знаком вижу в натуре эти местные условия.

Вот голубая ниточка реки Биа... Здесь мы плыли в пирогах, выдолбленных, как корыто, из целого дерева. Однажды, вылезая из пироги на берег, я хотел встать на торчащее из воды бревно. Меня вовремя остановили — это был крокодил...

А вот поселок Бабако, где мы попали на похороны вождя племени и двое суток пировали, смотрели пляски, слушали там-тамы. Нас отпустили лишь после того, как тело вождя погребли в его же собственной хижине...

В деревне Енши на рыночной площади мы хотели купить ананас, но деньги здесь не в ходу — жители просто обмениваются продуктами. У нас нечего было дать в обмен, и нам подарили ананас, а от денег отказались наотрез...

Сгущенная зелень на карте означает глухие леса. В одном из лесов дровосеки угощали меня розовыми орехами кола. Сказал, что ем их впервые в жизни. И тогда собралось много народу, все смотрели на меня любопытными озорными глазами, словно я был пришелец с другой планеты. Спросил, в чем дело. Оказалось, что эти люди впервые видят человека, который никогда не ел орехи кола, им это кажется невероятным, а некоторые не верили...

У префекта города Абоисо приемный день, и он позволил мне сидеть у него в кабинете, наблюдать за работой. Каких только жалоб и просьб здесь не наслышишься! Громадный человек с дрожью в голосе просит освободить жену, которую посадили в тюрьму за супружескую неверность — таков местный закон. Муж клянется, что все простил. Префект дает разрешение освободить...

В каждом уголке этой экзотической страны своя жизнь, свои исторически сложившиеся или, наоборот, недавно позаимствованные правила и порядки. Жизнь республики вмещает в себя и глухую старину и неожиданные новшества. Какие тенденции развивать, каким путем идти, на каких идеалах воспитывать народ — суверенное право каждого государства. Время и история покажут, в какие результаты выльется эксперимент Берега Слоновой Кости.

В джунглях у пигмеев

ПОИСКИ НАЧАЛИСЬ

Это было в городе Банги, столице Центральноафриканской Республики. В самом центре Африки, в глубине континента...

Оранжевое солнце, как переспелый плод манго, упало за горизонт. Сразу же наступила тихая ночь. Но она почти не принесла прохлады. Накаленный за день воздух, стены, предметы остывали медленно. Мы сидели под широкой кроной хлебного дерева и пили прохладительные напитки. В листве над нами копошились, взвизгивали летучие мыши. За крупные размеры и хищный оскал морды их здесь называют летучими собаками.

Наш вялый разговор, как слабый костер, давно угас, и никто не брался его раздувать. Корреспондент Франс Пресс Меру, казалось, уснул, позабыв о своем бокале пива. Редактор местной газеты «Терр Африкэн» Жером Нкерембасса сидел, задумчиво подперев рукой кудрявую голову.

— Слонов видел? — спросил меня вдруг Жером. Тут я вспомнил, на чем прервалась наша беседа: мы занимались инвентаризацией того, что я уже видел в этой стране и что мне следовало бы повидать.

— Видел.

— Водопад Боали?

— И водопад видел...

— Пигмеев?

— Пигмеев? Нет, пигмеев не видел.

Мои коллеги оживились. Меру зашевелился в плетеном кресле, явно собираясь что-то сказать. Они заговорили оба об одном: в джунглях Центральноафриканской

Республики обитают пигмеи, сохраняющие тысячелетней давности обычаи, традиции, образ жизни. Например, до сих пор огонь они добывают вращением деревянных палочек, не признают одежды...

Утром следующего дня я был первым посетителем в Бюро по содействию туризму. Мне очень вежливо объяснили, что пигмеи — лесные кочевники и разыскать их чрезвычайно трудно. К тому же начинается сезон дождей и проселочные дороги скоро сделаются непроходимыми. Впрочем, сказали мне, в авиакомпании «Эр Африк» есть один человек... Я разыскал этого человека. Он выслушал меня и повторил то же, что было уже сказано в туристской конторе: «Хотя некий господин Кореас может вам помочь...»

Кореас занимается продажей холодильников, ремонтом радиоприемников и организует для туристов охоту на диких животных. Мое намерение проведать пигмеев он счел вполне реальным. Тогда уже я решил напомнить ему о непогоде, о непоседливости пигмеев, которых трудно отыскать. Кореас показал на стоящий у обочины полугрузовой киноварного цвета вездеход «Форд»:

— Этот пройдет где угодно. Будет и проводник, будут инструкции.

Мы договорились об арендной плате за машину, Кореас вручил мне от нее ключи и обещал завтра утром прислать в отель проводника. По его же совету я купил мешок соли, десять блоков крепчайших сигарет марки «Браззаблэ», таблетки хинина. Все это предназначалось для пигмеев.

Сто пятьдесят километров до города Байки проехали быстро, незаметно. Асфальтированная дорога здесь обрывалась, и дальше шла глинистая проселочная трасса. Я заглянул в записную книжку: в Байки нужно обратиться за содействием к «святым отцам» — французским миссионерам, которые хорошо знают район и племена пигмеев. Кирпичной кладки католическая церковь была видна отовсюду. Поставив машину в тени, я направился к пристройке возле церкви. В просторном прохладном помещении четверо священников мирно пили виски. Мой приход не прервал их запытия, мне тоже был предложен стакан. Выслушав меня, миссионер Ламарон нарисовал план моего дальнейшего следования и дал рекомендательную записку к предводителю одного не-

гритянского племени, который наверняка должен знать местонахождение пигмеев.

В сухую погоду проселочные дороги в джунглях вполне проезжи. На наше счастье, дождя не было, но то и дело встречались большие, красные на глинистой почве, лужи от прошлых ливней. В тоннеле, прорубленном в лесу, было влажно, душно. Яркие бабочки величиной с ладонь кружились, как листопад...

Встретилась река, в которой утонула наша дорога. Мой проводник Шари сказал, что нужно погудеть клаксоном. Я погудел. С противоположного берега отчалило какое-то сооружение. Оказалось — моторный паром. Мы въехали на него и поплыли на ту сторону реки. Когда причаливали, спугнули стадо гиппопотамов. Грузные туши на коротких ногах резво соскочили с берега в воду, тарасили оттуда внимательные глаза, топорщили кокетливые уши.

В деревне, где по совету миссионеров я мог получить сведения о пигмеех, был праздник. Женщины нарядились в фантастической расцветки платья, звучала диссоциирующая, переходящая в какофонию музыка, двигались хоророры массовых танцев. Повсюду приветливо улыбающиеся иссиня-черные лица. В одной группе я увидел белого мальчика с белыми волосами.

— Альбинос, — пояснил Шари. — Альбиносов у нас не любят. Девушки не выходят за них замуж.

Пока я фотографировал альбиноса, Шари сходил за вождем племени. Невероятно худой, согнутый в дугу старец, получив две пачки сигарет, объявил, что пигмеи недавно покинули здешние места, ушли в неизвестном направлении... Я направился к машине, достал еще несколько пачек дефицитного в деревнях «городского курева». Так удалось заполучить второго проводника. Молодой поджарый парень акробатически перемахнул через борт нашего автомобиля и скалил оттуда белозубый рот.

Мы ехали медленно и долго. Ехали каким-то чудом по тропе, не предназначенной для автотранспорта. Ветви деревьев, облепленные пестрыми экзотическими цветами, застилали ветровое стекло, хлестали по бортам. Где-то рядом тревожно трубили слоны.

Местный проводник постучал ладонью по крышке кабины. Я остановил машину. Тропа, по которой мы

ехали, кончилась. Нас обступал густой, тропический лес, источающий испарения и терпкие запахи, лес, наполненный таинственными звуками, шорохами. Провожатый нырнул в эту зеленую гущу. Мы последовали за ним и очутились перед заболоченным озером, поросшим гигантскими кувшинками величиной с автомобильное колесо. Над озером, словно гамак, был протянут сотканный из лиан подвесной мост. Крепился мост на верхних ветвях деревьев на одном берегу и на другом. Мы осторожно двинулись по зыбкому сооружению. От наших шагов мост стал раскачиваться; чтобы сохранить равновесие, приходилось балансировать руками, как делают канатоходцы в цирке. Когда осталось пройти всего несколько шагов, я покачнулся и хотел было ухватиться за свисающий с дерева жгут лианы, но шедший сзади Шари рванул меня к себе, и мы оба едва не свалились в воду.

— Змея! — только и сказал Шари, указывая на мнимую лиану, за которую я хотел удержаться.

Мимикрия и безжизненная поза придавали змее сходство с растением. Она высматривала добычу, чтобы в нужный момент пружиной кинуться на нее и скрутить. Мы осторожно миновали рептилию. Теперь я уже старался ни к чему не притрагиваться...

У НОЧНОГО КОСТРА

На поляне, куда нас привела еле заметная тропинка, слабо дымили костры. Их оставили непотушенными для сохранения огня. Людей не было видно. Наш провожатый по-вороньи гаркнул, и, как будто в сказочной театральной пьесе, поляна вдруг ожила — откуда-то появилось сразу много низкорослых нагих людей. Я пригляделся и увидел шалаши. Они стояли на краю опушки, у самых стволов. Проводник произнес речь. Он сказал, что я журналист, интересуюсь жизнью африканских племен и что мы привезли подарки. Посоветовавшись, пигмеи через нашего гида-переводчика объявили, что согласны принять и гостя и дары. За солью к нашей машине тут же отправились несколько человек.

Стемнело. Рыжее пламя костра рассекало наступившую темноту. Вокруг огня собралось все племя, человек

пятьдесят. Независимо от возраста и пола пигмеи носят одинаковые узкие набедренные повязки. Никакая другая одежда не признается. Одинаково наголо стригутся и мужчины и женщины. Средний рост пигмея-мужчины — примерно сто сорок пять сантиметров, женщины — еще меньше. Пигмеи представляют собой особую расу. Они отличаются от негроидных народов более развитой растительностью на теле, широким носом с очень узким переносьем, тонкими губами, светло-коричневой, золотистой кожей. Специфичен и сам уклад жизни этого народа. В пигмейских племенах не существует вождей — важные вопросы решают сходкой, всем миром. Нет и социально привилегированных членов, нет ни шаманов, ни судей. Пигмеи живут в лесу особняком от других племен; живут замкнутой общиной равных и свободных людей, сторонясь соприкосновения с цивилизацией, с внешним миром. В тот вечер у костра я был свидетелем события, которое дает некоторое понятие об укладе жизни этого загадочного народа...

Женщины принесли корыта, выдолбленные из коротких толстых бревен. В корытах истолченные в кашу орехи кола, приправленные специями. Каждый положил себе горсть на заранее припасенный круглый лист какого-то растения. Ореховая каша мне понравилась, я быстро расправился со своей порцией и стал наблюдать за остальными. Ели не спеша, молча. Пигмеи держатся с достоинством, степенно.

Когда с едой было покончено, по кругу пошел бурдюк с водой, сделанный из желудка антилопы. Пили тоже неторопливо и понемногу: отсасывали два-три глотка и передавали булькающий мешок следующему. У воды был болотный привкус. Очевидно, ее брали из того озера, через которое мы шли днем по лиановому мосту. Закурили. Курили одинаково и женщины и мужчины и даже некоторые дети. Одни курили подаренные сигареты, другие — большущие, с кулак, трубки, в которые вделана длинная тростинка мундштука. Сидевший рядом неопределенного возраста пигмей тщательно раскурил свой чубук и протянул его мне. Это лестный знак уважения к гостю. Дым оказался не табачным, а горьким, едким дымом лесных трав и листьев. Но я докурил трубку до конца, стараясь не кашлять и не выдать слезящихся глаз.

Пигмейская «мадонна»

Костер стрелял в темь кометами искр. Где-то рядом негромко ворчала неведомая птица. А может быть, какое-то животное. Но на это никто не обращал внимания. Пигмеи курили с серьезным, сосредоточенным видом. Мне даже показалось, что они чем-то озабочены. Кто-то коротко бросил одно слово: «Бали!» Двое поднялись и скрылись в темноте. Вскоре они вернулись, ведя пожилого, очень утомленного на вид человека. Он не участвовал в трапезе, вероятно отсиживался в своем шалаше. Он сел на отшибе от других, немного в тени.

— Ты хорошо сегодня поохотился? — спросил, глядя в сторону, мой сосед, угощавший меня трубкой. Вокруг сдержанно засмеялись.

— Я ничего не поймал, — ответил человек из тени.

Снова раздался смех, уже погромче.

— Может быть, у тебя хорошо получится в следующий раз. Когда мы уйдем отсюда, ты можешь остаться один... У тебя тогда будет больше удачи.

Смех рос. Сыпались реплики, которые мне не успевали переводить, но по бурной реакции племени можно было понять, что человека высмеивают больно, язвительно. Тогда он вскочил, подбежал близко к огню и стал запальчиво, быстро-быстро что-то говорить, бурно жестикулируя, даже притоптывая. Пока он ораторствовал, мне объяснили, в чем дело.

Бали, как звали пигмея, почему-то не пошел в тот день вместе со всеми на охоту, под каким-то предлогом уклонился. Однако заприметили, как он расставлял в одиночку сеть на газель... Теперь для Бали устроили нечто вроде товарищеского суда, на котором высмеивался его индивидуализм, обособленность. Ему намекали, что он может жить сам по себе, вне племени. У пигмеев нет ни телесных, ни иных жестоких кар. Самая высшая мера наказания — изгнание из племени. Дело в том, что главное занятие пигмеев и средство существования — охота. Одному человеку, причем физически не очень сильному, в джунглях охотиться невозможно. Дух коллективизма у этого народа в крови, он стал врожденным инстинктом. Поэтому изгнанный за проступок или преступление человек фактически обречен на гибель: другое племя его никогда не примет, а заниматься охотой в одиночку не под силу. Однако я слышал, что в последнее время подвергнутые остракизму пигмеи уходят

в города, где быстро приобретают специальность, слынут людьми незаурядных способностей.

Между тем Бали страстно доказывал соотечественникам, что он не пошел на охоту только потому, что был болен, что он хотел поймать газель поблизости, не забираясь в джунгли, и что если бы он ее поймал, то разделил бы на всех... Бали укорял также соплеменников, говоря, что с ним нельзя насмешливо обращаться, ибо он хороший охотник и все об этом знают.

Первому доводу почему-то не поверили. Вероятно, потому, что никто не знал, что было на уме у Бали, когда он в одиночку, потихоньку расставлял свою сеть. Вняли второму аргументу — что он хороший охотник. Это действительно знали все, тут уж без обмана. Кто же станет гнать из племени хорошего ловца? Смех и шутки смолкли. На Бали больше никто не обращал внимания. Это означало, что инцидент исчерпан. Ни завтра, ни позже ему никто этого не напомнит. Всеу свое время и место.

Разговор у костра пошел о том, когда сниматься с этих мест. Насколько я понял, дела у племени шли неважно. Неделю подряд охотники возвращались ни с чем, и на ужин приходится есть орехи кола и корни, как было сегодня. И племя решило послезавтра уходить в новые края, искать удачи в глубине джунглей. И так всю жизнь...

Пигмеи живут исключительно тем, что им дает окружающая природа, джунгли. Женщины собирают съедобные дикие плоды, полезные травы, улиток, термитов. Мужчины промышляют охотой. На газелей ставят сети, сделанные из волокнистых растений. На более крупных животных охотятся с самодельными луками и арбалетами. Всадив тонкую, как спица, отравленную стрелу в спину дикого буйвола или антилопы, пигмеи терпеливо идут за животным, идут порой сто километров, ожидая, когда яд сделает свое дело. Яд используется особый, не отравляющий мясо, он останавливает лишь сердце. Применяются и охотничьи хитрости. Я видел у пигмеев маскировочный костюм из страусовых перьев. Облачившись в него, охотник подходит близко к стаду животных и поражает одного, а то и двух отравленным копьем. Пигмеи охотятся даже на слонов. Копченое мясо слона долго сохраняется, считается деликатесом. Мне оно по-

казалось несъедобным из-за его твердости. Не имея огнестрельного оружия, эти маленькие люди одолевают гигантов джунглей хитрым маневром. Слоны обладают хорошим обонянием, издали чувствуют приближение человека. Пигмеи изготавливают специальную мазь, отбивающую человеческий запах. Таким составом обмазывают самого ловкого охотника. Неслышно подкравшись к пасущемуся стаду слонов, смельчак подлезает под брюхо одного из них и втыкает поближе к сердцу отравленную стрелу. Слон может даже и не почувствовать укола. Теперь остается следить за стадом, от которого постепенно начнет отставать раненый слон, и ждать, когда он свалится. Из туши тут же выпускают кровь, разделяют, а мясо едят месяцами.

В НОВЫЕ КРАЯ

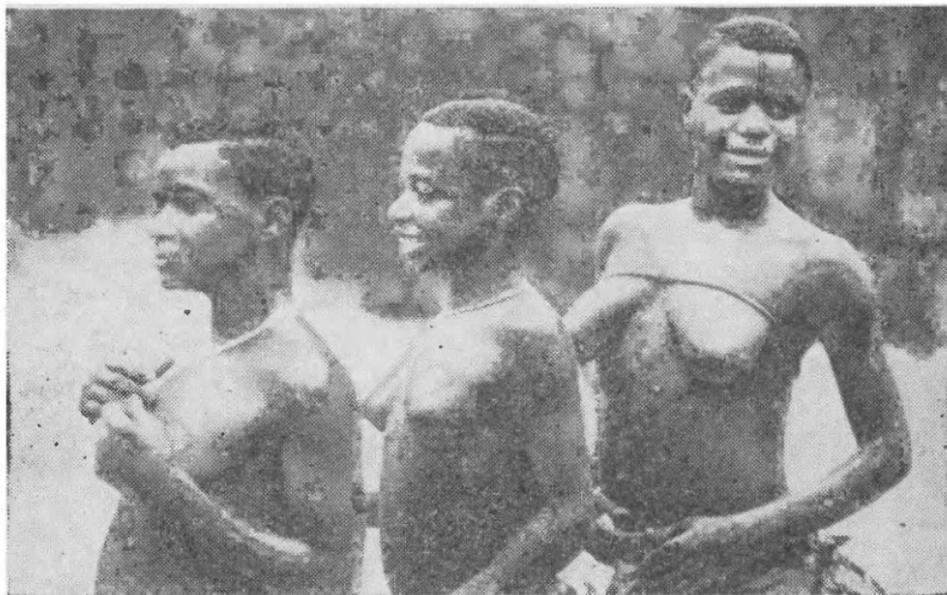
Я спал в отведенном мне шалаше на свежесрубленных пальмовых ветвях. Сквозь сон слышал монотонный рокот дождя. К утру дождь кончился. Опушка искрилась изумрудом мокрой, словно лакированной, зелени, сверкала бусами капель.

Коллективный завтрак был весьма скромен: по шепотке варенных в собственном соку термитов. Племя явно бедствовало, и уход в новые края был жизненно необходим. На последнюю в здешних местах охоту отправились все мужчины и юноши.

Пройдя километров восемь лесом, мы вышли в район, поросший кустарником. Сочные листья невысоких кустарников — излюбленная пища газелей. На них-то и расставили большие, как рыбацкий невод, сети. Затем с шумом и криками ловцы принялись шнырять среди кустов. Заметив и спугнув газель, ее стараются гнать туда, где стоят путы. Обычно газели бегут к лесу, чтобы скрыться в чаще. Зная эту повадку, пигмеи ставят западни около леса.

Пойманные в тот день две небольшие газели вызвали ликование племени. По случаю удачной охоты и в связи с уходом в новые края на поляне устроили танцы. То оглушительно грохоча, то замирая, словно перешептываясь, били тамтамы. Девушки и женщины, некоторые

с детьми на руках, ходили круговую по поляне, пла-
стично выгибая тела, отбивая босыми ногами ритм тан-
ца. Единственное их украшение — голубая татуировка
на грудях и симметричные линии выпуклых шрамов на
животе. Эти знаки наносят на тело во время обряда
посвящения в совершеннолетние. Пигмеи выходят замуж
и женятся в четырнадцать-шестнадцать лет. После рож-
дения каждого ребенка муж в течение двух лет не име-

Танец пигмеек

ет права прикоснуться к жене. Считается, что за этот
срок пигмейская женщина должна окрепнуть, выкор-
мить новорожденного.

Расставаясь с пигмеями, я спросил, куда они дер-
жат путь. «Туда», — отвечали маленькие обитатели
джунглей, показывая в неопределенном направлении...

Камерунская новь

СУДЬБА СТРАНЫ

Имя «Камерун» стране дали португальские мореплаватели. Они были первыми европейцами, проникшими в 70-х годах XV века в устье реки Вури. Выловив в этой реке множество креветок (по-португальски — *camarões*), они назвали ее «Рекой креветок», или «Rio dos camarões». Это название впоследствии распространилось на весь прилегающий район.

В XVII—XVIII веках Камерун стали посещать сначала голландские мореходы, а затем французские, английские, немецкие миссионеры и торговцы, которые основали на побережье несколько факторий.

В 1884 году немецкий путешественник Нахтигаль навязал местным вождям береговой полосы договор о протекторате, а вскоре и весь Камерун превратился в германскую колонию.

После первой мировой войны территория страны была произвольно поделена между державами-победительницами — Англией и Францией. В результате некоторые народы оказались по обе стороны границы.

Итак, Камеруну пришлось испытать на себе жестокость и изощренность колониализма трех западных держав. После образования Федеративной Республики Камерун в 1961 году народы страны воссоединились.

В этом очерке я хочу поделиться своими впечатлениями об одном камерунском докторе, с которым познакомился при неожиданных обстоятельствах...

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Столица Центральноафриканской Республики Банги. Ночь. Отель «Рок». Завтра утром мне лететь в Двалу — экономическую столицу Камеруна. По случаю отъезда устраиваю прощальный ужин моим новым друзьям — африканским журналистам.

Сидим в саду отеля под мохнатой кроной манговых деревьев. В листве копошатся, повизгивают гигантские летучие мыши. Кто-то предлагает пойти в соседний бар, где есть помещение для игры в кегли. Отправляемся туда. Скоро входим в азарт, запуская в шеренгу деревянных бутылок тяжелое ядро. К нам присоединяется широкоплечий африканец в черной фетровой шляпе, с сигарой в зубах. С кеглями у него не очень получается, и наш неудачливый партнер предлагает переключиться на стеклянные бутылки с пивом. Мы знакомимся. В разговоре я обмолвился, что утром лечу в Двалу.

— Доктор Хаппи, из Двалы,— представляется африканец.— Тем же рейсом, что и вы, возвращаюсь завтра к себе.

Прежде мне приходилось слышать и читать о традиционном африканском гостеприимстве. Бывая в странах Африки, я оценил любезность и радушие малагасийцев, сенегальцев, мавританцев, жителей Берега Слоновой Кости, Чада... На этот раз гостеприимство камерунца проявилось как-то неожиданно быстро и конкретно. Доктор Хаппи заявил, что с аэродрома в Двале мы поедem к нему: «Вы остановитесь у меня. Я вас познакомлю с Камеруном!»

Я знал, что отказаться в таком случае — значит обидеть, а может быть, и потерять интересного человека.

Известность доктора Хаппи я оценил только тогда, когда мы прибыли в Двалу. В таможене чиновники брали под козырек, даже не заглянув ни в паспорт доктора, ни в багаж. Ему услужливо несли чемодан, говорили приветствия. Мы сели в такси. Шофер, не спрашивая адреса, привез нас прямо к дому доктора.

Небольшой двор перед одноэтажным домиком на окраине Двалы. По двору бродят куры. Рядом лесопильное предприятие, слышно, как воеет диск электропилы. Поднялись на крыльцо и сразу попали в гостиную — двери в доме нет, дверь снята с петель...

Сельский праздник
в Центральноафриканской Республике

В просторной комнате по стенам развешано африканское холодное оружие, музыкальные инструменты; на полках, на журнальном столике много книг, периодических изданий. Пробегаю глазами по корешкам — все на медицинские темы. Доктор знакомит с женой. Молодая женщина сидела за учебниками, готовясь к выпускным экзаменам в коллеже. Лет ей, вероятно, семнадцать, не больше...

— Сейчас будем обедать, — сказал Хаппи и включил большой вентилятор, вмонтированный в потолок. Лопасти-весла завертелись, набирая скорость. Повеяло прохладой.

Мне отвели небольшую комнату с установкой для охлаждения воздуха. Аппарат был очень старой конструкции и громычал, словно трактор. Умылся, вышел в гостиную. Развалясь на диване, доктор пел, аккомпанируя себе на гитаре. Я сел напротив, слушал, наблюдал. Он пел с закрытыми глазами на каком-то местном языке, пел то монотонно-протяжно, то бурно, отбивая по гитаре ритмичную дробь там-тамов. Допев

Хашши отложил инструмент, внимательно взглянул на меня:

— Я так отдыхаю, когда устал... Чертовски устал в Центральноафриканской Республике.

Спросить о том, что он делал в Банги, я не успел — нас позвали к столу. Доктор живо вскочил с дивана, увлекая меня за собой.

Национальная африканская кухня имеет две особенности. Во-первых, блюда готовятся абсолютно пресными, без соли. Во-вторых, к этим блюдам подают целый набор острейших приправ, пряностей, специй. Не зная их остроты, можно так переборщить, что из глаз хлынут слезы, а во рту будет долго полыхать пожар. Мы ели запеченную в каких-то пряных листьях белую рыбу, ели жесткое козье мясо. Вместо хлеба — лепешки из маниоки. Клубни этой культуры похожи на крупные картофелины. Маниоку толкут, превращают в волокнистую белую массу, затем тщательно сушат. Получается своеобразная крахмальная мука, ее широко употребляют в пищу во всех странах Тропической Африки. Из маниоки

Приготовление национального блюда из маниоки в семье камерунского почтового служащего

готовят множество блюд, пекут лепешки и блины. На десерт подали пахнущие еловой шишкой мясистые плоды манго. Обед сопровождала оживленная беседа. Наводящими вопросами, стараясь не быть назойливым, я расспрашивал Хаппи о его жизни. Вот что он рассказал...

— Случилось так, что свое детство и юность я провел с родителями во Франции, куда они уехали в поисках заработка, спасаясь от голода и нищеты. Мы жили в Марселе. Я работал и учился. Закончил школу. И опять работал и учился. Стал врачом... Предлагали хорошие места во Франции, но меня всегда тянуло на родину. Ностальгию усиливало сознание, что я чрезвычайно нужен стране как врач. Ведь в Камеруне на пять с половиной миллиона жителей всего шестьдесят пять врачей-африканцев... В новом, независимом государстве должно расти здоровое поколение. Борьба за такое поколение — наша забота и долг. В этом смысл моей жизни.

Лопастни вентилятора кружились под потолком, словно крылья диковинной птицы... Плотный тридцатипятилетний человек, резко жестикулируя, излагал свои взгляды на жизнь, свои понятия о долге, об ответственности перед нацией.

Меня разбудил пронзительный вой сирены. В прорези решетчатых ставен угадывалось утро. Сирена продолжала выть, и я догадался, что это электропила...

За утренним чаем доктор Хаппи рассказывал мне о лесопильном деле в Камеруне. Леса покрывают свыше трети территории республики, леса — одно из главных богатств. Это ценные породы розового, красного и черного дерева, из которого в Европе и США делают дорогую мебель, антикварные вещи. Спрос на тропическую древесину постоянно растет. Американские миллионеры, например, завели моду строить загородные виллы целиком из черного или красного дерева... В Камеруне работает около сорока лесопильных заводов, поставляющих лес на экспорт. Леса в стране, как и недра, принадлежат государству. Чтобы получить разрешение на эксплуатацию участка, нужно согласие компетентных органов с уплатой установленных налогов. На таких условиях многие иностранные компании арендуют и разрабатывают лесные участки.

После завтрака садимся в темно-синий «пежо» и едем

по улицам Двалы. Портовый город Двала — один из красивейших африканских городов. Характерная черта его облика — динамизм, учащенный пульс жизни. Фабрики, портовые краны, океанские корабли, переключка паровозных гудков, выкрики газетчиков, потоки автомашин, эстакады мостов — такой мне запомнилась Двала за те дни, которые я провел в экономической цитадели Камеруна.

Мы выехали за город и сразу оказались в густом, тропическом лесу. Узкая дорога в тропиках похожа на дно ущелья — кругом гигантские стволы, лианы, небо далеко, видна лишь голубая полоса — проекция дороги сверху...

— Куда мы едем? — спрашиваю доктора.

— В городок Лум, за сто километров отсюда. В Луме клиника, которой я заведую... Далековато! Много теряю времени на дорогу. Но ничего не поделаешь. Врачей в Луме нет, а люди болеют.

ИСЦЕЛИТЕЛЬ

В Луме доктора ждали, ждали и пациенты, и обслуживающий персонал. Деревянное одноэтажное здание больницы разделено на три секции: мужское и женское отделения и приемный кабинет Хаппи. Пациенты ждали приема на веранде, сидели на скамеечках во дворе. Территория перед фасадом здания огорожена невысоким заборчиком, задний двор выходит на поляну, где начинаются джунгли.

Хаппи поздоровался с собравшимся на террасе персоналом, облачился в белоснежный нейлоновый халат с короткими рукавами, надел кокетливый белый чепчик. И вдруг разразился гневной тирадой, гремя своим зычным басом, топая ногами, жестикулируя. Оказалось, что в бачке, куда он походя заглянул, не было ни капли питьевой воды. Во время обхода больных Хаппи неоднократно устраивал разнос фельдшеру и сестрам, обнаружив неточность в исполнении своих предписаний.

— Нет, вы посмотрите на них, посмотрите! — обращался ко мне Хаппи, тыча пальцем в провинившихся. Очевидно, присутствие постороннего по замыслу доктора

должно было сильнее пристыдить нерадивых.— О, эта беспечность, отсутствие дисциплины — бич всей Африки, это наше несчастье. Африканцы все делают наоборот или вообще ничего не делают, отлынивают. Их надо постоянно тормозить, контролировать, приучать к порядку. Иначе — пропадем!

Доктор делал обход палат. За ним ходили гурьбой фельдшер с блокнотом, медицинские сестры с прибора-

Камерунская девушка

ми, медикаментами. Осмотрев и выслушав больного, доктор давал указания, фельдшер записывал. Тощего полуживого старика Хаппи вертел, выслушивал особенно долго. «Мы испробовали все средства. Ничего не помогает. Придется делать операцию. Послезавтра».

Молодая, недавно родившая женщина, чувствовала себя хорошо. Ребенок спал с ней рядом на дощатой кровати.

— Через два дня выписывать,— приказал врач.

Я видел потом из окна больницы, как эта женщина

вышла на задний двор, нацедила из железной бочки воды в эмалированный таз и, присев под деревом, стирала пеленки.

Нужно отметить, что обстановка в африканской больнице отличается простотой нравов. Например, в палатах на деревянных койках лежат в одежде, в том, в чем пришли; если очень жарко, то в трусах. Как правило, у всех больных страдальческое выражение лица... Дело в том, что кладут в больницу только тех, кто уже совсем не в состоянии ходить или назначен на операцию. К больному в любое время могут зайти родственники, знакомые.

Обход закончен. Хаппи приступает к приему пациентов. Меня поразило, что он врачевал все болезни! Он был офтальмологом, стоматологом, терапевтом, дерматологом и т. д.

— Чему вы удивляетесь? — в свою очередь удивлялся Хаппи.— Откуда нам взять специалистов узкого медицинского профиля? В Африке каждый врач должен быть универсалом. Да, да, и операции я делаю сам, и зубы дергаю, и пупки перевязываю новорожденным, и трахому лечу...

Растаяла очередь на прием к доктору. Одни ушли исцеленными, другие с надеждой на исцеление.

Время за полдень.

БУДУЩИЕ МЕДИКИ

Я сидел в тени на скамейке больничного двора. Подошли две девушки в белых халатиках, поздоровались, присели рядом. На фоне белой ткани цвет негритянской кожи кажется особенно густо-черным, с каким-то синеватым оттенком. Приветливость камерунок располагала к беседе.

Девушки представились как слушательницы фельдшерских курсов, созданных при клинике доктором Хаппи. То, что доктор занимается педагогической деятельностью, для меня было ново. Я хотел подробнее расспросить об этом, но девушки вдруг заторопились — на веранде больницы показался Хаппи...

Мне, иностранцу, трудно судить, насколько прав Хаппи в своих суждениях о соотечественниках, когда критикует их за плохую исполнительность и слабую дисциплину. Может быть, он в какой-то степени прав. Однако я знаю твердо, что молодое поколение Африки живет не вразвалку, ритм его жизни настроен на волну нашего века, ему свойственны благородные идеалы...

Но вот на моих глазах тридцать юношей и девушек бесшумно и быстро расселись рядами, замерли с раскрытыми для конспектов тетрадами.

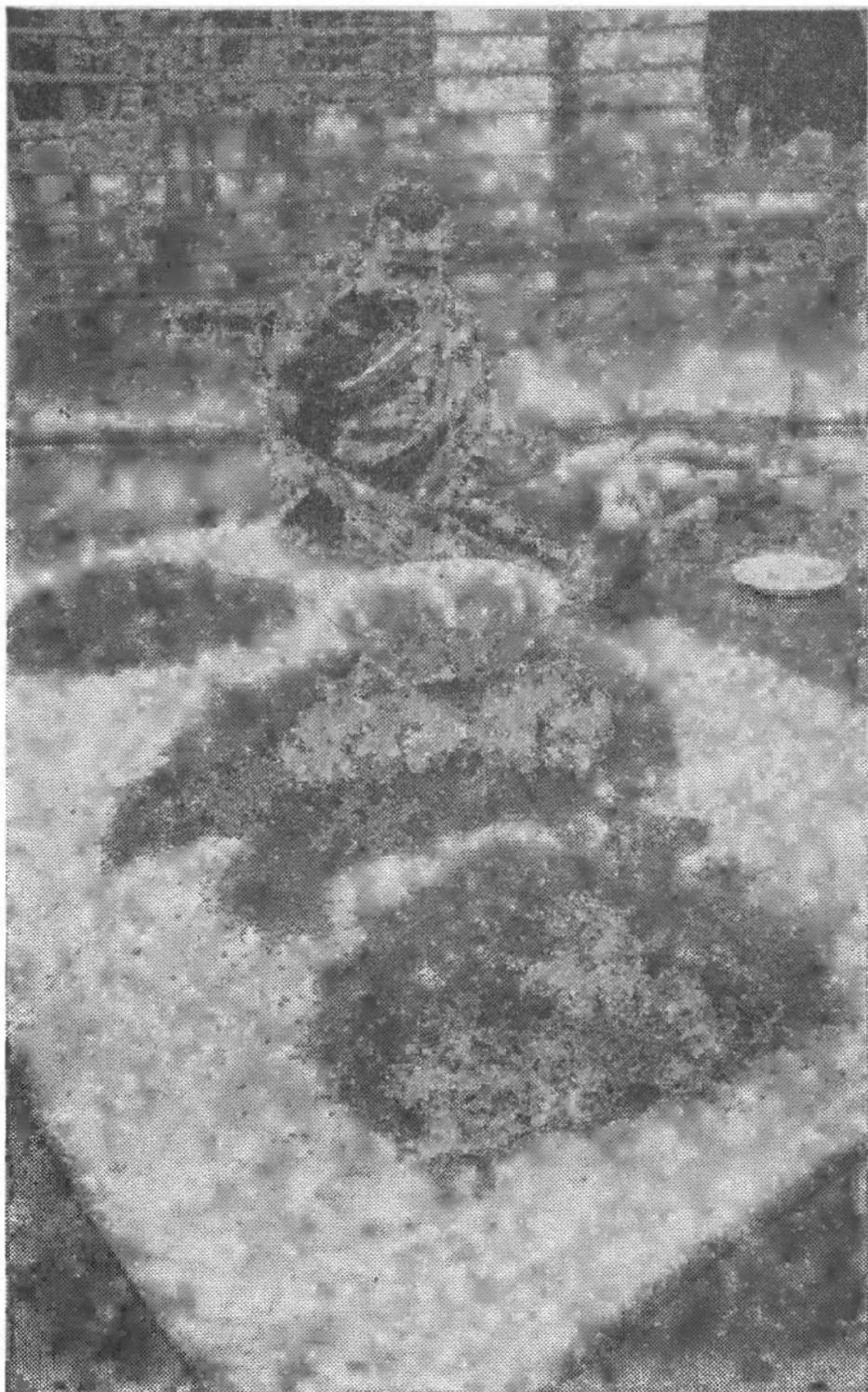
Доктор подошел к черной доске, взял пачку цветных мелков, и лекция началась...

Фельдшерские курсы Хаппи создал, как у нас говорят, «на общественных началах». Денег со своих слушателей он не берет; практику они проходят тут же, в клинике, попеременно дежуря, ухаживая за больными. Наиболее способных после окончания курсов Хаппи направляет на работу в большие клиники Двалы и столицы Яунде с обязательным продолжением учебы.

Назад, в Двалу, мы возвращались со скоростью 160 километров в час. Накрапывал дождь. О крутых опасных виражах нас предупреждал оригинальный дорожный знак: череп и кости. Но доктор не сбавлял скорости, доктор торопился — впереди сегодня еще масса дел!

ПРЕРВАННЫЙ ОБЕД

Когда мы вернулись в Двалу, нас уже ждал накрытый для обеда стол. Доктор пожалел о том, что не выкроил нескольких минут для своего любимого отдыха — пения на диване. Хаппи утверждает, что это очень эффективное средство от усталости, причем средство народное. В некоторых африканских племенах уставшие охотники первым делом берут в руки музыкальный инструмент и, удобно расположившись, затягивают песню. Поют с закрытыми глазами, как бы в дреме, расслабив мышцы, находясь в состоянии прострации.

Сортировка кофе в камерунской деревне

Итак, на этот раз Хаппи не удалось отдохнуть. Не пришлось ему также и пообедать... Едва мы сели за стол, как зазвонил телефон: доктора срочно вызвали в городской госпиталь, требовалась неотложная операция. И он уехал.

Я отправился бродить по улицам Двалы, размышляя об этом неожиданно встретившемся мне человеку. В Африке я повидал людей, подобных доктору Хаппи, — целеустремленных, самоотверженных созидателей. Порой, не в силу своих убеждений, а инстинктивно, они отвергают капиталистические идеалы, не обольщаются западным образом жизни, наживой, личной выгодой. Мой новый знакомый, камерунский доктор, — один из таких людей, которые засучив рукава преобразуют колониальный облик Черного континента. Логика таких энтузиастов проста, формулируется лаконично — если не мы, то никто другой.

Помню, как в Абиджане на приеме в роскошном отеле «Ивуар» представитель французской кофейной фирмы перечислял, загибая пальцы, те блага, которые европейцы якобы принесли африканцев. Местный журналист Додо, улыбаясь, тронул его за рукав: «Полноте! Когда вы создавали средства борьбы с тропическими болезнями, то вы думали-то о себе, а не о нас... Когда вы строили больницы для африканского населения, то это чтобы обезопасить себя и только себя от эпидемий, чтобы иметь здоровую, а значит и продуктивную рабочую силу... Когда вы прокладывали дороги, то это для своего большого бизнеса. Стыдитесь же выстав-лять ненавистый нам колониализм филантропом, стыдитесь!..»

Он был совершенно прав, мой друг Додо. Именно поэтому все прогрессивное, что делается сейчас в африканских странах, в корне отличается по целям и масштабам от культурно-просветительных подачек колониальных времен. Я не хочу сказать, что в Африке сплошь и рядом можно встретить таких самоотверженных людей, как Хаппи. Далеко не так. Но они есть, эти беспокойные, бескорыстные люди, и своими делами они подхлестывают других...

В дом Хаппи я вернулся поздно вечером. В гостиной горел свет. Доктор с карандашом читал свежие медицинские журналы.

— Как прошла операция? — спросил я.

— Пока больному лучше.

— Вы сразу же вернулись домой?

— О нет! Потом принимал больных в госпитале...

Кажется, человек тридцать. Давал консультации.

— Простите, доктор, ваша поездка в Центрально-африканскую Республику, где мы познакомились...

— По приглашению президента ЦАР безвозмездно работал в столичной больнице, помогал дружественной стране. У них ведь тоже очень не хватает врачей.

На острове Мадагаскар

В Индийском океане, неподалеку от юго-восточных берегов Африки находится четвертый в мире по величине остров — Мадагаскар. Местным жителям, которых здесь около шести миллионов, нравится называть свой большой остров маленьким континентом. Ведь площадь острова равна Франции и Бельгии, вместе взятым. Официальное же название страны — Малагасийская Республика. Происхождение населения во многом еще неясно. По всей видимости, древнейшие аборигены острова были выходцами из Восточной Африки. В X—VI веках до нашей эры на Мадагаскар проникли индонезийцы, которые ассимилировали прежних обитателей. На острове живут также арабы, индийцы, китайцы, суахили...

Когда я летел в столицу республики — город Тананариве, то в пути тщетно старался припомнить что-либо еще об этом малоизвестном острове. На ум пришли только строки Н. Гумилева:

Осторожен будь —
Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар...

И не больше. Дело в том, что с этим государством у нас нет дипломатических отношений, нет прямых торгово-экономических связей. Очень мало советских журналистов побывало пока на Мадагаскаре, а изданная в СССР литература об этой стране имеет главным образом исторический или географический характер.

На Мадагаскаре я провел две недели. Мне повезло. За такой небольшой отрезок времени удалось побывать на севере и на юге этой удивительной страны, повстречаться с десятками людей самого различного социаль-

ного положения, увидеть лачуги, слетенные, как корзины, из прутьев, и монументальные дворцы. Мне повезло и потому, что я встретил немало добрых людей, которые охотно показывали мне не только красивый фасад страны, но и задворки.

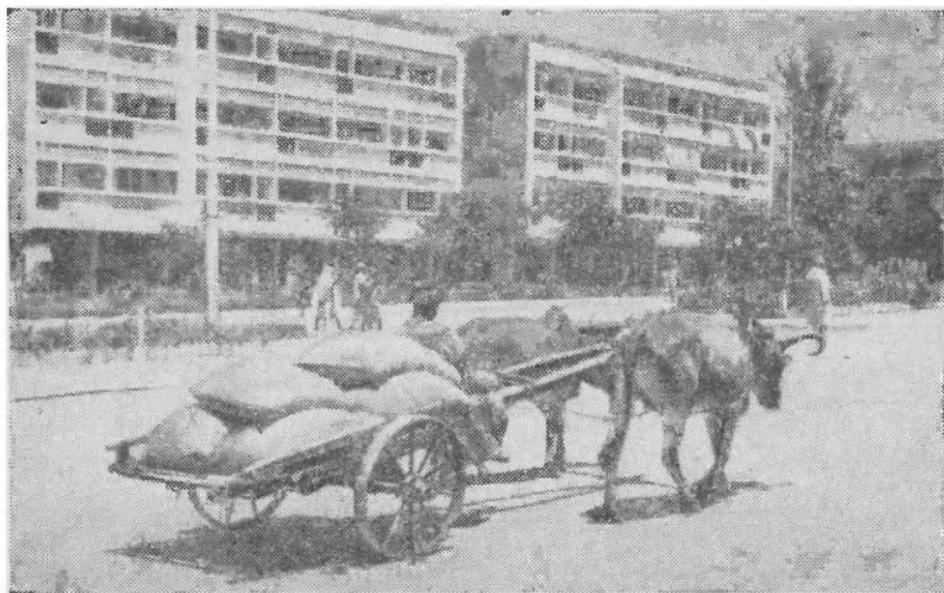
ПО УЛИЦАМ СТОЛИЦЫ

Тананариве расположен на гряде холмов, плотно одетых островерхими, похожими на скворечники, домами. Петляющие улицы то сбегают вниз, то ползут вверх. Ровных и прямых проспектов нет. Центр — площадь у подножия холмов. Посередине — большая клумба, ее обступают здания вокзала, муниципалитета, нефтяной компании «Шелл», почты, банка, католической церкви, лавки базара, рестораны, антикварные магазины.

В пятнадцати минутах ходьбы от центра расстилаются нежно-зеленые ковры рисовых полей. Рис в стране — главный продукт питания. Я был свидетелем проводимой правительством в городах и селах кампании по пропаганде современных методов выращивания риса. В столичных парках, под открытым небом разместились выставки, здесь же читались лекции, демонстрировалась техника. Я видел группу ребят, которые сосредоточенно переписывали в свои тетради какие-то данные с выставочных щитов. Расспросил. Оказалось, что в школе им задали сочинение на тему о разведении риса. Тут же, в парке, дымила походная кухня, и веселый балагур-повар предлагал прохожим бесплатно попробовать пиалу риса, сваренного по новому способу. Повар раздавал желающим рецепты приготовления рисовых блюд.

Пока сидишь в открытом уличном кафе, бродячие торговцы не раз предложат мозаичную карту Мадагаскара, выложенную на доске полудрагоценными камнями. Руды радиоактивных и редких металлов, графит, слюда, золото, горный хрусталь, полудрагоценные камни — все это богатства недр страны, которые только сейчас начинают понемногу осваивать. Я был в созданном недавно исследовательском институте минералогии, кабинеты которого похожи на сказочные пещеры — столько здесь собрано удивительных экспонатов.

По извилистым столичным улицам снуют малолитражные автомобили марки «ситроен». Их собирают в стране из частей, привезенных из Франции. Но еще долгое время машины не заменят малагасийцам зебу — крупный рогатый скот. Горбатые, с длинными, как у газелей, рогами, зебу бредут по улицам, дорогам и

Зебу можно встретить...
и на улицах городов Мадагаскара

полям Мадагаскара. Зебу на острове около шести миллионов, то есть в среднем на каждого жителя по одному. Недаром на малагасийских монетах изображена голова зебу с двумя полумесяцами рогов.

Если долго со стороны наблюдать прохожих в незнакомой стране, то постепенно начинаешь различать «кто есть кто». На Мадагаскаре редкий человек, будь то мужчина или женщина, не носит на плече ламбу — нечто вроде шарфа. У зажиточных шею обвивает белоснежная короткая ламба с перекинутым на плечо концом. Кто победнее, тот носит ламбу длинную, широкую, как простыня. Она для них уже не предмет украшения, а служит, когда нужно, плащом и одеялом. По воскресеньям

в церковь идут в черных костюмах, идут семьями, не спеша, степенно. Малагасийцы по вероисповеданию христиане — католики и протестанты. Кроме того, многие исповедуют и свои собственные традиционные культы, например поклонение умершим предкам. В одной семье я видел, как перед началом ужина щепоть риса положили в тот угол, где любил сидеть покойный дед. Мне объяснили, что этот знак внимания приятен духу предка...

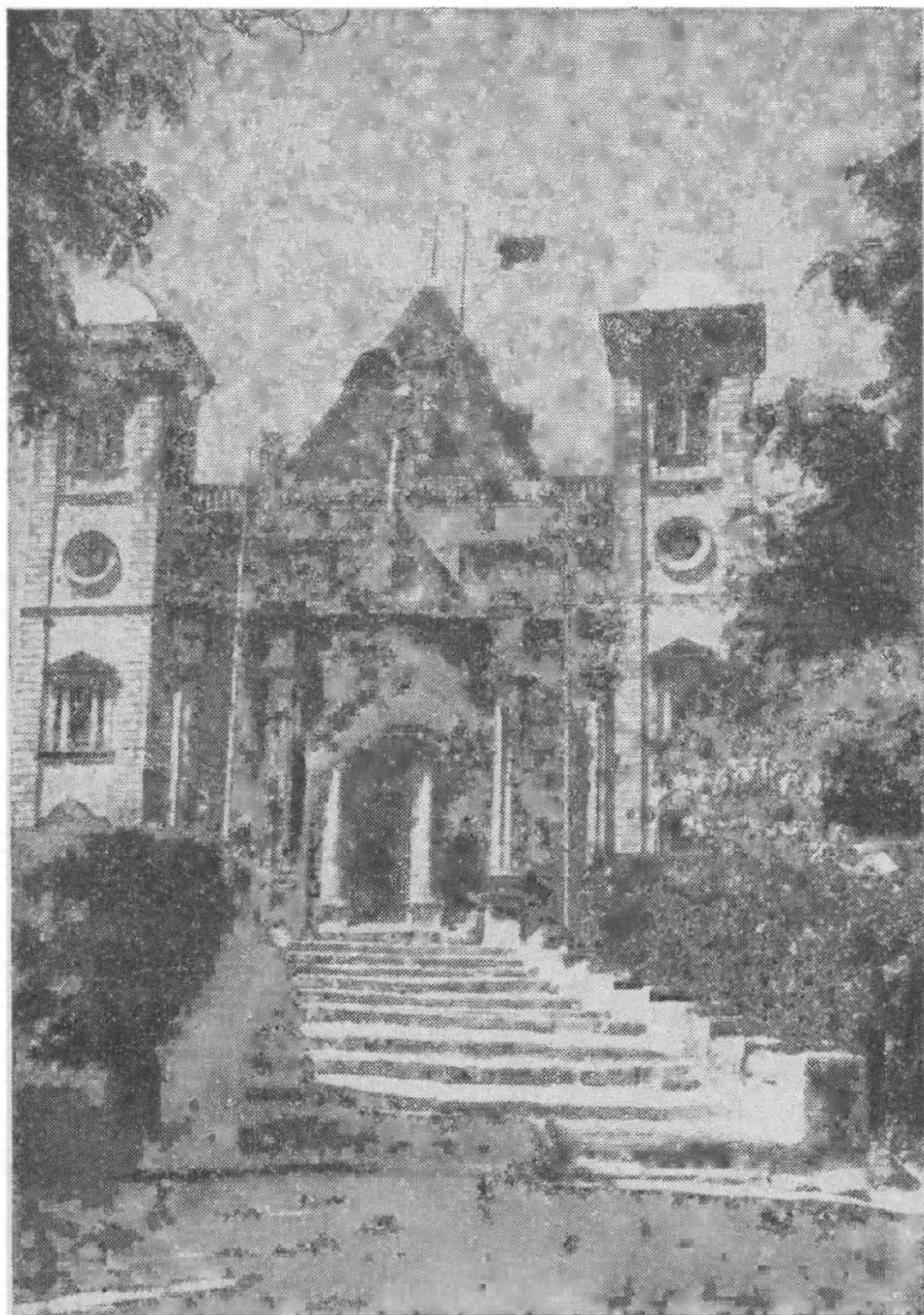
Как звезда на вершине новогодней елки, сверкает в лучах солнца на макушке самого высокого холма столицы дворец Рова. В марте 1897 года французский генерал Галлиени выдворил из этого дворца, а затем и из страны последнюю малагасийскую королеву Ранавалуну III. Так началась шестидесятилетняя колонизация острова. И поныне в крупных городах страны можно видеть памятники особо отличившимся за этот период французским офицерам, можно прочесть их фамилии на названиях улиц. Но нигде пока еще нет памятника ста тысячам патриотов, уничтоженных карателями-легионерами во время народного восстания в 1947 году.

В КАКУЮ СТОРОНУ?

Мне удалось побывать во многих удаленных друг от друга городах Мадагаскара отчасти потому, что самый распространенный вид транспорта на острове — воздушный. В стране мало дорог, да к тому же они еще и прескверные. На самолете же можно попасть в любой населенный пункт. Но это еще не значит, что в каждом городе есть аэродром. Помню, в Мандабе мы приземлились на поляне, заросшей буйными травами...

Север и Юг этой прекрасной страны незыблемо сохраняют свои вековые традиции и нравы. На Юге, например, до сих пор одежда женщин состоит из миниатюрной набедренной повязки, а северянки арабских племен с головы до ног закутаны в непроницаемую черную чадру.

На крошечном островке Нуси-Бе, где озера кишат крокодилами, жители делают из аллигаторов замечательные чучела. А в лесах центрального плато порхают знаменитые мадагаскарские бабочки величиной с летучую мышь. Охота на них здесь — профессия.

**Бывший королевский дворец
в Тананариве, ныне музей**

Восемь из десяти мужчин, встреченных в центре столицы, могут быть босыми, но обязательно в шляпах. Если идет семья, то грудного ребенка несет отец.

Да, все на Мадагаскаре необычно и непривычно. Председатель оппозиционной прогрессивной Партии Конгресса независимости Мадагаскара Ричард Андриаманзато является одновременно мэром Тананариве, депутатом парламента, председателем Совета мира Малагасийской Республики, директором коллежа, пастором протестантской церкви... Когда в назначенный вечерний час я пришел в дом к Андриаманзато, его жена, проводив меня в гостиную, попросила подождать:

— Ричарда срочно вызвали к умирающей... Он будет через полчаса.

Выполнив свой долг пастора, Андриаманзато возвращается к земным делам.

— В мире нет иного социализма, кроме социализма научного, на позициях которого твердо стоит наша партия,— говорит он в беседе со мной, затянувшейся далеко за полночь.

Пастор и социализм Маркса... Непривычно, странно. И в этом тоже необычность Мадагаскара.

Десять лет назад Мадагаскар отпраздновал завоевание независимости и почтил память жертв, павших от рук колонизаторов. Перед суверенным государством встал вопрос — по какому пути развиваться дальше? За капитализм никто открыто не высказывался. С одной стороны, он был непривлекателен хотя бы уже тем, что породил ненавистный колониализм, а с другой, сильной национальной буржуазии практически не было. Что касается социализма, то в те времена даже одного этого слова побаивались. Скажу почему: колониальная пропаганда долгие годы запугивала массы социализмом, представляя его в извращенном, карикатурном виде.

Ориентация малагасийского правительства на развитие частнокапиталистических отношений не вызывает сомнений, хотя находящаяся у власти Социал-демократическая партия выдвинула лозунг строительства особого, «малагасийского социализма». Лозунг имел определенное время успех среди националистически настроенной интеллигенции и тех слоев населения, из которых она вышла и на которые имела влияние. Партия Конгресса независимости Мадагаскара сделала предостережение:

Мадагаскар. Рикша на одной из улиц Мадзунги

социализм может быть только одним — научным, а все остальное ничего общего с ним не имеет.

Страна не может пока гордиться заметными сдвигами в народном хозяйстве. Экономический барометр постоянно показывает «пасмурно». В столь бесперспективной, туманной атмосфере мыслящая интеллигенция, критически настроенная молодежь все серьезнее задумываются: что же такое настоящий социализм и почему он теперь является столь же запретным плодом, как и при колонизаторах?

Вот почему растет интерес к социализму и к СССР. Интерес этот стараются сгладить. Американская радиостанция в Эфиопии, например, регулярно пытается заглушить передачи московского радио на малагасийском языке.

На мой взгляд, правительство республики нельзя упрекнуть в отсутствии стремления повысить благосостояние народа, но уровень жизни в стране по-прежнему низкий. И причина в том, что в планах малагасийского правительства упор делается не на собственные силы нации, не на энтузиазм, а на иностранную помощь.

Есть люди, в том числе и министры, и мне довелось с ними говорить, которые твердят: своими силами ничего

не сделать, только широкое привлечение иностранцев и их капиталов способно вывести Мадагаскар из отсталости. Но есть люди, в том числе и министры, и я тоже с ними встречался, которые придерживаются иных взглядов.

У МИНИСТРА

Иду по длинным лабиринтам коридоров одного из министерств Малагасийской Республики. Слышно, как стрекочут пишущие машинки. Снуют люди в штатском и в военной форме. В конце коридора, на втором этаже, кабинет министра. Вход заслоняет монументальная фигура чернокожего стражника. Подхожу к нему, называю себя. Охранник исчезает за дверью, но тут же появляется снова, щелкает каблуками оранжевых ботинок и замирает. В проеме двери стоит крупный человек в белой тергалевой куртке с отложным воротничком. Он протягивает мне руку, пропускает вперед и два раза поворачивает ключ в массивной, как у сейфа, двери...

Письменный стол министра завален книгами, по стенам тянутся шеренги книжных полок. Усадив меня в кресло, министр удобно устраивается напротив. Между нами стеклянная плоскость низкого столика с круглой пепельницей и пачкой сигарет. Мы обмениваемся вежливыми стандартными фразами.

— Я слышал, господин министр, что вы — инициатор создания в стране сельскохозяйственных коммун...

Так начинается наша увлекательная полтора часовая беседа. Рокочет густой бас моего собеседника, он жестикулирует, иногда встает, ходит по тесному кабинету.

— Мы не хотим, чтобы из нас, как и прежде, тянули соки. Не выйдет! Мы ищем выход и найдем его. Я читал Маркса, видите, на моем столе лежит зачитанный до дыр «Капитал». Я изучал опыт социалистических стран. Однако ваш опыт нельзя механически переносить на нашу почву. Надо прежде всего хорошо знать местные условия. Вот тогда-то и можно сделать большие перемены в жизни страны. Несколько лет назад мы развернули кампанию за создание синдикатов сельскохозяйственных коммун. Что это такое? Крестьяне объединяются в коммуны, из представителей коммун создается руководящий орган — синдикат. Последний имеет свой исполнитель-

ный орган — штат технических работников, куда входят экономисты, счетоводы и так далее. Члены синдиката сообща решают, какую культуру и в каком количестве следует производить, по какой цене скупать у крестьян урожай. Самостоятельно реализовав на внешних рынках продукцию, синдикат на полученную прибыль приобретает технику для своих машинно-тракторных станций, строит склады, покупает сортовые семена и тому подобное. Такая система вносит определенную организованность в ведение хозяйства. Главное же состоит в том, что устраняется масса иностранных посредников между крестьянином и потребителем. Их ведь еще много на Мадагаскаре, всякого рода перекупщиков, торговых агентов, нещадно обкрадывающих крестьян. Но мы скоро и до них доберемся — создадим специальную комиссию для изучения деятельности и рода занятия иностранцев, проживающих в республике. Раньше, например, посредники предлагали крестьянам по восемнадцать франков за килограмм арахиса. Наши синдикаты вмешались и скупали по двадцать четыре франка. Убедительно? А представляете, какие фантастические суммы наживали эти люди, десятки лет оперируя тысячами тонн?

Я слушал министра, записывал. Позже мне представилась возможность побывать и в самих коммунах. Нет сомнений, что синдикаты — это полезное и нужное для республики начинание. Объединение крестьян в собственные, сбытовые кооперативы, конечно, позволяет обороняться от иностранных посредников-эксплуататоров.

— Я выведу крестьян на ровную дорогу, — говорит министр. Эти труженики работают больше всех, а получают меньше всех. Ваш великий революционер Владимир Ленин никогда не забывал о крестьянском вопросе, он добивался союза крестьянской бедноты с рабочими. Такой союз обеспечил победу Октябрьской революции в России. И мы тоже должны помнить о своих крестьянах. Ведь они все еще в клещах у эксплуататоров. Мы должны разжать эти клещи, дать им вздохнуть.

Голос его уже гремит, он говорит самозабвенно, как о давно наболевшем.

Я наблюдаю за своим собеседником, стараясь глубже понять его.

Министр встал, прошелся по комнате. Большой, слегка полнеющий, похожий на борца. Темно-коричневый,

как жареные кофейные зерна, цвет лица; умные живые глаза, толстые, плотно сжатые губы.

— Я — сын крестьянина. И о них, о крестьянах, болит мое сердце. Меня мало беспокоит то, что мои нововведения на селе кому-то не нравятся. Случается, что мне предлагают так называемые почетные акции тех предприятий, которые у нас создаются иностранцами. Я их не беру. Мог бы этого и не говорить, но раз уж сказал, а вы — записали, то ничего не поделаешь.

Он делается веселым, лукавым. Пошутил, и моментально снова стал серьезным.

— На Западе сейчас в моде противозачаточные пилюли. Их рекомендуют для сокращения прироста населения. И у нас тоже находятся люди, которые предлагают ввести эти пилюли. Это в нашей-то огромной и богатой стране?! Разве только пять миллионов может прокормить наша земля? Она прокормит все пятьдесят!

Он хватается за круглую коротко остриженную голову.

— Ах, сколько у нас пропадает хорошей целинной земли!

Его лицо с большими, грустными теперь глазами совсем близко от меня. Он произносит фразу, которая, по моему, стала программой его жизни:

— Нам нужно наверстать шестьдесят колониальных потерянных лет. Вот на это и следует ориентировать нацию.

Когда мы прощались, министр со свойственной ему манерой удивлять вдруг предложил:

— Хотите, я дам вам свой самолет, и вы облетите страну, побываете в коммунах?

Нужно ли было раздумывать?

На следующее утро маленький двухмоторный самолет уносил меня на юг острова.

ЛЮДИ С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Город Мурундава находится на юго-западном побережье Мадагаскара, обращенном в сторону Африки. Единственный в городе деревянный отель без названия похож на разошедшийся корабль. Поскрипывают ступеньки, двери, ставни. Да это и не удивительно — в тени здесь плюс

сорок три градуса. Жара и океанская влага, смешавшись в какую-то сплошную массу, заволокли город.

— Сегодня двое умерли от солнечного удара,— говорит префект Мурундавы Рамилиаризон.

Мы сидим в тени веранды отеля в каких-то чудных креслах, сделанных из палок и ремней. Префект заказывает новую порцию виски, бросает в рыжую жидкость кубики льда. Виски помогает переносить жару.

То, о чем обстоятельно рассказывает Рамилиаризон, можно назвать краткой лекцией на тему о земле малагасийской...

Лет сто назад, еще до прихода французов, остров слыл страной грамотных, образованных людей. Так, еще в 1880 году королева Ранавалуна издала декрет о всеобщем школьном обучении. Однако уже в 1908 году, то есть через каких-то десять лет после захвата страны французами, число учащихся сократилось в три раза. Но речь не о том. При всей своей грамотности малагасийцы не отличались склонностью к бюрократизму. Во многих случаях, когда в наше время требуется бумага за семью печатями, в прежние времена было достаточно честного слова. Это относится, в частности, к землевладению, имевшему на Мадагаскаре так называемый традиционный характер. Что это означало? Каждый род земледельцев имел свой участок, испокон веков передававшийся по наследству. Причем никаких документов не составлялось. Колонизаторы, установив свою юриспруденцию, быстро воспользовались этим обстоятельством. Облюбовав лучшие крестьянские земли, уже возделанные и близко расположенные от городов, они официально делали на них заявку, а затем регистрировали как свою собственность. Крестьян сгоняли, и, куда бы они ни обращались, везде закон был на стороне французских поселенцев, поскольку малагасийцы документально не могли доказать свои права.

Так происходила колонизация в сельской местности, сопровождавшаяся массовым разорением малагасийских крестьян. Выгнанные с насиженных мест, обездоленные, они становились батраками, сезонными рабочими на плантациях колонизаторов. Освоить новые земли разоренным бедняцким хозяйствам было не под силу ни в прошлые годы, ни теперь. А плодородных, но не освоенных площадей в стране очень много. Много и

полноводных рек, озер. Когда вы летите над островом, то сверху он кажется обвитым алыми лентами — так выглядит густая сеть рек, протекающих по красноземам. Для освоения этих даров природы передовые люди хотят объединить крестьян в коллективы, помочь им техникой, научить современным методам ведения хозяйства.

Когда жару начинает немного разбавлять свежий ветерок с океана, мы с префектом выходим из-под укрытия и в его черном «лежо» едем в штаб синдикатов. В просторном аккуратном помещении за письменным столом работают человек десять. При нашем появлении они разом встают, как ученики в классе, здороваются и снова углубляются в бумаги. На потолке вращается огромный, будто весло, пропеллер вентилятора. Председатель синдиката Мохамед Бакари охотно рассказывает о себе, о своих товарищах, о техническом директоре, которого послали в столицу на курсы усовершенствования, о скромных пока успехах и немалых трудностях.

Мы входим в большой, как вокзальный зал, амбар. На ровном цементном полу сверкают, словно сахарные, горы белых крупных бобов. Это редкий сорт «кап», который выращивается на Мадагаскаре. Возле каждой такой горы сидят женщины. Вручную сортируя бобы, они перебирают сотни тонн: серый боб в сторону, сломанный — в другую, белый без изъяна — отдельно. Затем бобы калибруют, пропуская через специальные ящики — сита; после этого упаковывают в джутовые мешки с фирменной маркой. Продукция экспортируется.

Едем в другой амбар. Там аналогичная картина. Только вместо бобов обрабатывают арахис — земляной орех. Сначала только что доставленный с полей арахис до белизны отмывают в особых ваннах, потом сортируют по количеству ядер в скорлупе.

Проезжаем по набережной. Солнце, отраженное в зеленом, как бутылочное стекло, океане, слепит глаза, словно на тебя навели зеркалом большого «зайчика». Префект вдруг неожиданно останавливает машину.

— Пойдемте, — говорит он, — я вам покажу одного капиталиста, песенка которого уже спета...

Тот, о ком говорит префект, оказался очень толстым индийцем — владельцем единственной во всей префектуре холодильной камеры для хранения свежей рыбы. В это время он сидел в соседнем кафе ипил прохладитель-

тельные напитки. Увидев, что мы направляемся к его предприятию, он засеменял нам наперерез.

— Иностранный журналист интересуется сортами рыбы, хранящейся в вашем холодильнике,— сказал префект, заговорщически подмигивая мне.

— Ничем особенным удивить не могу,— отвечал хозяин, пропуская нас внутрь небольшого каменного домика, похожего на трансформаторную будку.— Сейчас для ловли не сезон...

Он переключил какие-то рубильники на стене и открыл дверь, за которой трещал мороз. Я шагнул в клубы ледяного тумана. Здесь, на полках, обросших инеем, штабелями лежали диковинные рыбы.

Мы продолжаем свой путь, а префект между тем рассказывает...

Индиец с его уникальной холодильной установкой много лет был монополистом: он диктовал рыбакам цены на рыбу, устанавливал тарифы за ее хранение. Что поделаешь! Когда пирога возвращается с хорошим уловом, а термометр в тени показывает плюс сорок градусов, то тут уж не до размышлений. Чуть замешкался — и вся рыба протухла, бросай ее снова в океан... Год

Баобабы Мадагаскара

назад местные рыбаки решили по примеру крестьян объединиться в кооперативы. И вот что из этого получилось.

Взвизгнули тормоза. Стоп! Перед нами на пустынном берегу, почти у самой воды, стоит светло-зеленый терем без окон и с одной дверью. Это новая холодильная установка, построенная членами рыболовецкого кооператива Мурундавы. В те дни заканчивались последние отделочные работы. И я уверен, что сейчас рыбаки уже забыли дорогу к монополисту.

И снова мы едем и ходим по городу. Меня везут туда, куда мне хочется. Я захожу в школу, неистово шумящую во время перемены, рассматриваю строгий, со знаменем в углу кабинет префекта, брожу по окраинам среди убогих хижин, фотографирую могилы с традиционными деревянными скульптурами.

— Что бы вы хотели еще увидеть? — спрашивает Рамилиаризон.

— Баобабы,— отвечаю я. И меня везут за двадцать километров от города в леса исполинских деревьев, похожих на дирижабли, поставленные «на попа».

Префект, у которого одиннадцать детей, и трое из них, как оказалось, были в тот день больны, расстался со мной в третьем часу ночи...

Гибралтарские встречи

Комфортабельный паром, дважды в день курсирующий между Африкой и Европой, приближался к Гибралтару. У перил верхней палубы столпились пассажиры. Жужжат любительские кинокамеры, щелкают затворы фотоаппаратов. Высокий англичанин в клетчатом пиджаке установил портативный мольберт и неторопливо делает этюд гибралтарской скалы. Безучастные ко всему на свете нечесанные битники неопределенного пола поплевывают в черносородиновые волны. Многодетная французская семья громко обсуждает вопрос о том, сколько времени пробыть в Гибралтаре. Взрослые за то, чтобы неделю, молодежь — чтобы три дня.

— Вам хватит и двух часов! Там ничего нет, кроме единственной улицы Мэйн Стрит, — авторитетно заявляет румяный немец, аптекарь из Гамбурга, выпуская из кинокамеры длинную очередь по скале.

— Смотря как подходить к этому вопросу, сэр. Пивных там несомненно меньше, чем в Баварии.

Эту реплику подает англичанин. Искра принципиального спора вспыхнула. Публика делится на три лагеря: приверженцы Гибралтара, противники и нейтралы, никогда там не бывавшие. Битники с тоскливой индифферентностью перевесились через борт. Похоже, они очень голодны.

Кажется, англичанин прав: все зависит от того, как подходить к вещам и явлениям. Попробуем внимательно и беспристрастно оглядеть гибралтарскую скалу...

Гибралтар был захвачен англичанами два с половиной века назад. В Лондоне поняли и оценили чрезвычайно оригинальное расположение этой скалы, созданной капризом природы. Здесь — стык Европы с Африкой, которая видна из Гибралтара в хорошую погоду; здесь

проходит великий водный коридор, соединяющий Атлантику с бассейном Средиземного моря.

Во время войны за испанское наследство, в 1704 году, соединенная англо-голландская эскадра под командованием английского адмирала Рока захватила Гибралтар. По Утрехтскому мирному договору 1713 года Гибралтар официально стал английской колонией, каковой он и является по сей день.

С тех пор вот уже третье столетие Испания ведет непрерывную борьбу за присоединение скалы к своей территории. Диалог между мадридским и лондонским дворами далеко не всегда выглядел как чопорный обмен свитками дипломатических нот. Порой монархи срывались на крик и двигали друг на друга полки. Четырнадцать раз бросались испанцы на штурм гибралтарской крепости, но, как видим, англичане и ныне там. Самая длительная осада продолжалась три года семь месяцев и двадцать дней — с июня 1779 по февраль 1783 года. Осажденные выстояли и на этот раз.

Шли годы. Много воды утекло через пролив, много событий произошло в мире. Изменился и Гибралтар. Теперь это уже не та классическая крепость с зубцами башен и амбразурами бойниц, каким Гибралтар запечатлен на старинных гравюрах. Уступы скалы заставлены разноцветными домами, на заоблачный хребет проведен канатный фуникулер, в самом центре города, в парке Аламеда, разбита площадка для гольфа. Авиация, как известно, возникла значительно позже, чем игра в гольф, и места для аэродрома не осталось. Поэтому взлетно-посадочное поле построено прямо на море.

Испанцы уже давно не штурмуют Гибралтар силой, но тяжба за него все продолжается и конца ей пока не видно.

СТОРОЖЕВАЯ ВЫШКА

Не странным ли кажется, что вокруг гибралтарского утеса разгорелся пожар политических страстей? Чем объяснить, что Гибралтар хронически сделался скалой преткновения интересов двух европейских государств?

Разбирательством англо-испанской тяжбы занималась даже Организация Объединенных Наций, этот вопрос рассматривал специальный Комитет 24-х. И все пока тщето.

Однако странного в гибралтарской истории ничего нет. Ведь скала для Англии — это прежде всего важнейший военно-стратегический центр, своего рода сторожевая вышка на перекрестке мировых морских путей. Небольшой пример. Владелец популярного в Гибралтаре ресторана «Фарола» португалец Давид Фариа любит заключать беспронгршное пари: партнеру предлагается уловить момент, когда из окон харчевни видно меньше шести кораблей, проходящих через пролив... Фокус состоит в том, что такого момента не бывает ни днем, ни ночью. Беспрерывный караван судов под флагами всего мира круглосуточно дефилирует через гибралтарские ворота. Специальные локаторы, вмонтированные в скалу, чутко улавливают каждый звук, обшаривают своими невидимыми щупальцами каждое проходящее мимо судно.

Но это не все. Гибралтар для Англии — это военно-морская и военно-воздушная база. Сфера ее действия распространяется на Европу, равно как на Африку и Ближний Восток. Возьмем хотя бы маневры НАТО, которые периодически проводятся у берегов Гибралтара. В эти дни в Гибралтаре веет временами давно забытых военных лет. В акватории порта и на рейде выстраиваются боевые корабли под флагами Англии, Канады, Голландии, Норвегии, Португалии. Франция на этой своеобразной ярмарке военного тщеславия, как правило, представлена подводными лодками и авиацией. Город, наводненный солдатами морской пехоты и воздушного десанта, кажется оккупированным.

Правящие круги Испании питают к Гибралтару не менее корыстную любовь, чем соперники из Старого Света. Ведь по ту сторону пролива, напротив гибралтарской скалы, находится захваченный Испанией марокканский город Сеута. Если испанская военщина получит еще и Гибралтар, то пролив окажется в ее руках. Между прочим, о возвращении марокканцам их исконной территории — Сеуты Мадрид и слышать не хочет.

Есть и другая подоплека в споре. Предъявляя права на Гибралтар, испанское правительство хлопочет не

столько за себя, сколько за американцев. У Пентагона составлен свой план: с помощью Испании выжить англичан, занять их место и сделать скалу наглухо закрытой зоной, своей сторожевой вышкой.

ЛАССО БЛОКАДЫ

Что представляет собой Гибралтар с точки зрения физической географии? Даже на больших картах конфигурацию этой крайней юго-западной точки Европы разобрать довольно трудно — настолько скала микроскопична. А вблизи все это выглядит так: каменная глыба в полкилометра высотой, площадью девять с половиной квадратных километров, соединенная с материком перемычкой перешейка. Перешеек является «ничейной землей», то есть, нейтральной зоной. Здесь проложена хорошая шоссейная дорога. Одним концом дорога упирается в железную решетку ворот британской колонии, другим — в здание испанской таможни.

В 1964 году испанцы объявили Гибралтару экономическую блокаду, изолировав его от своей территории частоклом соответствующих санкций. Если в прежние времена по нейтральной зоне сплошным потоком шли в обоих направлениях вереницы автомашин, то теперь здесь не встретишь и велосипедиста. Проезд любому автотранспорту из Испании в Гибралтар категорически воспрещен; из Гибралтара на материк пропускают лишь кареты «скорой помощи».

Такая репрессивная мера повлекла за собой сильное сокращение иностранного туризма. В период летних отпусков излюбленный маршрут европейских автотуристов пролегал через Испанию в Гибралтар, откуда паром за два часа доставлял путешественников вместе с машинами в Танжер, в Африку. Теперь, когда этот путь из Европы в Африку перекрыт, туристскому промыслу гибралтарцев нанесен серьезный ущерб.

Смыкая кольцо блокады, Испания полностью прекратила торговлю с английской колонией. И пострадали снова гибралтарцы, не имеющие ни своего сельского хозяйства, ни промышленности. Правда, подвоз продуктов налажен из Танжера, однако проблема обеспечения

водой пока не разрешена. В Гибралтаре нет ни рек, ни озер. Вода здесь либо привозная, либо собранная из осадков. Один из склонов горы задрапирован, как чешуей, листьями оцинкованного железа. Дождевые воды стекают по этому огромному противню в резервуар, спрятанный в недрах горы. Из этого гигантского кубка и пьет весь город. Но воды все равно не хватает. Газеты на видном месте помещают аншлаги «Экономьте воду!» и дают советы, как это делать. Дожди — явление стихийное, а испанская блокада затянулась всерьез и надолго. Поэтому гибралтарцы заказали британской фирме «Аква Шем» опреснительную установку. Из моря будет добываться миллион литров питьевой воды в день.

Следующей репрессивной акцией Мадрида было частичное запрещение испанским гражданам работать в Гибралтаре. Прежде каждое утро из района Альхесирас на работу в Гибралтар приходили пятнадцать тысяч испанцев. В основном это были докеры, а также рабочие строительных предприятий и судоремонтных мастерских. Запрет на использование испанской рабочей силы распространен на десять тысяч рабочих, а пять тысяч могут пока дважды в день пересекать границу.

Но и на этот раз гибралтарцев выручила близость Танжера, откуда теперь вербуют марокканцев для работы в порту и доках.

ПЛЕБИСЦИТ ПО ЗАЯВКЕ ЛОНДОНА

Независимо от экономических санкций испанцев переговоры о судьбе скалы шли своим чередом. Временами эти собеседования опускались до уровня послов, временами поднимались до шкалы министров. Со стороны казалось, что джентльмены говорят о совершенно разных вещах. Испанцы требовали возврата принадлежавшего им когда-то утеса, англичане, как бы не слыша этого, раскладывали пасьянс своих встречных претензий — снять запреты на торговлю, на передвижение транспорта, на использование рабочей силы...

Не удивительно, что в конце концов обе стороны зашли в тупик: им не о чем стало говорить. Тогда

Лондон неожиданно объявил: пусть жители сами решат, быть ли Гибралтару английской колонией или не быть. И на 10 сентября 1967 года назначается плебисцит. Для мировой общественности это мероприятие обставлялось с безупречной корректностью: в присутствии иностранных наблюдателей население путем тайного голосования должно высказать свое мнение о судьбе скалы. Да, англичане были спокойны за итоги опроса, ибо знали их наперед. В чью пользу, как не в пользу Англии, могли высказаться жители Гибралтара, если большинство из них имеет британское гражданство, если вся администрация состоит из людей с английскими паспортами, если, наконец, скала оккупирована королевскими войсками.

Итак, ранним воскресным утром жителей Гибралтара пригласили к урнам и роздали бюллетени с вопросом: «Англия или Испания?» Причем участвовать в опросе имели право лишь те граждане, которые могли документально доказать, что по меньшей мере три поколения их предков проживали в Гибралтаре.

Как и следовало ожидать, плебисцит был разыгран без сучка и задоринки, словно хорошо отрепетированная сцена. 12 237 человек высказались за то, чтобы скала осталась под управлением британского губернатора, и лишь 44 голоса было подано за присоединение к Испании.

В этот день по другую сторону пограничного шлагбаума царила напряженная тишина. Индальгенцию, которую смастерили себе британцы путем беспроигрышного плебисцита, испанское правительство заранее объявило не имеющей никакой силы. Зловещее молчание испанцев не на шутку встревожило правителя Гибралтара генерала Латбури. В Лондон полетели запросы о срочном усилении местного гарнизона. И гарнизон усилили, прислав дополнительно четыреста солдат. На этом развитие событий приостановилось...

ХОББИ ГИБРАЛТАРА

Пассажир на пароме, утверждавший, что в Гибралтаре нет ничего достопримечательного, оказался, конечно, не прав. Помимо тех военных сооружений, которыми

обросла скала, здесь есть еще и двадцать пять тысяч штатских мирных жителей. Это они покорили неприятную каменную глыбу, вдохнули в нее жизнь. И если стратеги свили в Гибралтаре свои осиные гнезда, то мирное население создало рай для туристов, коммерсантов, любителей подводного плавания и так далее. Около четырех тысяч торговых и пассажирских кораблей заходит ежегодно в гибралтарский порт. Здесь, в свободной зоне порта или прямо на рейде, происходит перепродажа и перегрузка колоссальной массы всевозможных товаров. Все операции совершаются с минимальными формальностями, так как в Гибралтаре торговля не лимитирована, ведется свободно и беспошлинно. В этом и заключается его притягательная сила для «купцов» международной категории.

Отели и рестораны в Гибралтаре — на любой карман и любой вкус. Банки и разменные конторы примут и обменяют на фунты или песеты любую валюту, какая только существует на свете. В фешенебельном казино до зари крутится диск рулетки, щелкают игральные автоматы, шелестят по зеленому сукну атласные карты...

Дома из того же камня, что и скала, прилепились у ее подножия, карабкаются по склонам. Для причалов, доков, аэродрома места не хватило; они построены прямо на море. Прилетев или приплыв в Гибралтар, попадаешь на стоянку извозчиков. Рыжие, белые ухаженные лошади запряжены в старинные, весело разрисованные кареты. Возницы, восседая на высоких козлах, зазывают приезжих прокатиться, охотно позируют перед объективом. Здесь же, неподалеку, стоянка такси. Но конкуренции нет, работы хватает и лошадям и машинам: Гибралтар сжегодно посещают больше полумиллиона туристов.

Стержень города, его деловая часть — авеню Мэйн Стрит. Главная магистраль похожа на коридор музея, заставленный шкафами с экспонатами. За стеклами витрин — автомобили, каскады драгоценностей, гарнитуры столовых и спален, стереофонические пианино, снаряжение аквалангистов, боевое оружие, коллекции марок. Беспошлинный, свободный ввоз и вывоз товаров, наплыв туристов — все это сделало Гибралтар своеобразной постоянной ярмаркой. Торгуют любыми

товарами, в ходу любая валюта. Двадцатипятипятитысячное население, обжившее скалу, ничего само не производит. В Гибралтаре нет ни промышленности, ни сельского хозяйства. Коммерция, обслуживание иностранцев, портовые работы, содержание бесчисленных ресторанов, отелей, увеселительных заведений — таков «промысел» гибралтарцев. Докеры, официанты и приказчики составляют, пожалуй, основную часть трудового люда.

Местные жители одинаково свободно говорят на английском и испанском языках, а их национальный состав весьма разнообразен. Это давным-давно осевшие здесь мальтийцы, англичане, испанцы, евреи, индийцы, арабы, португальцы. Но все они, утратив связь со страной своего происхождения или, чаще всего, вообще ее никогда не имея, потому что родились на скале, называют себя гибралтарцами. Национальности такой, конечно, нет, но по-другому обитатели скалы себя величать не желают.

За деловой частью города начинается район жилых кварталов. Сначала это массивы стандартных девятиэтажных домов, затем идут задрапированные зеленью коттеджи, виллы. На ладонях маленьких площадей, на высоких пьедесталах ржавеют бюсты когда-то воевавших за Гибралтар английских полководцев.

Вот, собственно, и весь город... Добавлю, что в Гибралтаре больше десяти колледжей, выходят четыре газеты, работают мавританские бани, действуют два собора, есть стадион, музей, три кинотеатра, казино с азартными играми; восемнадцать государств имеют свои консульства. И все это умещается на территории, равной московскому Сокольническому парку.

ВСТРЕЧИ

По утрам, когда вянут букеты неоновых реклам, первыми на улицах появляются женщины с ведрами и тряпками в руках: хозяйки моют перед своими домами белые каменные плиты тротуаров. Там и сям начинают клокотать остывшие за ночь моторы автомашин. Со скрипом поднимаются железные шторы магазинов. В кафе расставляют стулья, звенят посудой. Затем

Извозчик в Гибралтаре

как-то незаметно ритм жизни переходит на мажор. Из щелей переулков, из хлопающих дверей домов, из автобусов выскакивают люди, мчатся автомашины и кареты, гудят пароходы, поют транзисторы. У стоек баров за чашкой кофе, развернув паруса газет, толпятся завсегда. Похожий на Черчилля владелец ресторана «Капри» выставляет на витрину огромного живого лангуста. В белоснежной форме, как поварята, прогуливаются отпущенные на берег молоденькие английские матросы. Покупая сигареты, они достают деньги почему-то из носка и в носок же прячут сигареты...

Разглядев попристальной город, я решил, что пора, наконец, знакомиться с его обитателями. Для этого был нужен человек, расположенный к беседе. Именно таким мне показался хозяин магазина «Ред Хауз», где представлены все крупнейшие радиотехнические и оптические фирмы мира. Дела этого предприятия шли явно хорошо — упитанный владелец расхаживал по просторному помещению магазина, расточая улыбки красавицам продавщицам, помогая туристам выбрать нужную вещь. Мы встретились глазами, заулыбались и тут же познакомились.

— Серфати, министр туризма,— представился коммерсант и повел меня на второй этаж. Здесь помещалось его министерство.— Не удивляйтесь,— говорил торговец-министр,— ведь это Гибралтар! Здесь все, кто может, торгуют. И у премьера тоже есть свой магазин...

Министр быстро составил для меня расписание встреч с интересными, по его мнению, людьми, созвонился с ними, предложил поездку в сопровождении гида...

Начальник губернаторской канцелярии Джон Клинтон — плотный, усатый, похожий на моржа, принял меня в своей рабочей комнате. На столе, стульях, подоконнике и прямо на полу громоздились кипы бумаг, книг, подшивок газет. Клинтон отобрал стопку проспектов и брошюр, перевязал ее бечевкой.

— Здесь все, что издавалось за последние годы о Гибралтаре, — сказал он, протягивая подарок. Я поблагодарил. Помолчали. Аудиенция, кажется, на этом заканчивалась.

— Не могли бы вы, господин Клинтон, рассказать мне о Гибралтаре своими словами кроме того, что написано?

Клинтон направился к огромному, во всю стену, резному шкафу. Я ошибся, подумав, что и там тоже книги. Полки шкафа снизу доверху были уставлены бутылками. Стало понятно, почему комната завалена прессой.

Со стаканами джина мы уселись в рыжие кожаные кресла.

— Итак, в далекие-предалекие времена,— начал Клинтон тоном сказочника,— наша скала была известна под именем «Мон Кальп». Финикийцы, карфагеняне, греки, римляне причаливали свои корабли к крутым, неприступным тогда берегам, пытаясь их обжить. В 711 году Мон Кальп захватил арабский завоеватель Тарик Ибн-Зейяд. Он основал здесь крепость, которая продержалась восемь веков. С тех пор в честь завоевателя скала стала называться «Джебель Тарик» (по-арабски — Гора Тарика), что на европейских языках звучит как Гибралтар. Ныне Гибралтар — самоуправляемая колония со своим выборным правительством из одиннадцати членов, со своим законодательством,

своей валютой, почтовыми марками, обществом по охране животных...

На этом месте я перебил рассказчика и спросил о функциях губернатора, который, как я слышал, прислан сюда из Лондона. Дальше повествование пошло менее гладко. Если экскурс в историю удался как хорошо выученный урок, то о сегодняшнем дне Гибралтара говорить оказалось труднее...

Постепенно, шаг за шагом, я открывал подлинный Гибралтар, скрытый за камуфляжем договоров и деклараций о самоуправлении. Да, в Гибралтаре есть свое правительство, но состоит оно из англичан — пунктуальных проводников политики метрополии. Да, в Гибралтаре есть свой премьер. Но любая его акция делается с санкции генерала Латбури, фактического и неограниченного правителя колонии. Ему принадлежит право вето, в его руках вся власть.

Из кабинета Клинтона я вышел со стопкой книг и несколько расширившимся представлением о Гибралтаре...

Над входом в нефтяную компанию «Шелл» светилась традиционная эмблема: розовая морская раковина. Директор Шарль Прескот подвел меня к окну, выходящему на море. У причала дремал десяток кораблей, и среди них два под советскими флагами — «Галилео Галилей» и «Люботин».

— Советские суда — частые гости в Гибралтаре, — рассказывал Прескот. — Ежегодно мы обслуживаем и снабжаем топливом около восьмисот ваших кораблей. Для своих служащих нам пришлось даже организовать курсы русского языка...

Редакция газеты «Вокс» походила на склад оружия. На стенах, на полках, на стендах собран целый арсенал пистолетов, револьверов, ружей — начиная от кремневых и кончая ружьями с бесшумным устройством. В углу стояла пушка.

— У всякого свое увлечение, — пояснил редактор газеты господин Кампелло. — Я коллекционирую огнестрельное оружие и автографы журналистов.

Он подал мне толстую в черном переплете книгу и попросил расписаться. Я был триста двадцатым по счету.

Увеселительное княжество Монако

В центре Европы, на берегу перламутрового Средиземного моря расположено крошечное княжество. Называется оно Монако. Владеют Монако принц Ренье III и принцесса Грейс Келли, в прошлом голливудская кинозвезда.

Похоже на сказку, не правда ли? Или на игру взрослых в сказочную быль... Впрочем, может быть, так оно и есть? Судите сами...

БЕЗ ВИЗЫ И ГРАНИЦ

В Монако я отправился из Ниццы на такси. Шофер сказал, что визы для въезда в княжество не требуется.

Мы ехали среди белых приморских скал. Я расспрашивал шофера о том о сем. Осведомился, между прочим, и о таможенных формальностях на границе Франции и Монако. Водитель рассмеялся:

— Мы уже пересекли символическую франко-монакскую границу и едем по территории княжества.

Услышав это, я тотчас попросил остановить автомобиль, расплатился и дальше пошел пешком.

Читателю станет понятна моя реакция, когда он узнает, что площадь Монако чуть больше полутора квадратных километра... Разъезжать по микроскопическому княжеству не имело смысла.

Пройдя несколько шагов, я оказался на распутье трех дорог и, как в былинах, выбрал самую трудную —

неасфальтированную, начерно прорубленную в горе тропу. Сожалеть о выборе не пришлось. Безлюдная крутая дорога привела на самую макушку скалистой горы, откуда открывалась довольно четкая панорама Монако.

Представьте себе вогнутое в море трехкилометровое побережье, густо заставленное параллелепипедами десяти-тридцатипятиэтажных зданий... Места явно не хватает, и дома уступами громоздятся на отрогах Альп, нависая над морем. Словно протянутая ладонь, выдается в море плоскость спортивного городка. Этот кусок суши сделан искусственно, как здесь говорят, отвоеван у моря.

Географические контуры княжества имеют форму подковы. На одном конце подковообразного побережья находится старинный княжеский замок, на другом — знаменитое казино Монте-Карло. Замкнутый внутри подковы залив всегда безмятежно спокоен. На ультра-мариновой глади акватории миниатюрного порта заснула флогилия изящных моторных лодок... Узорные ветви декоративных пальм, как опахала, обмахивают набережную и столики кафе.

Удобная естественная бухта Монако с давних времен привлекала мореплавателей. Финикийцы основали здесь свою колонию, их сменяли греки, римляне, арабы, генуэзцы. Четыре века назад некий Франсуа Гримальди, одевшись монахом, попросился на ночлег в замок, принадлежавший тогда генуэзцам. Ночью Гримальди открыл своим людям крепостные ворота и, перебив гостеприимных хозяев, объявил себя господином. С того времени и взяла начало история монакского княжеского рода, здравствующего поныне.

В справочниках сказано, что Монако — суверенное государство с монархическим строем. Действительно, у Монако есть свой флаг, герб с золотой короной, есть администрация (называется правительственным советом), есть даже парламент из восемнадцати членов. Атрибутов, присущих государству, достаточно. Однако государства, как такового, нет, как нет и самостоятельности. Просто когда-то давно, в середине XVII века, Франция великодушно отвела карликовому княжеству часть прибрежных скал, позволила обзавестись бутафорией собственных эмблем, конституции, органов власти.

По договору монакский принц обязан был управлять княжеством, «строго сообразуясь с интересами Франции». Этим все сказано: пожалуйста, мол, играйте себе в титулованных особ, но не больше!..

Понятно, почему для въезда в Монако не нужно получать виз, проходить таможенный контроль, не нужно разменивать франки на иную валюту.

ЧИТАЯ ВЫВЕСКИ...

Я бродил по узким монакским улицам с односторонним движением и чувствовал себя на дне ущелья. Высоченные корпуса зданий стоят плотно друг к другу, оставляя лишь траншеи для проезда транспорта и порой совершенно не оставляя тротуарной каемки для пешеходов. Что же это за дома? Кто в них обитает? Узнать оказалось нетрудно. Фасады зданий пестрят заплатами вывесок. Читаю и удивляюсь: целая коллекция автографов мировых имен банков, фирм, компаний. Вот «Банко ди Рома», рядом «Креди Лионе», за ним вывеска нефтяных магнатов «Шелл»....

— Зачем вам столько банков? — спросил я у продавца табачной лавки, покупая сувенирную фарфоровую пепельницу с портретом принцессы Келли.

Словоохотливый итальянец по пояс высунулся из киоска-скворечника и затараторил, забавно вращая круглыми кукольными глазами.

Вкратце его речь сводилась к тому, что в Монако не существует подоходных налогов и поэтому финансовые тузы всех мастей вон из кожи лезут, чтобы открыть здесь свои филиалы. Однако это не просто — нужен определенный временной ценз постоянного проживания в княжестве и так далее и тому подобное. «И тем не менее!..» — мой собеседник сделал театральный жест руками в сторону небоскреба, на котором, словно иконостас, красовалась сияющая экспозиция вывесок.

— Главное для них — влезть сюда, — итальянец ткнул указательным пальцем под ноги. — А потом отсюда деловые люди вершат гигантские валютные аферы на весь мир и не платят никаких налогов.

Я поблагодарил за информацию и, не обращая больше внимания на вывески, продолжал рассматривать княжество.

В узком и очень неудобном промежутке между проезжей частью улицы и стеной стояли три круглых, размером чуть побольше тарелки, одноногих столика. Я сел в плетеное пэвизгивающее креслице, ожидая, что будет дальше. В стене открылась створка двери, оттуда боком вылезла полная дама и звонким ребячьим голосом спросила, что желает месье. Заказав кружку бочкового пива, я огляделся.

Напротив строили розовый остроугольный дом, похожий на ломоть торта или на нос океанского корабля. Я пересчитал этажи — тридцать два. Рядом низкорослый стель «Эрмитаж», облепленный завитушками фресок. По лиловому асфальту текла вереница разноцветных легковых автомашин. Прижимаясь к стенам, чтобы не угодить под колеса, густым потоком и в ту же сторону, куда шли машины, двигалась толпа. Но что за толпа! На такую толпу можно смотреть как на сцену карнавального шествия в какой-то очень жизнерадостной постановке. Тут и национальные костюмы неведомо каких стран и народов, и невероятные ультрамодные одежды.

Дама поставила на мой игрушечный столик кружку коричневого пива. Я поинтересовался, кто они — люди, идущие мимо, и куда они держат путь.

— Туристы, — отвечала хозяйка кафе. — Здесь проходит тракт к замку принца. Вы еще там не побывали?

Не мешкая, я влился в толпу и зашагал к резиденции владыки Монако.

На участке, отведенном под княжество, есть утес. Неприступный со стороны моря, утес соединен с берегом перешейком. Вершину утеса, как корона, венчает старинный замок, обнесенный крепостной стеной. Четыре зубчатые сторожевые башни, похожие на шахматные ладьи, смотрят прищуренными бойницами и на сушу и на море. Крепость была построена в XIII веке. Внешне она не изменилась. Говорят, что внутренние покои отделаны по последнему слову парижской декоративной моды.

В крепостной стене всего лишь один вход — арка сводчатых, как туннель, ворот. По обе стороны стоят

караульные будки, разрисованные в красно-белую пограничную елочку. Вдоль стены — кадки с декоративными, словно абстракционистские скульптуры, кактусами. Между будками и кактусами, как заводной, взад и вперед бегают солдатик. Солдатик наряжен в военную форму какого-то далекого века, а может быть, в театральные реквизиты. Чтобы туристы не мешали караульному нести службу, его отгородили массивной висячей цепью. На эту дворцовую площадь совершает паломничество каждый турист, оказавшийся в Монако.

ЧТО ПОЧЕМ

Туристов на дворцовой площади видимо-невидимо! Фотоаппараты и кинокамеры щелкают и стрекочут, словно цикады в летний полдень. Пестрая разноязыкая толпа колобродит, гудит, шуршит подошвами по мощеной площади.

Ошибочно считать, что все путешествующие иностранцы богачи, какие-то мистеры-твистеры. Далеко не так. В своих поездках по странам, беседуя со случайными попутчиками, я убедился, что туризм за границей получил сейчас небывалое за всю историю человечества развитие. Миллионы людей самого различного социального положения раз в год становятся добровольными скитальцами и путешествуют по маршрутам, которые облюбовывались ими в течение одиннадцати трудовых месяцев. Мне приходилось часто слышать рассуждения: лучший отпуск — поездка, а не пребывание в одном курортном месте, какое бы распрекрасное оно ни было.

Странствующий отпускник рассчитывает каждый скопленный франк, каждый каникулярный день. Но если турист заглянет в Монако, то в его планомерном маршруте может образоваться затор, а в бюджете — брешь. На туриста в Монако расставлены сети и силки, рассыпаны приманки соблазнов.

Дело в том, что туризм во всех его видах — основная отрасль монакской экономики, или, проще сказать, главный промысел здешних жителей. Население занимается торговлей, обслуживанием приезжих, изготовлением сувениров.

В Монако около пятидесяти отелей, несколько музеев, оперный театр, зоологический и экзотический сады, яхт-клуб, пляжи, плавательные бассейны, спортплощадки, гольф, множество ресторанов, кафе, баров и, наконец, знаменитое игральное казино... Таков далеко не полный перечень развлекательных заведений, рассчитанных исключительно на приезжую публику.

Прожить в Монако — дорогое для приезжего человека удовольствие. Не каждый турист может себе это позволить. Высокие «монакские» цены одинаково обязательны и для местного населения. Здесьние жители практически ничего не имеют от окружающего их великолепия. Те подданные его величества, которые получают заработную плату, а не дивиденды с процентами, хронически страдают от искусственно вздутых «туристских» расценок на жизнь.

Кстати, на заработную плату в княжестве живет семнадцать тысяч человек из двадцати двух тысяч населения. Таким образом, только пяти тысячам разнокалберных буржуев и предпринимателей живется в Монако прибыльно, комфортабельно, вольготно. Здесь много коммерсантов. Ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Бейруте не видел я таких великолепных витрин, как в Монако.

Бывалого туриста дороговизна жизни в Монако отпугивает. Поездивший по свету турист проводит в княжестве полдня, максимум день. Он потолкается у врат реликвии средневековья, сфотографирует солдатика и казино, поудивляется на астрономические цены, купит памятный сувенир и поедет дальше. Нет, Монако не по карману заурядному туристу. Уйма их, таких стреляных воробьев, транзитом минует Монако, цепко держась за свои портмоне.

Однако монакская буржуазия не унывает и процветает. У хозяев феенебельного курорта есть своя постоянная клиентура — миллионеры. У принца Монако есть свои постоянные источники доходов — казино Монте-Карло и эмиссия почтовых марок. Наладив конвейерный выпуск марок, Монако открыло для себя неистощимую золотую жилу в мире филателистов.

МОНТЕ-КАРЛО

Все началось с того, что в середине прошлого века княжество пришло в упадок, принцам не на что стало жить. Подданным, очевидно, наскучила бесплодная скалистая местность, и они постепенно разбрелись кто куда, подались в другие города. Доходы обитателей замка иссякли, долги росли. Тогда-то и объявились ловкие дельцы, надумавшие создать в Монако игорный дом. Один из таких предпринимателей, француз Морис Блан с согласия князя получил концессию на открытие в Монако игорного дома под флагом «Международного общества морских купален». Основанное им акционерное общество построило городок Монте-Карло и дворец казино. В 1868 г. открылось железнодорожное сообщение между Монако и Францией. С тех пор второе столетие в Монте-Карло крутятся диски рулеток, принося игрушечным монархам колоссальные нетрудовые доходы. Контрольный пакет акций игорного казино лежит в сейфе у принца. Флибустьеры финансового мира не раз безуспешно пытались завладеть пачкой драгоценных бумаг. Ожесточенным и долгим был поединок между монакским принцем и греческим миллиардером Онассисом. Замысел противника заключался в том, чтобы финансовыми интригами заставить держателя акций продать их. Однако и эта операция не удалась.

Монте-Карло — это район Монако, а точнее, скала, зубцами выдающаяся в море. На скале возведено величественное здание Казино в стиле ампира с высоким медно-зеленым куполом крыши, увенчанном пикой шпилью. На фасаде купидоны, лепные орнаменты. Каскад ступеней парадного подъезда устлан коврами. Возле огромных стеклянных дверей день и ночь, как часовые, дежурят привратники в позолоченных униформах.

На весь мир разошлась недобрая слава казино Монте-Карло — цитадели азартных игр, пристанища международных аферистов и шулеров.

Каждый вечер к ярко освещенному подъезду казино съезжается шикарная публика. Церемониально взойдя по коврам ступеням, дамы и господа скрываются в таинственной глубине закутаных в восточные ароматы залов. Там, за монументальным лепным фасадом, каждую ночь разыгрываются бури низменных карточных

страстей. В плотно зашторенном помещении дамы и господа очертя голову бросаются в погоню за химерическим счастьем выигрыша. Редко, очень редко кому удастся схватить золотое перо призрачной рулеточной жарптицы... А сколько жутких трагедий, помешательств, преступлений, самоубийств!

В правом крыле здания казино я видел ничем не примечательную дверь с табличкой «Особые салоны». Мне рассказывали, что в этих салонах играют только миллионеры и вход посторонним запрещен.

Такво увеселительное княжество Монако, где все к услугам богатых мира сего. Есть на свете странные, нелепые явления. Одно из таких явлений — Монако. В наш увлекательный век идеалом княжества остается колода атласных карт на зеленом сукне ломберного стола.

Команда романтиков

Насквозь продутый океанскими ветрами порт Сафи слывет сардиновой столицей Марокко. От причалов порта уходила в просторы Атлантики непривычная для здешних старожилов рыбацкая шхуна—папирусный корабль «Ра-2» с легендарным экипажем.

Две недели я прожил в Сафи вместе с восьмеркой отважных мореплавателей, близко узнал их и подружился. О каждом из них в отдельности можно написать увлекательную повесть, ибо это люди с необычными биографиями, это люди, чья жизнь связана с риском, наполнена приключениями. Все члены экспедиции очень различны и по характеру, и по убеждениям, и по профессиям. Однако команда в целом являет собой прекрасный пример того, как люди разных стран и национальностей могут отлично ужиться и работать даже на таком крохотном жизненном пространстве в двенадцать квадратных метров, каким была для них каюта «Ра-1». История первого плавания такова...

В 1969 году норвежский ученый и знаменитый путешественник, герой «Кон-Тики» Тур Хейердал вместе с набранным им интернациональным экипажем предпринял попытку пересечь Атлантический океан на борту папирусного корабля, построенного в Объединенной Арабской Республике специалистами из Чада. Цель экспедиции состояла в том, чтобы проверить на практике — возможно ли было переселение древних народов из Африки в Америку задолго до Колумба.

На чем же плавали древние египтяне и финикийцы? Выяснили — на папирусных лодках. Папирус, разновидность камыша, рос тогда в изобилии по берегам Нила,

из его сухих стеблей делали не только знаменитые свитки, заменявшие древним людям бумагу, но и суда. Вернее, эти суда плелись, как корзины с широким и плотным дном. Благодаря легкости папируса суда хорошо удерживались на воде. Побывав в Республике Чад, я видел подобные папирусные лодки на озере, давшем имя стране. Оказывается, чадские рыбаки, как и десятки веков назад, плетут такие лодки и ходят на них под парусом.

Итак, в мае 1969 года первый корабль Хейердала, названный именем древнеегипетского бога солнца — «Ра», был доставлен с берегов Нила в Марокко и спущен на воду. Отплыв из Сафи, судно почти два месяца проплавало в океане, проделав пять тысяч двести километров. Однако берегов Американского континента «Ра» все-таки не достиг — сильные волны нанесли серьезное повреждение судну и, спасая экипаж, его пришлось покинуть в районе Малых Антильских островов, возле острова Барбадос. Прошло около года, и вдруг мировая печать заговорила о новой экспедиции Хейердала, который снова отдал команду: «Свистать всех в Сафи!»

Есть люди, которые привораживают к себе одним видом, излучая обаяние. Герой «Кон-Тики» Тур Хейердал именно таков: высокий, с прямыми седыми волосами, с загорелым обветренным лицом, на котором ярко-голубые, как васильки, восторженные глаза. Хейердалу пятьдесят семь лет, у него прекрасное здоровье, он отличается завидной физической силой, владеет семью языками, потрясающе трудоспособен. Судите сами: маститый ученый и мореход, писатель и антрополог, исследователь океана и кинооператор (премия «Оскара» за фильм о Кон-Тики).

Толпы журналистов, фото- и кинорепортеров со всего света осаждали отель «Мархаба» в Сафи, где жил Тур Хейердал со своим экипажем, собираясь в предстоящее плавание. Многие задавали себе и ему вопрос: зачем в наш век сверхзвуковых скоростей пытаться пересечь океан от берегов Африки до Америки на папирусной лодке, какой пользовались примерно пять тысяч лет назад? Такой вопрос задал и я Хейердалу, и он терпеливо объяснил мне цели и задачи своей экспедиции.

Во время нашей беседы мы сидели на открытой веранде отеля, откуда отчетливо, до самого горизонта, просматривался лиловый океан. Вольный веселый ветер неся из океанских просторов, бил нам в лицо...

— Бесспорен для всех факт,— говорил Хейердал,— что наша экспедиция «Ра-1» значительно обогатила теорию переселения древних цивилизаций. Да будет вам известно, что научный мир в этой области сейчас разделен на два лагеря: одни считают, что средиземноморские народы, в частности финикийцы, задолго до Колумба могли пересекать Атлантику, могли переносить на Американский континент свою культуру. В подтверждение приводятся те общие черты, которые наблюдаются в жизни, обрядах, обычаях коренных народов Америки и Африки. Вторая и наиболее многочисленная группа исследователей отрицает такую взаимосвязь древних цивилизаций. Главный их аргумент состоит в том, что ни финикийцы, ни другие народы, известные в далеком прошлом как опытные мореходы, не могли на папирусных посудинах пересечь океан. По их мнению, пределы навигации мореплавателей ограничивались бассейном Средиземного моря. Бытует также суждение, что папирус не может выдержать долгого пребывания в воде. Нам даже пророчили, что «Ра» развалится через две недели после выхода в океан. Что касается меня, то в данном научном споре я нейтрален. Я всего лишь практик, ставлю практически научный эксперимент — доплыть до заданной точки. Тем самым я даю теоретикам пищу для их дальнейших исследований, и пусть они уже в свете моего собственного конкретного опыта решают — было ли великое переселение древних цивилизаций или нет. Во всяком случае, лично я не считаю, например, что египтяне и мексиканцы — родные братья. По-моему, они лишь дальние родственники, и, если древние могли доплыть до берегов Америки, они не могли оттуда возвратиться. Ведь папирусное судно несут течения и попутный ветер. Против течения судно плыть не может.

— Нашей первой экспедицией мы сумели доказать, что стебли папируса — прекрасный материал для судна, что на таких лодках можно плавать в просторах океана. Все зависит от конструкции, от того, как построен корабль. На сей раз наше судно построили в Сафи пять

индейцев из Боливии. На изготовление «Ра-2» ушло двенадцать тонн сухого папируса. По форме «Ра-2» очень похож на молодой месяц с круто загнутыми вверх носом и кормой. Это придаст судну большую устойчивость в шторм. Принципиально изменилась система строительства: если первое судно было соткано из множества пучков стеблей, то второе — из двух монолитно и весьма надежно сплетенных гигантских поплавков. Я считаю, что в первом случае мы допустили ошибки при вязании узлов, установке мачты, в системе креплений. Не были просмолены срезы стеблей папируса, который, набухнув, утяжелил судно. И с точки зрения навигации не все было учтено. Зная, что ветер все время будет справа, мы для равновесия поместили на правый борт больше груза, чем на левый. Однако с подветренной стороны волны чаще и сильнее омывали борт. В результате он больше впитал в себя воды и образовался крен.

Хейердал задумчиво смотрит на фиолетовую гладь расстилающейся перед нами Атлантики. Для меня, как и для многих других, кто видит перед собой спокойные и неопасные волны, океан не страшен. Но этот норвежец, не раз покорявший морскую стихию, хорошо знает обманчивое ее свойство.

— Таким образом, во всех отношениях экспедиция «Ра-2» есть органическое продолжение первой: закрепить достигнутые результаты, еще раз проверить наблюдения, исследования. И главное — мы еще раз продемонстрируем всему миру, что людей разных континентов и убеждений может сплотить, подружить и сблизить мирный труд, общая благородная цель.

После экспедиции «Ра-1» члены экипажа побывали в ОАР, ряде стран Европы, объехали несколько городов СССР. Мореплаватели выступали по советскому телевидению. Все члены команды тепло вспоминали то внимание и замечательный прием, которые им оказали на нашей земле. Разные эти люди из восьми стран, второй раз собравшиеся вместе, чтобы, рискуя жизнью, снова покорить океан ради науки.

Много раз далеко за полночь затягивались наши беседы с членом экипажа Юрием Сенкевичем — советским врачом и журналистом, объездившим немало стран, год работавшим в Антарктиде.

— Ты спрашиваешь, есть ли риск в нашей экспедиции? — задумчиво говорил Юрий. — Конечно есть, ведь в открытом океане, бывает, бушуют волны ростом с десятиэтажный дом... На мне — ответственность не только за здоровье экипажа, но и за обеспечение качественными продуктами и за сохранность тысячи литров пресной воды. Я должен также вести психологические наблюдения за поведением человека в сложных условиях столь необычного плавания.

Юрий Сенкевич рассказывал, что на борт взята обаятельная любимица команды озорная обезьянка Сафи. Прихватили с собой ящик с двумя дюжинами кур — эта живность разнообразит стол, так как никто из экипажа не проявил себя удачливым рыбаком.

С египтянином Джорджем Сориалом мы отправились однажды по делам в Касабланку. В дороге Джордж вспомнил, как несколько лет назад по совету врачей он начал серьезно заниматься спортом и вскоре в совершенстве овладел профессией морского аквалангиста, стал шестикратным чемпионом ОАР по дзюдо, а затем и чемпионом Африки. Биохимик по образованию, Сориал испробовал свои способности на многих поприщах, и всегда этот разносторонне талантливый тридцатилетний атлет достигал отличных результатов. Например, он говорит свободно на пяти языках и на трех немецких диалектах.

Рядом с атлетом Сориалом, носящим пятидесятый размер обуви, мексиканец Сантьяго Хеновес кажется низкорослым. «Для меня, антрополога, ни к чему габариты Джорджа», — шутит он. Хеновес — философ, профессор антропологии в университете в Мехико. И кроме того, он писатель, выступающий с произведениями антивоенного характера. Такая тема вполне понятна — ведь Хеновес по происхождению испанец, покинувший родину в период разгула фашистского режима в стране. Журнал «Иностранная литература» публиковал главы одного из его романов.

Колоритная фигура в команде — итальянец Карло Маури — социалист по убеждениям, профессиональный альпинист, входящий в пятерку лучших альпинистов мира, кинооператор, фотограф, журналист. Он штурмовал неприступные горы, жил во льдах, ездил по всему свету и всегда писал, писал репортажи о мужественных

людях. Он и сам такой. Однажды, когда мы купались в океане, я обратил внимание на исполосованную шрамами грудь и левую ногу Карло.

— Это случилось на Эвересте, куда я взбирался несколько раз,— ответил он.— Но однажды не повезло — свалился. Я упал в ущелье, размозжив грудную клетку и раздробив кость на ноге. Четыре года лечился. Врачи утверждали, что об альпинизме нечего думать. Но после всего этого я снова побывал на вершинах...

В программу научных исследований экспедиции входило изучение поверхностных течений океана, загрязненности воды в различных слоях, метеорологические наблюдения. Этим занимался марокканец Мадани. Помимо сугубо научных исследовательских целей, которые ставил перед собой экипаж, в пути был снят полнометражный цветной фильм; его делал японец Кей Охара, уже отснявший за свою жизнь более двухсот фильмов.

Американец Норман Бейкер — единственный на судне профессиональный моряк — обеспечивал радиосвязь лодки с землей.

В беседах с Хейердалом я интересовался, какова стоимость экспедиции и кто ее финансирует.

— Многие почему-то считают,— отвечал ученый,— что я баснословно богат. К сожалению, это далеко не так. Чтобы снарядить вторую экспедицию, мне пришлось изрядно залезть в долги, забрать ссуды под будущую, еще не напечатанную книгу и под фильм, которого пока нет...

Да, не перевелись на нашей планете альтруисты-бессребреники, для которых жизнь невысказана без дерзновений, без поиска!

В день отплытия над вздыхающим океаном светило рыжее солнце. На набережной, у причалов, собралось много народу, корабли в порту давали прощальные гудки. Прощаемся, я обнимаю друзей, одетых в морские тельняшки, подаренные им советскими моряками. На прощание Тур Хейердал говорит:

— Мы еще раз покажем всему миру, что людей разных континентов и убеждений может и должен подружить, сблизить мирный, благородный труд, стремление достичь намеченной цели... Если люди тысячи лет назад могли общаться, преодолевать огромные расстоя-

ния, то в наш век взаимообогащающие контакты должны быть тем более тесными. Из нашего опыта можно сделать много выводов. Пусть об этом подумают люди нашей планеты.

Прямоугольный бордовый парус пружинисто изогнулся на ветру, и кораблик, подхваченный легкой волной, ринулся в открытый океан...

Из порта Сафи фелюга взяла курс на юго-запад и прошла между Канарскими островами. Далее по канарскому течению лодка обогнула острова Зеленого Мыса. После крутого поворота на запад подошла к берегам Америки и причалила к острову Барбадос. Всего плавание продолжалось пятьдесят семь дней. Так восьмерка смелых покорила океан.

СОДЕРЖАНИЕ

Панорама Марокко	
Ислам и современность	3
Структура общества	6
Старый Рабат	8
Дружба с Москвой	13
Пестрый Танжер	14
С кочевниками Сахары	19
В освобожденном Ифни	34
Алжир наших дней	
Город Алжир	42
Война трущобам	43
На ферме «Гарби Айса»	45
На земле Туниса	
О том, как перестали подметать пустыню	48
Равнинный и горный Тунис	50
Охота на кабанов	52
В Ливане	
У крестьян	58
Будни и праздники	62
В Бейруте	70
Мавритания на подъеме	
Первое впечатление	72
Вне времени	74
Двести тысяч единомышленников	75
Честность — закон пустыни	78
Своими силами	79
«Интернационал»	81
Преображение	82
Черный шатер	85
Берег Слоновой Кости с натуры	
Город на лагунах	92

Слоны, не принесшие счастья	96
Каждая третья чашка кофе	97
«Витрина свободного предпринимательства» .	99
Дворцы и хижины	101
В джунглях у пигмеев	
Поиски начались	104
У ночного костра	107
В новые края	112
Камерунская новь	
Судьба страны	114
Ночная встреча	115
Исцелитель	119
Будущие медики	121
Прерванный обед	122
На острове Мадагаскар	
По улинам столицы	127
В какую сторону?	129
У министра	133
Люди с открытым сердцем	135
Гибралтарские встречи	
Сторожевая вышка	141
Лассо блокады	143
Плебисцит по заявке Лондона	144
Хобби Гибралтара	145
Встречи	147
Увеселительное княжество Монако	
Без визы и границ	151
Читая вывески	153
Что почем?	155
Монте-Карло	157
Команда романтиков	159

Владимир Константинович Катин

ЭХО СТРАНСТВИЙ

Путевые очерки

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Г. М. Козловская
Художник Э. С. Эрман
Художественный редактор
И. Р. Бескин
Технический редактор
М. М. Фридкина
Корректор М. К. Киселева

Сдано в набор 22/IV 1971 г.
Подписано к печати 8/VI 1971 г.
А-05898. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82
Уч.-изд. л. 8,56
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2789
Зак. № 458. Цена 46 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

46 коп.